

Жуколай Чукмалдиѣ.

Мои воспоминанія.

Особое приложене къ № 12--13 «Русскаго Труда» 1899 г.

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНИЯ С. Ѳ. Шарапова.

По русскимъ хозяйствамъ. Путевыя письма въ «Новое Время», пересмотрѣнные и дополненныя. М. 1893 г. Ц. 2 р.

А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки (съ 2 портретами). Публичное чтеніе въ Историческомъ Московскомъ Музеѣ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Франція и Славянство. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Спб. Славянскаго Благотвор. О-ва. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Собраніе сочиненій С. Ѳ. Шарапова. Т. I. Церковные вопросы. Публичныя рѣчи. Путевыя письма. Т. II. Путевыя письма. Спб. 1894 г. Цѣна за оба тома 3 р. (отдѣльно не продаются).

Къ свѣдѣнію будущаго министра Земледѣлія. (Второе изданіе «Писемъ о голодѣ».) Обмѣнъ мыслей между Рцы, N*, Н. П. Аксаковымъ и С. Ѳ. Шараповымъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Съ приложеніемъ 16 неизданныхъ писемъ А. Н. Энгельгардта къ А. Н. Куломзину. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

По садамъ и огородамъ. Путевыя письма въ «Русскую Бесѣду». Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Бумажный рубль. Его теорія и практика. Изслѣдованіе о научныхъ законахъ бумаго-денежнаго обращенія въ самодержавномъ государствѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

По Черноморскому побережью. Путевыя очерки изъ поѣздки въ составѣ экспедиціи министра Земледѣлія осенью 1894 г. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Кружнымъ путемъ. Романъ въ 5 частяхъ. Спб. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Русская реклама. Ал. Веригина. Ц. 10 к.

Македонскій вопросъ. Іована Поповича-Липоваца съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Ц. 10 к.

М. Г. Черняевъ. (съ портретомъ). Ц. 5 к.

Капиталы и долги. Г. В. Бутми. Ц. 20 к.

Сѣверный морской путь. В. Кельина и Н. Чукмалдина. Ц. 20 к.

Ден ги земледѣльской страны. А. Фролова. Цѣна 20 к.

Измѣненіе денегъ. А. Шабри. Еще о Сѣверномъ морскомъ пути. Виктора Кельина. Ц. 10 к.

Бѣглый солдатъ Скрыпа и мое ученіе (изъ дѣтскихъ воспоминаній (Н. Чукмалдина. Ц. 10 к.

Мнимое перепроизводство серебра. Павла Оля и Сергѣя Шарапова (съ діаграммами). Ц. 20 к.

О русскомъ церковномъ управленіи. 12 статей протоіерея А. М. Иванцова-Платонова съ предисл. Сергѣя Шарапова. Ц. 40 к.

Царь-Освободитель (съ портретомъ Государя Александра II). А. А. Пороховщикова. Ц. 10 к.

Теорія государсва у славянофиловъ. Сборникъ статей И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, Аѳ. В. Васильева, А. Д. Градовскаго, Ю. Ѳ. Самарина и С. Ѳ. Шарапова. Цѣна 50 коп.

Притязанія Германіи на турецкое наслѣдство. Цѣна 10 к.

Александръ Тропенасъ и «тропенасованіе» (съ портретомъ). Цѣна 10 к.

Изобрѣтатель и хищники. Александра Шилла. Цѣна 10 к.

Ломъ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Елены Зеландъ-Дуббельтъ. Ц. 40 к.

повѣдь русскаго изобрѣтателя. Н. Д. Булыгина. Ц. 15 к.

Николай Чукмалдикъ.

Мои

воспоминанія.

Особое приложеніе къ № 12—13 газеты «Русскій Трудъ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Пороховщикова. Басейная, д. 3—5.

1899.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отъ воспоминаній г. Чукмалдина вѣетъ совѣмъ инымъ воздухомъ, чѣмъ отъ многихъ произведеній нашей современной литературы. Этотъ безхитростный и теплый рассказъ переставляетъ совершенно наши „культурныя“ понятія. Уже при чтеніи первой главы рассказа невольная улыбка читателя надъ этими „азами“ и „буками“, „словотитлами“ и чтеніемъ „по верхамъ“ смѣняется нѣкоторымъ конфузомъ. Да полно, культурнѣе-ли наше-то усовершенствованное преподаваніе? Культурнѣе-ли и самая наша нынѣшняя школа, земская, или церковно-приходская, все равно,—чѣмъ эта домашняя школа бѣглаго солдата и раскольничьяго начетчика? Культурнѣе-ли и самая наша сельская жизнь въ ея новыхъ формаціяхъ? Свидѣтельство г. Чукмалдина, *православнаго* и сына православныхъ родителей здѣсь, очень цѣнно. Вѣдь независимо отъ того, что дѣдъ Скрыпа—филипповецъ-безпоповецъ, онъ, какъ учитель, не разбираетъ дѣтей своего согласія отъ чужихъ, служить одинаково всѣмъ. Ученіе здѣсь, какъ въ древней Руси—подвигъ, богоугодное дѣло.

А какъ это ученіе было обставлено! Азбуку надо было „писать“, Псалтирь покупать за пять рублей... Н. М. Чукмалдинъ упоминаетъ, что азбуку его учитель писалъ „по растрѣ“. Знаете, что это такое? На гладкой доскѣ натягивались параллельныя ниточки. Сверху клалась бумага и по ней проводилось чѣмъ-нибудь гладкимъ. Получался глянцевитый слѣдъ линеекъ. Карандашъ и бумага были роскошью. Но это не служило тормазомъ просвѣщенію...

Затѣмъ останавливаетъ вниманіе читателя весь строй жизни обитателей Кулакова. Церковь далеко, священникъ

пріѣзжаетъ рѣдко и представляется совсѣмъ чужимъ человекомъ. Просвѣтителами и духовными вожаками являются спорящіе между собою сектанты-безпоповцы Скрыпа и Якуня, но ихъ споры идутъ въ интимномъ кружкѣ. Для массы—раскольничьей и православной, безразлично—чтеніе священныхъ книгъ, житій святыхъ, нравственныя бесѣды, обученіе дѣтей, рѣшеніе споровъ, словомъ, живое культурное воздѣйствіе на чистой христіанской почвѣ. Забытый церковнымъ и гражданскимъ пачальствомъ уголокъ Русской Земли держитъ свой духовный, русскій и христіанскій строй высоко и ждетъ вышихъ даровъ культуры. Это въ маленькомъ отраженіи нашъ XVII вѣкъ.

И вотъ, эти дары приходятъ. Но увы! Цивилизація идетъ чужая, не изъ народной почвы выросшая, съ русской исторіей связь порвавшая, отъ родныхъ завѣтовъ отвернувшаяся. Кулаково втягивается въ общее русло новой русской жизни...Патріархальный періодъ окончился.

Лучше-ли стало? Пусть объ этомъ расскажетъ читателю самъ авторъ, который ушелъ изъ своей деревни, составилъ независимое состояніе, но сохранилъ въ сердцѣ горячую любовь къ родному углу и теперь, на старости лѣтъ дѣлаетъ для него, что можетъ. Выстроилъ чудесную школу и мастерскую, завелъ садъ и образцовое поле, кончаетъ строить церковь. Пусть-же онъ будетъ живымъ свидѣтелемъ, что сдѣлала новѣйшая цивилизація изъ Кулакова и что за воззрѣнія и нравы тамъ воцарилась.

Да не подумаетъ читатель, что мы стоимъ за XVII вѣкъ, за эту исключительность и ревнивость въ обереганіи старины, за застой. Нѣтъ! Разсказъ Н. М. Чукмалдина рисуетъ какой-то подготовительный) періодъ—періодъ ожиданія, періодъ сосредоточенія народныхъ силъ и народнаго духа въ себѣ самомъ. Все это сильное, здоровое, вѣрующее, нравственное, мягкое и доброе населеніе при иныхъ условіяхъ могло дать неслыханный и оригинальный культурный расцвѣтъ. Могло... да ничего изъ этого не вышло! На дрожжахъ петербургскаго періода русской исторіи, когда эти дрожжи были брошены, вошла опара... ее мѣсятъ, пекутъ, но хлѣба упорно не выходитъ...

Изъ родной деревни авторъ переноситъ насъ въ уѣздный городъ и съ тою-же теплой простотой и безыскусствен-

ностью рисуетъ свою юность въ домѣ богатаго родственника кожевеннаго фабриканта. И здѣсь наши ходячія понятія о купеческой средѣ, о „темномъ царствѣ“ значительно переставливаются. Да полно такіе-ли ужь были самодуры и кулаки эти вышедшіе изъ крестьянъ капиталисты какъ ихъ, намъ рисовали? Это были просто дѣловые люди, но по своему и честные и отзывчивые, хотя немного и грубые. Такъ вѣдь вспомнимъ только, что надъ нами тяготѣло сверху цѣлыхъ двѣсти лѣтъ! Разсказъ Н. М. Чукмалдина— большой важности культурный документъ. Быть захолустнаго города полтвѣка назадъ отражается въ немъ очень полно... и снова возникаетъ жестокій, поистинѣ вопросъ: лучше-ли стало? Наша цивилизація ворвавшаяся съ паромъ и электричествомъ, банками и биржами, газетами и кафешантанами, и все кверху ногами въ Россіи перевернувшая,—къ лучшему-ли измѣнила она этотъ цѣльный и крѣпкій народный бытъ?

Тяжелые вопросы и тяжело ихъ рѣшать...

Первая глава этихъ воспоминаній была уже напечатана особымъ приложеніемъ къ № 18 „Русскаго Труда“ прошлаго года. Ее пришлось повторить, такъ какъ отдѣльное ея изданіе все разошлось.

Сергій Шараповъ.

Бѣглый солдатъ Скрыпа и мое ученье.

Въ Западной Сибири, близъ г. Тюмени, есть большая деревня Кулакова. Расположенная на берегу сплавной рѣки Туры, построена она, какъ всякая деревня въ Сибири, изъ крупнаго сосноваго лѣса дома и избы покрыты тесомъ и драницами, и лишь недавно появилось нѣсколько домовъ, крытыхъ желѣзомъ, окрашенныхъ зеленой малахитовой краской.

Въ дни моего дѣтства, лѣтъ 50 тому назадъ, желѣзныхъ крышъ на домахъ не бывало, но за то у всякаго крестьянина, сколько-нибудь исправнаго, во всю длину избы и горницы, отдѣляемыхъ сѣнями, пристраивалось „задворье съ повѣтями“ и кладовыми, куда складывался домашній скарбъ и устраивалась мастерская и складъ лѣтомъ для ремесленныхъ издѣлій: саней, телѣгъ и другихъ крестьянскихъ экипажей. Домъ отдѣлялся отъ открытымъ дворомъ; напротивъ дома стояли погребъ и амбаръ, сзади которыхъ устраивался „пригонъ“ для домашняго скота, съ соломой крытыми навѣсами и конюшней; тамъ въ маленькія отверстія, замѣняющія окна, вставлялись и примораживались зимою цѣльные куски льда.

Со двора въ сѣни дома вело полуоткрытое крыльцо. Сѣни были всегда холодныя, съ одной стороны изъ нихъ велъ ходъ въ избу, широкими дверями, позволяющими вытаскивать въ задворье сработанныя сани, а съ другою — былъ ходъ, въ нѣсколько ступенекъ „рундука“, въ „горницу“, внизу которой бывала тоже, или нижняя другая горница, или темный „подвалъ“, гдѣ семья хранила болѣе цѣнное имущество и гдѣ лѣтомъ устраивалась спальня. Зимою на рамы оконъ въ избѣ, вмѣсто стеколъ натягивалась брюшина“ пропускавшая разсѣянный свѣтъ, но не позволявшая видѣть ни двора, ни улицы. Для этого въ нѣкоторыя брюшины вма-

зывались маленькіе куски оконнаго стекла въ мѣдный пятакъ величиною, которые оттаивались отъ слоя льда, всегда на нихъ замерзавшаго, усиленнымъ дыханіемъ человѣка, желавшаго посмотрѣть на улицу.

Я живо помню, когда у насъ, по отдѣлѣ отъ дѣда, была всего одна изба, въ которой помѣщалась вся семья, и гдѣ устроена была отцомъ, въ одномъ углу мастерская для работъ—саней и „хрясель“ (верхняя часть телѣги), а въ другомъ углу стояли „красна“ матери для работы — ковровъ и „полазовъ“. Высокія „полати“ днемъ служили складомъ платья и постелей, а ночью спальней.

На печи постоянно лежалъ старый дядя отца, дѣдъ Алексѣй, и по ночамъ, когда уже всѣ спали, громкимъ шопотомъ молился Богу, перебирая лѣстовку (четки) и повторяя: „Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ“. При этомъ онъ всегда спускался съ печи на „голбецъ“ и, держась рукой за притолоку, дѣлалъ поясные поклоны. Спать всѣ ложились рано (около 9 ч.), за то отецъ и мать вставали около 3 часовъ утра. Между оконъ ставился тогда „поставецъ“ въ родѣ треножника, въ который вкладывалась лучина съ вечера еще заготовленная, и зажигалась, чтобы освѣщать всю избу, а въ особенности мѣсто, гдѣ работалъ отецъ и стояли „красна“ матери. Отецъ передъ этимъ еще въ потьмахъ тихо и долго молился Богу, и потомъ уже зажигалъ лучину. За нимъ вставала мать, умывалась и уходя въ „куть“, также молилась Богу. Затѣмъ мать топила печь, стряпала и варила, а въ промежуткахъ садилась за прялицу (прялку) и шуршала веретенкомъ, вытягивая шерстяныя нитки для ковровъ. Отецъ же сначала точилъ брускомъ инструменты, а потомъ принимался за работу: тесалъ, строгалъ, долбилъ и пригонялъ на мѣсто части саней.

Когда мнѣ было лѣтъ около шести, я началъ по дѣтски помогать отцу въ его работѣ, дѣлалъ зарубки на доскѣ для задняго украшенія саней и заячьей лапкой мазалъ ворвань по дереву, чтобы придать ему желтоватый оттѣнокъ.

Помню разъ, отецъ разбудилъ меня въ воскресный день очень рано и повелъ къ заутрени, къ дѣдушкѣ Артемію Скрыпѣ. Я слыхалъ и раньше, что есть гдѣ-то на концѣ деревни, дѣдушка Скрыпа, но никогда не видалъ его, ибо онъ „скрывается“. Мы прошли съ отцомъ всю деревню, поднялись улицей до полу-горы, повернули въ переулочъ и прошли на Скрыпинъ дворъ, откуда заднимъ ходомъ перешли на огородъ

и постучались въ маленькую дверь низенькаго домика-избушки. Изнутри насъ опросили: „кто тамъ“? Отецъ произнесъ Иисусову молитву; намъ отвѣтили: „аминь“, дверь отворилась и мы вошли въ сѣни, а потомъ и въ избу—маленькую съ полатами и лавками, но чистую, съ большими иконами въ переднемъ углу и съ запахомъ ладана.

Старушка Авдотья Степановна, сестра Скрыпы, пригласила насъ подождать, потому что еще рано, и „самъ“ читаетъ „правила“. Богомольцы начали одинъ по одному подходить; ихъ впускали также съ Иисусовой молитвой, пока не набралось человѣкъ 20,

Спустя немного времени, изъ другой комнаты моленной вышелъ старикъ, высокаго роста, плотно сложенный, съ высокимъ лбомъ, окладистой и волнистой сѣдою бородою, и такимъ выразительнымъ лицомъ, что я помню его и теперь, какъ живаго, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ протекло цѣлыхъ 55 лѣтъ.

— Здравствуйте, братія, поклонившись всѣмъ, сказалъ онъ.

Всѣ мы встали и поклонились ему низко, а нѣкоторые старики и старухи даже до земли.

— Ну сядемъ, отдохнемъ немного и пойдемъ молиться полунощницу и заутреню. Часы помолимся послѣ, — сказалъ намъ Артемій Степановичъ.

— Спаси, Господи,—хоромъ отвѣтили многіе.

— Ты что, сына привелъ, Мартемьянъ Потаповичъ?—спросилъ онъ моего отца.

— Да, сына, дѣдушка Артемій. Пусть послушаетъ службу божественную.

— Добре, добре. А какъ его зовутъ?

— Николай,—отвѣтилъ отецъ.

— Ну, Никола, ты вѣдь еще грамотѣ не знаешь. Послушай сначала божественную службу, посмотри, а потомъ начнешь учить и грамоту. Хочешь учиться?

Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, и ничего не могъ отвѣтить. Отъ робости языкъ мнѣ не повиновался и я готовъ былъ расплакаться.

— Онъ робокъ, замѣтилъ отецъ. А дома всѣ стѣны въ избѣ перемаралъ углемъ, все списываетъ цифры.

— Ну, ничего. Робокъ да съ толкомъ, вотъ и искра Божія, — закончилъ Артемій Степановичъ. А теперь, пожалуй, пойдемте и молиться.

Всѣ пришедшіе снимали шубы—мужчины оказались въ каф-

танахъ изъ темныхъ тканей, то ластика, то крашеного холста, а женщины въ черныхъ сарафанахъ, съ лицами, повязанными ниже подбородка краемъ черного платка. Въ рукахъ у всѣхъ были лѣстовки и восковыя свѣчи, принесенныя изъ дому. Артемій Степановичъ пошелъ въ моленну (молельню) внутреннимъ ходомъ, а мы направились туда-же сѣнями.

Молельнею оказалась небольшая комната, рядомъ съ избою. Въ ней не было ничего особеннаго, но тогда она поразила меня своей необычайностью. Отъ горѣвшей предъ иконою лампы, шелъ слабый свѣтъ, а сбоку, въ маленькое оконцо ярко свѣтилъ мѣсяцъ. На противоположной отъ входа стѣнѣ, во всю ея длину, тянулась божница,—полка, на которой стоялъ рядъ иконъ, строгаго стараго стиля, писанныхъ красками и мѣдныхъ. На узенькой лавкѣ стопами лежали „подрушники“, на гвоздикѣ группою висѣли лѣстовки (четки), а въ углу полки стояла мѣдная кадильница. Принятые въ общину Филипповской секты богомольцы прошли впередъ, а мы съ отцомъ какъ „мірскіе“ (православные) остались назади простыми слушателями, не принимая участія въ моленіи. Свѣчи были къ божницѣ прилѣплены и зажжены, а подрушники взяты въ руки. Артемій Степановичъ сказалъ:—„Господи благослови“ и началъ вмѣстѣ съ другими „класть началъ“, провозглашая въ полголоса: „Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному“ и дѣлалъ поклоны. Потомъ полуобратясь къ молящимся, громко произнесъ: „Благословите, братія“ и получивъ отвѣтъ—„Богъ благословитъ“, возгласилъ: „За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь“.

Началось чтеніе полунощницы и послѣ „отпуста“, пошла такимъ-же порядкомъ, заутреня. Читались молитвы по „часовнику“ (часослову), каеизмы по псалтырю. Нѣкоторые тропари и словеса пѣлись всѣми присутствующими. Артемій Степановичъ владелъ прекраснымъ баритономъ, и я съ восторгомъ слушалъ его голосъ на „Господи воззвахъ“ и „Хвалите Господа съ небесъ“,

Послѣ заутрени мы всѣ снова перешли въ избу отдохнуть, послѣ длиннаго, продолжавшагося часа три моленія. Началась бесѣда. Дѣдушка Артемій говорилъ о правотѣ своей вѣры, посылалъ укоры въ заблужденіяхъ „ѡедосѣвщинѣ“ и яро порицалъ наставника этой секты, хромаго „Якуню“ въ непониманіи правилъ св. Отцовъ. Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ, изрѣдка рѣшаясь сдѣлать вопросъ. Какая-то старуха сидѣвшая сзади всѣхъ, вдругъ заплакала и заговорила:

— Господи, надо-бы молиться и ни о чемъ не думать, а у меня внучекъ хворый, и вотъ согрѣшила, все о немъ думала, чѣмъ-бы его покормить. Надо-бы молочка давать, да нѣтъ коровушки, а купить не на что.

— Экая ты, давно бы-мнѣ сказала,—живо вмѣшался Артёмій Степановичъ.—Завтра прїѣдетъ ко мнѣ Аграфена Ивановна и я выпрошу у нея денегъ на корову. Приходи послѣзавтра.

Старуха встала и перекрестилась. Слезы потекли у ней изъ глазъ и она всхлипывая, говорила:

— Спаси-те Богъ, дѣдушка.

Часовъ около 6 зимняго утра, съ тѣми-же обрядами, какъ за полунощницей и заутреней, отслужены были и “часы”.

Послѣ этого мы съ отцомъ сдѣлали передъ иконами три крестныхъ знаменія съ молитвою „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“ и съ тремя поклонами, и попрощались съ дѣдушкой Артёміемъ.

— Смотри-же, малецъ, приходи чаще молиться Бову сюда, а потомъ и грамотѣ учиться,—сказалъ наставительно старикъ.

Когда вернулись мы домой, у матери печь была истоплена, и празничныя шаньги въ ней уже готовились. разнося по комнатѣ прїятный аромат свѣже-печенаго хлѣба. Изба была подметена, усыпана бѣлымъ пескомъ, а въ переднемъ углу предъ иконою, горѣла восковая свѣча.

— Ахъ, мама, какъ дѣдушка хорошо поетъ,—залепеталъ я еще на порогѣ. Слушай мама: „хва-ли-те Го-спо-да съ не-бесъ“, зянулъ я слышанное пѣніе.—А дѣдушка читалъ большую, большую книгу, а потомъ другую поменьше. Но только долго стояли, у меня ноги устали...

Мать слушала и улыбалась.

— Христось съ тобою, Миколушка, грѣхъ жаловаться, что на моленьи ноги устали. Вотъ, Богъ дастъ, и тебя станемъ учить грамотѣ и ты намъ будешь читать Псалтырь и молитвы.

— Учиться стану, мама,—закричалъ я весело. А какъ надо учиться, такъ-же какъ цифирь выговаривать, или по иному?

— Мы съ отцомъ грамотѣ не знаемъ и я не знаю, какъ учиться надо. Сперва учатся по азбукѣ, потомъ по часовнику, а потомъ и Псалтырь твердятъ.

Я залѣзъ на полати и мурлыкалъ слышанный напѣвъ. Помню, какъ мнѣ не давался мотивъ: „Воду прошедь яко сушу“. А что такое „гласъ третій“ и почему поютъ по разному „Господи воз-

звахъ“ и „Воду прошедъ“? — мучительно вертѣлись въ головѣ вопросы, пока я не заснулъ крѣпкимъ сномъ ребенка.

Прошла зима и лѣто. Мы иногда съ отцомъ ходили къ дѣдушкѣ Артемію молиться, а иногда, между „часами“ и „позвѣчьемъ“, слушать въ кругу его приверженцевъ, назидательное чтеніе изъ Четы-Минеи, Прологовъ, Воскреснаго Евангелія, Апокалипсиса и даже иногда и Кормчей книги. Мастерски читалъ дѣдушка Артемій, а еще лучше толковалъ прочитанное. Бывало, лѣтомъ, соберутся на открытомъ воздухѣ косогора, подъ крышею навѣса, человѣкъ 30 слушателей, мужчинъ и женщинъ. На удобномъ мѣстѣ ставится столъ, накрытый скатертью, и приносятся книги, изъ которыхъ предполагается чтеніе или справки по поводу какихъ нибудь споровъ, возникшихъ на предъидущихъ собраніяхъ, на основаніи какого либо текста, допускающаго разное толкованіе. Терпѣливо выслушаетъ дѣдъ Артемій оппонента и потомъ ясно и убѣдительно начинаетъ приводить свои доводы, ссылаясь на книги и указывая даже страницы, гдѣ извѣстный текстъ напечатанъ или написанъ. Иногда переходили на общее пѣніе старообрядческихъ стиховъ, изъ которыхъ наиболѣе любимые начинались такъ:

„Горе мнѣ, увѣ мнѣ грѣшному“...

„По грѣхѣмъ нашимъ, на нашу страну“...

„Юность моя, юность, златое ты время“...

Всѣ эти стихи находились въ писанныхъ сборникахъ и были расположены подъ нѣтами, стараго крюковаго пѣнія. Дѣдушка Артемій зналъ ноты хорошо и обучивъ нѣкоторыхъ своихъ послѣдователей пѣнію, поражалъ слушателей этимъ искусствомъ до полного умиленія и слезъ, стройностью напѣва въ униссонъ, такъ называемыхъ „Божественныхъ стишковъ“.

Я, конечно, мало понималъ тогда изъ слышаннаго мною и лишь послѣ мнѣ пришлось узнать всю внутреннюю и обрядовую сторону старообрядческихъ собраній. Но во мнѣ и теперь еще живы первыя, общія впечатлѣнія, когда ребенкомъ меня приводили туда мои родители. Позднѣе и объ этой порѣ моего отрочества я расскажу нѣкоторыя главныя событія, какъ рассказываю теперь о моемъ младенствѣ.

Въ декабрѣ 1843 года, сдѣланъ былъ семейный совѣтъ, на который были приглашены умный дядя по матери, Семенъ, бывалый человѣкъ, ѣзжавшій съ извозомъ даже до Казани и тетка моя, сестра по матери, Анисья, игравшая распорядительную роль во всемъ нашемъ околѣтѣ, гдѣ требовалось кого пожурить за ка-

кое нибудь отступленіе отъ заведеннаго порядка и установившихся отношеній. Я спрятался на полати и чутко прислушивался ко всему, что на этомъ совѣтѣ говорилось.

— Вотъ что,—началь мой отецъ,—Миколѣ (мнѣ) 7 годовъ. Мы съ матерью думаемъ учить его грамотѣ. Какъ вы скажете, Семенъ Егорьевичъ и Анисья Егорьевна?

При этихъ словахъ мать моя, стоя у шестка, заплакала и громко начала причитать: „дитятко ты мое родимое“...

— Чего ты сестра плачешь? — сказалъ дядя Семенъ. Вѣдь ребенку-же будетъ лучше, когда онъ будетъ грамотный. Посуди сама. Вотъ я умѣю „ходить на счетахъ“ (считать на счетахъ), а читать не умѣю. Ну и что-же? Связчикъ мой по ямщинѣ Алексѣй, грамотный, всю дорогу, писалъ и писалъ, а къ разсчету и вышло мнѣ денегъ меньше, а ему больше. Чѣмъ я докажу, что онъ писалъ неправду? И говорить нечего, отдавайте учить грамотѣ ребенка.

Тетка Анисья, тоже сквозь слезы добавила.

— Микола выучить кануны читать, вмѣстѣ будемъ Богу молиться. И какъ хорошо-то еще будетъ!

— Но вотъ горе, — вставилъ отецъ, — надо будетъ купить Псалтырь. Книга стоитъ 5 р., а въ теперешнее податное время, гдѣ я ихъ возьму?

— Ну, объ этомъ нечего говорить,—вступилась мать.—Мнѣ не надо сарафана къ Рождеству. Вотъ и деньги на Псалтырь.

Въ концѣ концовъ, было рѣшено послѣ Николина дня вести меня къ дѣдушкѣ Артемію Скрыпѣ учить грамотѣ. А дядя Семенъ по праздникамъ будетъ учить „ходить на счетахъ“.

Я молча и тихо одѣлся на полатяхъ, спустился внизъ, и не смотря на зовъ собравшихся родныхъ, стрѣлой выбѣжалъ во дворъ, оттуда на конюшню, бросился на сѣно и горько заплакалъ.

Скоро послѣ этого мать моя повела меня къ дѣдушкѣ Артемію учиться грамотѣ. Мы пришли утромъ и застали его въ той-же избѣ, гдѣ я бывалъ и раньше, сидящимъ за столомъ и читающимъ большую книгу. При входѣ нашемъ, старикъ заложилъ страницу широкой синей лентой и, закрывъ ее громко щелкнулъ мѣдными застѣжками, что меня очень заинтересовало. Потомъ ласково поздоровался съ нами, сказавъ матери:

— Ну, что сына привела учиться грамотѣ?

— Да дѣдушка. Поучи, Бога ради. Вѣдь онъ у насъ одинъ

и грамота ему нужна. Выучится, намъ съ отцомъ станетъ читать святыя книги, а потомъ, что надо, и отцу запишетъ.

— Ладно, ладно. Я на этихъ-же дняхъ напишу ему азбуку, а въ четвергъ приводи его прямо на ученъе.

— Спаси-те Господи, дѣдушка Артемій,—сказала мать,—и поклонилась ему въ ноги.

— Не кланяйся, не кланяйся. Поклоны надо дѣлать Богу. Ну-ка, малецъ, иди сюда и посмотри на буквы въ книгѣ. Вотъ эта буква—*азъ*, эта—*вѣди*. Видишь-ли ты разницу въ нихъ?

— Вижу, отвѣтилъ я. У этой посерединѣ перегородка, а у этой перегородки нѣтъ.

— Добре. Ну теперь идите съ Богомъ домой, заключилъ Артемій Степановичъ.

Дома было рѣшено заплатить въ четвергъ за азбуку дѣдушкѣ Артемью рубль (ассигнаціями), а какъ нибудь къ Великому посту купить и основныя книги—Часовникъ и Псалтырь.

Въ четвергъ поутру мы съ матерью въ ея углу, противъ „цѣла“ печи, въ такъ называемой „кути“ долго молились Богу, кладя земные и поясные поклоны, прежде, нежели пошли къ дѣдушкѣ Артемю Скрыпѣ. Онъ встрѣтилъ насъ ласково и любовно. Но когда мать выложила ему десять мѣдныхъ гривенъ за написанную азбуку, старикъ прямо и рѣшительно отказался принять ихъ.

— Не надо, голубушка. Я знаю, что вы не богаты. Азбуки вѣдь я не покупалъ. На эти деньги лучше заведите пареньку валенки. Теперь зима и бѣгать ему сюда холодно и далеко.

Мать моя шепотомъ промолвила свое: „Спаси-те Господи“ и слезы потекли по ея щекамъ. Я стоялъ въ нервномъ возбужденіи и готовъ былъ тоже разрыдаться.

— Ну, что вы, Богъ съ вами,—заговорилъ душевно старецъ. Малый подростетъ, поправится, тогда заплатите. Ну-ко, Никола, иди сюда, примемся за дѣло. Здѣсь у стола учится Ефремъ, онъ постарше и побольше тебя. Тебя-же я устрою, вотъ на этой лавкѣ у окна. Вотъ скамейка, мы ее поставимъ на эту лавку; на нее положимъ азбуку; вотъ смотри-ка, какую я тебѣ указку смастерилъ: съ конями и зарубками. Ну-ко, братъ бери ее, вотъ такъ, въ руку и садись передъ скамейкою на лавку.

Я сѣлъ. Азбука новенькая, только что написанная по славянски, красными и черными чернилами по „растрѣ“, отливала блескомъ буквъ и казалась мнѣ куда красивою. Ее заглавная виньетка, нарисованная перомъ, изображала копну сѣна и глядѣла на меня

такъ мило и заманчиво, что я и не зналъ, что и подумать о такомъ искусствѣ дѣдушки Артемія.

— Молись сначала Богу, Никола, клади „началь“. Знаешь „началь“?

— Знаю, отвѣтилъ я робко.

— Ну вотъ, бери подрушникъ и начинай.

Я взялъ подрушникъ, перекрестился, дрожащимъ голосомъ произнесъ молитву „Боже милостивъ“, и сдѣлалъ соотвѣтственное число земныхъ и поясныхъ поклоновъ.

— Ну, а теперь садись на скамейкѣ и, перекрестясь, скажи: „Господи, благослови“. А мнѣ скажи: „Благослови, дѣдушка Артемій“.

Я исполнилъ сказанное. Старикъ отвѣтилъ мнѣ: „Богъ благословить“.

— Вотъ на этой первой страницѣ,—началь онъ,—вся азбука, отъ *аза* до *ѳжицы*. Надо всѣ буквы выучить наизусть и запомнить ихъ твердо, какъ они пишутся и называются. Указывай указкой, вотъ эту первую букву и говори: азъ, вторую—буки, третью—вѣди.

Я робко началъ выговаривать: азъ, буки, вѣди.

— Смѣлѣе, братъ, смѣлѣе! Ну говори за мной нараспѣвъ: а-зъ, бу-ки, вѣ-ди, гла-го-ль. Мало. Пой какъ поютъ ребята, когда играютъ въ пряталки, да посмѣлѣе! — А-зъ, бу--ки, вѣ--ди... Вотъ, такъ, такъ! Потихоньку да помаленьку все пойдетъ у насъ на ладъ,—прибавилъ онъ, глядя меня по головѣ.

Часа черезъ три, я выучилъ всю азбуку и читалъ нараспѣвъ всѣ буквы по порядку.

— Добре, сказалъ дѣдушка. А ну-ка, знаешь ли ты съ задней буквы—ѳжицы и къ азу? Начинай съ конца азбуки и иди назадъ.

— Я началъ пѣть: ѳжица, ѳита, фертъ.

— Э, нѣтъ, братъ, не такъ, пропустилъ: кси, пси. Ну, да ты усталъ. Одѣнься и иди на дворъ побѣгать. Потомъ приходи, поѣшь и мы еще подтвердимъ азбуку.

На дворѣ никакая игра не шла мнѣ на умъ. Въ головѣ назойливо вертѣлись буквы и вопросы. Скоро я вернулся въ избу, развязалъ узелокъ, оставленный матерью съ кускомъ черного хлѣба и поѣлъ.

На скамейкѣ лежала азбука. Я раскрылъ ее и, вооружившись указкою, началъ, распѣвая, повторять буквы. Но когда дошелъ

до знака, слѣдующаго за „покоемъ“, то никакъ не могъ припомнить какъ онъ называется. Сколько я ни бился, буква не давалась. Съ горя я заплакалъ. Въ это время вошелъ изъ моленной дѣдушка Артемій.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ онъ.

Я едва могъ вымолвить, что забылъ названіе буквы.

— Не плачь, не плачь, малый,—сказалъ онъ ласково.—Для начала хорошо и то, сколько ты выучилъ.

Мы начали снова распѣвать всю азбуку съ начала, но противная буква—р, всегда у меня выходила—„арцы“, а ее слѣдуетъ выговаривать „рцы“. Кое-какъ, я одолѣлъ и это, а къ вечеру читалъ наизусть всю азбуку и прямо и обратно, начиная съ ѹжицы.

Часамъ къ тремъ вечера, дѣдушка сказалъ:

— Ну, сегодня довольно учиться. Закрывай азбуку, клади указку, а потомъ молись „началь“, прощайся со мною и иди домой. Скажи отцу и матери, что грамота тебѣ дается. А завтра утромъ приходи опять.

Стрѣлой помчался я домой и едва переступилъ порогъ избы, какъ закричалъ матери:

— Мама, мама, я всю азбуку выучилъ!

Мать кинулась ко мнѣ и, какъ всѣ матери, ласкала и цѣловала меня долго и много. Я, торопясь и захлебываясь, читалъ ей нараспѣвъ всѣ буквы съ начала до конца, а потомъ удивилъ ее безъ границъ, когда тѣ-же буквы прочиталъ отъ конца къ началу. Вернулся отецъ, и ему также была показана пріобрѣтенная мною за день премудрость. Я такъ увлекся фигурами буквъ, что въ тотъ-же вечеръ нарисовалъ ихъ, посредствомъ угля на простѣнкѣ оконъ нашей избы. Ни бумаги ни карандаша у насъ не было, а посему уголь и стѣна замѣняли и то и другое.

Въ послѣдующіе дни я училъ двойные и тройные слоги, пѣвуче выговаривая ихъ:

— Буки-азъ ба-ба; вѣди-азъ ва-ва; глаголь-азъ га-га, или, буки-есть бе-бе; вѣди-есть ве-ве и т. д., прибавляя всѣ гласныя буквы къ согласнымъ по порядку азбуки. Потомъ училъ ихъ „по верхамъ“, выговаривая: ба, ва, га, или бе, ве, ге и когда ихъ всѣ выучилъ, тогда начиналъ пѣть послѣднимъ слогомъ и постепенно шелъ къ слогу первому, напимѣръ, ща, ша, ча или ще, ше, че и т. д.

Послѣ этого мы перешли къ ученію тройныхъ слоговъ: буки

рцы-азъ—бра-бра, вѣди-рцы-азъ—вра-вра, въ томъ-же порядкѣ отъ начала къ концу и отъ конца къ началу, какъ это было и съ двойными слогами.

Затѣмъ началось изученіе „ангельскихъ-складовъ“, „просодій“, и церковнаго „лѣтосчисленія“. Первые учились такъ:

Азъ-глаголь, глаголь-титла, люди-еръ-азъ *Ангелъ*; азъ, рцы, херъ, арха, глаголь, глаголь, титла, люди еръ—азъ *Архангелъ*. Или: буки, титла, глаголь еръ—буки *Богъ*; буки, живете, слово, твердо, вѣди, онъ—во *Божество*. Потомъ все это читалъ по верхамъ: Азъ: *ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій*; Буки: *Богъ, Божество*.

Просодіи и лѣтосчисленіе я думаю нѣтъ нужды рассказывать, какъ учились. Первые читались по верхамъ, а послѣднія заучивались наизусть, какъ обыкновенныя цифры съ замѣной ихъ славянскими буквами и нѣкоторыми особыми знаками.

Когда все предъидущее было выучено наизусть, твердо и безъ малѣйшей запинки, съ повтореніемъ каждый день пройденнаго раньше, тогда дѣдушка Артемій сказалъ:

— Добре, Никола. Теперь начнемъ учить молитвы, находящіяся въ твоей азбукѣ: „Отче нашъ“; „Царю небесный“; „Вѣрую во единого Бога“; „Помилуй мя, Боже“ и другія.

Видимо, я учился быстро и нагонялъ товарища моего по ученью, Ефрема Лысова. Старика это радовало и онъ, бывало, весело начнетъ меня поддразнивать.

— Ну, Никола, цопъ, цопъ.

Я заволнуюсь, покраснѣю, какъ маковъ цвѣтъ, и слезы у меня польются градомъ.

— Ахъ какой-же ты, не тронь меня. Чего тутъ плакать? Развѣ ты не видишь, что я шучу, радуюсь твоимъ успѣхамъ?

Къ великому посту, азбуку съ молитвами я выучилъ хорошо. Дѣдушка Артемій, велѣлъ мнѣ приходить съ матерью. Когда мы пришли онъ сказалъ:

— Вотъ что, голубушка. Никола учится хорошо и ему не надо проходить Часовника. Онъ и такъ его будетъ читать потомъ. А теперь купите въ городѣ Псалтырь: по ней Великимъ постомъ онъ и будетъ продолжать учиться.

— Спасетъ-те Богъ,—отвѣтила мать.—Въ субботу отецъ пойдетъ въ городъ продавать сани и купить Псалтырь.

Мать попрощалась съ дѣдушкой и ушла. Я подсѣлъ къ скамейкѣ и звонко началъ распѣвать „зады“. Старикъ слушалъ и

по обыкновенію поправлялъ то интонацію моего голоса, то остановки на точкахъ и двоеточіяхъ.

— Ты не торопись,—бывало, скажетъ онъ.—Что въ этомъ толку? Ты думай, что тебя кто-нибудь слушаетъ и хочетъ понять что ты читаешь. Ну, какъ онъ тебя пойметъ, если ты даже на-распѣвъ слова выговариваешь не ясно? А что будетъ тогда, когда ты начнешь читать? Вотъ ужь, Великимъ постомъ, я велю приводить тебя по праздникамъ ко мнѣ и ты послушаешь, какъ я буду книги читать за бесѣдами.

Я уходилъ домой, всегда унося съ собой за пазухой, тщательно завернутыя въ платокъ азбуку и указку. По вечерамъ я перечитывалъ отцу и матери пройденное ученіе и „твердилъ зады“. Случалось, приходилъ къ намъ дядя Семенъ, и я старался удивлять его чтеньемъ „ангельскихъ складовъ“ и „просодій“ и заканчивалъ письмомъ славянскихъ буквъ, углемъ на стѣнѣ.

— Ты, видно, будешь грамотѣй,—бывало скажетъ дядя.

— Вотъ, поѣду въ городъ куплю тебѣ карандашъ и бумаги.

Съ какимъ теплымъ чувствомъ вспоминаются теперь всѣ эти подробности. Онѣ стоятъ передо мною въ такихъ живыхъ и яркихъ образахъ, какъ будто все это было вчера, а между тѣмъ, съ тѣхъ поръ прошло уже больше полъ-вѣка.

*
* *
*

Великимъ постомъ, въ четвергъ первой недѣли, отвели меня опять къ дѣдушкѣ Артемію—учить Псалтырь. Старикъ встрѣтилъ насъ—мать и меня—радушно и первымъ дѣломъ спросилъ:

— Ну, что, купили Псалтырь? Покажите-ка мнѣ ее.

Мать развязала узелокъ и подала ему книгу.

— Хорошо. Книга хоть не древняя, не Іосифовская, а все-же напечатана съ древними изданіями сходно,—сказалъ онъ.—Бумага крѣпкая, буквы крупныя, для ученія самая подходящая. Ну-ка, братъ, Никола, клади „началь“ съ земными поклонами, теперь вѣдь постъ и ты долженъ привыкать къ христіанскому обычаю.

Я исполнилъ и потомъ сказалъ:

— Благослови, дѣдушка.

— Богъ благословить, — отвѣтилъ онъ и засадилъ меня за знакомую скамейку.

— Вотъ это царь Давидъ, — показывая гравюру псалтыря, сказалъ наставительно старикъ, — онъ и написалъ святую книгу

Псалтырь, которую мы обязаны каждый день читать и слушать. Ну-ка начинай читать.

Я глядѣлъ на страницу Псалтыри и на печатныя буквы, и мнѣ онѣ казались нѣсколько иными, чѣмъ въ моей азбукѣ. Я не могъ свободно ни складывать ихъ, ни читать. Съ трудомъ и робко, я могъ только назвать часть перваго слова—*Блаженъ*. У меня вышло по моимъ складамъ: люди, живете, еже—лже, нашъ ерь—*лженъ*. Заглавная-же буква—буки, помѣщенная въ виньеткѣ, совсѣмъ показала мнѣ не знакомою.

— Вотъ и видно, что мы, большіе, сами виноваты,—заговорилъ старикъ — не растолкуемъ сначала ребенку, какъ надо понимать буквы въ новой книгѣ, а потомъ его-же и винимъ, что онъ не понимаетъ,—обратился онъ къ моей матери.

— Слушай, Никола: эта книга Псалтырь печатная, а ты учился по азбукѣ писанной. Вотъ потому-то и выходитъ, что одна и та-же буква, такъ-же нарисованная, какъ въ той-такъ и въ другой книгѣ, а все-таки немного смотреть по разному. Вотъ буква *живете*, посмотри на нее въ Псалтыри и посмотри въ азбукѣ. Буква-то одна, а вишь въ печатной, книгѣ, ножки у ней загнуты правильно, а въ азбукѣ писанной, вонъ какъ неровно протянуты и невѣрно изогнуты. Или посмотри на другую букву—*люди*. Въ Псалтыри, прямая ножка соить у ней прямо. Подпорочка ея поставлена вкось вѣрно, какъ подпорка частокола. А въ азбукѣ у меня смотри-ка: прямая ножка все-таки покривилась, а подпорочка-то согнулась, какъ кривая палка.

— Вижу, вижу, дѣдушка!

— Ну вотъ, и слава Богу,—продолжалъ онъ. Также и другія буквы: всѣ онѣ имѣютъ разницу въ печатной книгѣ, противъ книги, писанной рукою. А затѣмъ заглавныя буквы въ Псалтыри, что вотъ напечатаны красными чернилами, по другому нарисованы, потому что первыя и потому что заглавныя. Вотъ, напримѣръ: „Блаженъ мужъ“, начинается буквою — *буки*. Посмотри, какая она большая, да пригожая. А дальше, второй псаломъ начинается другой заглавной буквой. Видишь, тоже какъ разукрашена! Сразу-то тебѣ и трудно распознать ее. А вотъ, Богъ поможетъ, скоро все узнаешь и будешь читать легко.

— Ну голубушка,—обратился онъ къ матери, — тебѣ вѣдь некогда. Иди домой, а мы съ Николой поучимся до вечера.

Мать моя простилась и ушла, а я остался разбирать псаломъ *Блаженъ мужъ* и нараспѣвъ его твердить, поправляемый

дѣдушкой во всѣхъ моихъ ошибкахъ и затрудненіяхъ. Давно знакомые „ангельскіе склады“, многое помогали мнѣ узнавать и прочитывать вѣрно слова подѣ „титлами“ и „словотитлами“.

Товарищъ мой Ефремъ учился уже другую зиму и сидѣлъ за распѣвомъ пятой каѳизмы Псалтыря, выучивъ передъ этимъ Часовникъ и Кануны—(Каноны) за единоумершаго и за всѣхъ умершихъ. Мы съ нимъ жили мирно, хотя онъ много былъ меня рѣзвѣе и никогда не плакалъ, чего я не могу сказать о себѣ. Мнѣ помнится только одна наша совмѣстная продѣлка совершенная въ отсутствіи дѣдушки Артемія, куда-то уѣзжавшаго. Мы оставались одни, подѣ попеченіемъ старой сестры его, Авдотьи Степановны. Печь въ избѣ закрыта была рано, и мы угорѣли. Товарищъ мой сказалъ что угаръ надо лѣчить снѣгомъ и мы рѣшили окунуться головами въ снѣгъ, положивъ, что кто дольше простонитъ въ снѣгу, тотъ скорѣе и вылѣчится отъ угара. Не говоря ни слова старой надзирательницѣ, въ однѣхъ рубашкахъ мы выбѣжали въ огородъ и со всего размаха бросились головою внизъ, въ рыхлый снѣгъ большаго сугроба. Голова и туловище съ руками погрузились въ снѣгъ, а ноги наши торчали кверху. Въ это время вышла изъ избы Авдотья Степановна и увидавъ поверхъ снѣга только наши ноги, громко закричала „Господи Иисусе! Что это такое?“ и бросилась насъ вытаскивать. Сколько времени, были мы въ снѣгу, я не помню, но когда пришли въ избу, насъ била лихорадка и мы долго не могли согрѣться. Авдотья Степановна напоила насъ сейчасъ-же горячимъ настоемъ душицы и отправила домой, приказавъ шибче бѣжать по улицамъ. Дома мы объ этомъ ни слова не сказали, только дѣдушка Артемій долго смѣялся надъ нашимъ способомъ лѣченія отъ угара да потомъ узнали всѣ родные и сосѣдніе ребята и долго товарищу и мнѣ не давали проходу, дразня насъ „угарными дохтурами“.

Къ концу Великаго поста я выучилъ наизусть нѣсколько каѳизмъ Псалтыри и началъ свободно разбирать еще не ученые псалмы. Тогда дѣдушка Артемій заявилъ моимъ родителямъ:

— Малый читаетъ хорошо. Пусть на Пасхѣ и Ѳоминой „твердитъ зады“ и читаетъ понемногу неученое дома. Вамъ вѣдь надо весною поучить его писать. Я скорописью пишу по старому и мой почеркъ для него не годится. Вы пригласите заводскаго учителя Василия Ивановича на два, на три мѣсяца, и онъ его письму научить.

Съ какимъ благоговѣніемъ отецъ и мать моя благодарили дѣдушку Артемія за выучку меня чтенію, я и передать не могу. Всякій, кто прочтетъ эти мои воспоминанія, пойметъ это безъ объясненій.

Такъ кончилось мое школьное ученіе грамотѣ на восьмомъ году моего возраста.

* * *

На Пасхѣ-же отецъ поѣхалъ на своей лошаdkѣ на заводъ, нанимать учителя, рекомендованнаго Василья Ивановича. Отецъ условился: пріѣхать учителю къ намъ въ деревню и учить меня письму по 5 р. въ мѣсяцъ на нашемъ содержаніи и съ правомъ заниматься съ другими учениками. Въ промежутокъ до его пріѣзда, отецъ ставилъ къ избѣ горницу, гдѣ-то купленную въ готовомъ видѣ и къ намъ перевозимую.

Мой учитель письма былъ молодой человекъ, занимался со мною три мѣсяца и я выучился у него писать настолько сносно, что родные порѣшили: „учиться довольно“. Письменные занятія съ Василиемъ Ивановичемъ шли у насъ уже въ горницѣ, и я не помню ничего характернаго за это время, кромѣ только одного случая, когда учитель, куда-то временно отлучась, поручилъ мнѣ переписать письмо для упражненія, заканчивавшееся подписью: „Василіемъ Тимофѣевымъ Космаковымъ“. Сколько я ни бился, желая разобрать эту подпись, она мнѣ никакъ не давалась. И я храбро перевелъ: „Засименъ Мнасемъ Костаксенъ“.

Этимъ и закончилось мое полное ученіе чтенію и письму.

* * *

Много позднѣе я узналъ біографію моего учителя, старика Артемія Скрыпы. Скрыпа, это не фамилія, а уличное прозвище, часто употребляемое рядомъ съ подлинной фамиліей, и въ обыкновенномъ деревенскомъ обиходѣ играющее основную роль. Бывало, никто не скажетъ, что идетъ къ Ивану Киселеву, а идетъ къ Калѣту, потому что Киселевыхъ—много, а Калѣтовъ домъ—одинъ; или не скажетъ, что идетъ къ Семену Лазареву, а идетъ къ Кулагѣ, опять-же потому, что Лазаревыхъ — много, а Кулагино семейство—одно. То-же было и со Скрыппиними. Настоящая ихъ фамилія была—Лазаревы, но никто ихъ такъ не называлъ, исключая списковъ волостныхъ или церковныхъ, да развѣ еще

паспорта. Всѣ и всюду говорили: Скрыпинъ домъ, Скрыпино семейство.

Большинство жителей деревни Кулаковой были, въ дни моего дѣтства и отрочества, старообрядцы филипповскаго и еедосѣвскаго толковъ, хотя по записямъ церковнымъ и числились православными. Церковные обряды исполнялись ими только въ важныхъ случаяхъ, когда уже никакъ нельзя было отъ нихъ уклониться, напримѣръ, вѣнчаніе, крещеніе новорожденныхъ и пр. да и то и другое иногда секретно совершалось стариками и наставниками. Въ великіе посты, бывало, священникъ приходской Луговской церкви, теперь давно уже умершій, пріѣдетъ въ Кулакову, въ волостное правленіе, и пошлетъ десятника по домамъ, звать прихожанъ въ церковь для говѣнья. Ходитъ онъ по деревнѣ, стуча палкою подъ окнами и приговаривая:

— Эй, хозяинъ! Ступайте въ церковь говѣть. Отецъ Алексѣй велѣлъ.

Скрыпины старики, какъ и дѣти ихъ, были завзятые старообрядцы филипповскаго толка, наиболѣе строгаго въ исполненіи обрядовъ, и все, что не было съ ними въ согласіи, считали губительнымъ для спасенія своихъ душъ. Артемій Скрыпинъ, родившійся въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ взятъ въ солдаты въ двадцатыхъ годахъ, бѣжалъ изъ военной службы и, скрываясь въ деревнѣ Кулаковой у своего брата, мало-по-малу, пріобрѣлъ громадное нравственное вліяніе въ области вѣры на деревенскихъ жителей; онъ былъ грамотенъ, очень начитанъ, обладалъ прекраснымъ даромъ слова и сдѣлался, наконецъ, наставникомъ филипповскаго толка. О томъ, что Скрыпа, бѣглый солдатъ, живетъ у брата въ особой избѣ, знала вся деревня и многіе изъ окрестностей и города Тюмени. Зналъ объ этомъ и мѣстный священникъ, знала даже земская полиція, но поймать его никакъ не могли, потому что всѣ жители деревни старались укрывать его, предупреждая о всякомъ намекѣ обыска и поимки. Десятки разъ производились нечаянные наѣзды земскаго начальства и облавы, но никогда не удавалось его поймать. Разъ даже совсѣмъ накрыли-было Скрыпу ночью, спящаго въ своей избѣ на полатахъ. Стоя толпою въ темной комнатѣ, потребовали огня. Проснулся Скрыпа, слѣзъ съ полатей, захватилъ съ собою полушубокъ и сказалъ спокойно: „позвольте мнѣ пройти къ печи; я огня достину“, Понятые и начальство раздвинулись, дали ему пройти къ заслонкѣ, а онъ пробрался за печь, узенькимъ проходомъ въ

молельню, оттуда въ сѣни, и чрезъ заднее крыльцо въ пригонъ, гдѣ увидѣлъ казака, стоящаго на караулѣ. Дѣдъ передалъ ему якобы приказъ исправника — занять другой постъ около. главнаго входа въ избу и когда тотъ перешелъ, Артемій Скрыпа скрылся по оврагамъ на деревню.

Артемій Скрыпа имѣлъ, какъ я сказалъ, громадное нравственное вліяніе на всѣхъ жителей деревни Кулаковой. У богатыхъ онъ просилъ пособія для бѣдныхъ, а бѣднымъ помогалъ деньгами, дѣломъ и совѣтомъ, всегда умнымъ и всегда цѣлесообразнымъ. Нейдетъ-ли у пахаря соха бороздою, обращаются къ Артемію Скрыпѣ, и онъ ее исправитъ. Нуженъ-ли совѣтъ, когда семья завздоритъ, идутъ къ его посредничеству и онъ, обсудивъ дѣло съ доводами текстовъ священнаго Писанія, выскажетъ свое рѣшеніе, которое для спорящихъ сторонъ считалось непреложнымъ. Нужны-ли деньги бѣдняку на покупку лошади, коровы, поправку хилѣющей избы,—онъ достанетъ у своихъ богатыхъ духовныхъ чадъ и поможетъ непременно.

Воскресныя бесѣды Артемія Скрыпы, на которыхъ читалъ и толковалъ онъ священное Писаніе, всегда бывали притягательнымъ центромъ. Какъ только соберется бывало нѣсколько человѣкъ слушателей, такъ онъ и лѣзетъ въ потайникъ подъ печь за какою-нибудь книгою, чтобы выбрать изъ нея подходящее чтеніе. Потайникъ этотъ закрывался стоячею доской „приступкой“, поворачивавшейся на внутренней невидимой штангѣ. Стоячая доска, прибитая фальшивыми скобами и гвоздями, глядѣла такъ естественно, что, не смотря на многіе тщательные обыски, никогда не выдавала своей тайны. Тамъ хранились старопечатныя книги и писанные цвѣтники, съ яркими рисованными картинами духовнаго содержания, начиная съ житія св. Θεодоры и оканчивая Апокалипсисомъ Іоанна Богослова. Если слушатели составляли въ большинствѣ обыденную публику, читались житія Святыхъ—изъ Прологовъ и Четьи-Минеи, воскресное Евангеліе и толковый Апостолъ. Если же собирались интимные друзья Артемія Скрыпы, знающіе много текстовъ св. Писанія, а въ особенности, если были на лицо, два грамотныхъ брата, кузнецы Мина и Андрей Григорьевичи—тогда доставались и читались книги: Кормчая, Степенная, Олонецкіе отвѣты Симеона Діонисьева, всегда вызывавшіе долгіе и горячіе споры. Память и начитанность Артемія Скрыпы, были замѣчательныя и съ нимъ никто не могъ сравняться въ этомъ изъ наставниковъ другихъ сектъ, въ родѣ „стариковщины“ и „скрывшихъ“. Нерѣдко онъ писалъ „по печатному“ полемическія посланія, въ

обличеніе другихъ „согласій“, и эти посланія ходили по рукамъ его грамотныхъ приверженцевъ.

Тогда въ обѣихъ смежныхъ деревняхъ—Кулаковой и Гусельниковой съ полутора-тысячнымъ населеніемъ не было ни церкви, ни школы, и учиться грамотѣ только и можно было у наставниковъ-старообрядцевъ—у „Скрыпы“ и „Якуни“. Теперь въ деревнѣ большая школа, въ которой обучается до 70 мальчиковъ и дѣвочекъ и строится новая церковь. Старообрядчество, не подвергаясь прежнему строгому гоненію, давно ослабло и бывшіе старообрядцы мало-по-малу мирятся съ Церковью и становятся православными.

Я засталъ Артемія Скрыпу въ возрастѣ лѣтъ 55, но совсѣмъ сѣдаго, хотя и бодрого, и жизнерадостнаго по настроенію. Его жизнь, подъ постояннымъ страхомъ быть пойманнымъ и пройти сквозь строй шпицрутеновъ, разрушала крѣпкую натуру и преждевременно его старила. Посты и молитвенныя бдѣнія, исполняемые имъ строго и неуклонно, вѣроятно, также отразились на его здоровьи. Онъ ѣлъ въ простое время два раза въ день молочную и рыбную пищу, а по средамъ и пятницамъ только хлѣбъ и постное „варево“ одинъ разъ. Въ Великій-же постъ, на первой и послѣдней недѣляхъ, не принималъ пищи въ понедѣльникъ и вторникъ, и только въ среду вечеромъ ѣлъ черный хлѣбъ и пилъ воду. Въ остальные дни Великаго поста питался только разъ въ день. Молитвенныя бдѣнія въ это время всегда были усиленныя, и всѣ поклоны поясные замѣнялись земными.

Такъ прожилъ Артемій Скрыпа, скрываясь въ деревнѣ Кулаковой около 40 лѣтъ. Умеръ онъ въ шестидесятихъ годахъ и ночью былъ похороненъ на старообрядческомъ кладбищѣ. Вся деревня провожала его до мѣста вѣчнаго успокоенія, проливая слезы, какъ объ отцѣ, наставникѣ и благодѣтелѣ всѣхъ, къ нему прибѣгавшихъ. Деревянный памятникъ подъ названіемъ „голбчикъ“ безъ всякой надписи, да осьмиконечный крестъ наверху его, долго указывали мѣсто дорогой могилы. Голбчикъ уже сгнилъ, крестъ развалился и только едва замѣтное возвышеніе насыпи надъ могилою указываетъ еще на мѣсто успокоенія дѣда Артемія. Двѣ березки, возлѣ которыхъ нашли пріютъ брѣнные останки замѣчательнаго человѣка, разрослись теперь въ кудрявыя деревья и высоко шумятъ на воздухѣ. Природа мать покрыла зеленѣющей травой верхушку насыпи и каждую весну стелетъ коврики незабудокъ, да пѣвунъ-скворецъ, садясь поочередно на вѣтки двухъ березъ, выводитъ свои пѣсни, подражая разнымъ птицамъ...

II.

Мое отрочество и первая общественная служба.

Мнѣ шелъ десятый годъ, когда отца моего выбрали сельскимъ старшиною. Какъ ни была тяжела эта служебная обязанность родителю, но она была очередная, и посему являлась неизбежною. Ея главная задача состояла въ томъ, чтобы въ два періода въ году, собрать съ деревни подати и другія денежныя повинности, и сдать ихъ въ уѣздное казначейство. Ревизскихъ душъ у насъ въ деревнѣ числилось около 600 и денегъ собиралось примѣрно 2000 р., въ каждое полугодіе.

Великое горе моего отца, заключалось въ томъ, что онъ былъ неграмотенъ, и одинъ въ семьѣ работникъ, а специальному писцу надо было заплатить, въ теченіе года, за записыванье суммъ съ крестьянъ-плательщиковъ, 50 р. ассигнаціями. А ихъ какъ разъ и не было. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ и состоялся опять у насъ семейный совѣтъ, на которомъ, какъ всегда, присутствовалъ мой дядя Семенъ. Я живо помню это засѣданіе, не смотря на то, что съ тѣхъ прошло цѣлыхъ 52 года.

Въ праздничный день, въ горницѣ у насъ, сидятъ за столомъ: мой отецъ, мать, дядя Семенъ и тетка Анисья. Я пріютился около матери и съ любопытствомъ жду, что будетъ.

— Вотъ что Семенъ Егорьевичъ, — началъ отецъ, — скоро надо собирать подушшину (подать) и нанимать писаря. А денегъ-то у насъ платить ему и нѣтъ. Какъ быть, посовѣтуй Бога ради?

— Какъ быть? — повторилъ дядя Семенъ поставленный вопросъ, — а вотъ какъ: я на счетахъ хожу (кладу, складываю) хорошо; Микола пишетъ и читаетъ ладно. Я буду класть на счетахъ, онъ станетъ записывать въ книгѣ, а ты принимать деньги.

— Что ты, что ты дядя, — удивился отецъ, — да вѣдь денегъ

то тысячи, а ну какъ Микола-то напутаетъ, а мы просчитаемъ? Что тогда будетъ? Вѣдь мы совсѣмъ раззоримся.

— Э! Богъ милостивъ, не просчитаемъ. Дѣлать будемъ не торопясь, да провѣрять почаще. Ну-ка, принесите счета, мы попробуемъ съ Миколой, походить на нихъ.

Счета были принесены. Я сѣлъ рядомъ съ дядей.

— Вотъ видишь,—началъ онъ.—Первые четыре королька значать—чети копѣйки. Клади одинъ корольекъ. Это будетъ четь копѣйки; потомъ клади еще два королька. Это будетъ двѣ чети копѣйки. Теперь у насъ положено три королька, а стало быть и три чети копѣйки. Ну клади еще одинъ, послѣдній корольекъ—одну четь. Вотъ теперь у насъ положены, всѣ 4 королька, 4 чети, значить—полная копѣйка. Смори (скинь) ихъ всѣ назадъ и положи, выше одинъ корольекъ. Это будетъ одна копѣйка.

Я все это продѣлалъ и, повидимому, понялъ. Дядя продолжалъ свою лекцію дальше.

— Ну, вотъ, видишь, на второй проволокъ десять корольковъ, каждый по копѣйкѣ. Когда ихъ всѣ положишь, будетъ десять копѣекъ. Скинь ихъ всѣ назадъ и положи, на верхней проволокъ, одинъ корольекъ. Это будетъ гривенникъ. Все равно, какъ еслибы ты десять мѣдныхъ копѣекъ, обмѣнялъ на одинъ серебряный гривенникъ. А теперь дальше смотри: каждый верхній корольекъ въ десять разъ дороже противъ нижняго. Нижній корольекъ—копѣйка, верхній—гривна, потомъ—рубль, еще выше—десять рублей, а потомъ—сто рублей.

Объясняя такимъ образомъ устройство счетовъ и разнообразя приемы, дядя, въ одинъ урокъ, добился отъ меня того, что я сдѣлалъ ему, хотя и медленно, но безъ ошибки, его любимую задачу—положить на счетахъ суммы: „рубль безъ четверти“; „два безъ четверти“ и т. д. до „двадцати безъ четверти“. Итогъ-сумма выходила 205. Потомъ, изъ этой общей суммы, надо было „смаривать“ (скидывать) всѣ частныя суммы, но въ обратномъ порядкѣ, какъ напримѣръ: „двадцать безъ четверти“, „девятнадцать безъ четверти“ и т. д. до „рубли безъ четверти“.

Кончивъ со мною урокъ „хожденія на счетахъ“, дядя объявилъ моимъ родителямъ:

— Ну, вотъ видите, какъ у насъ пойдетъ дѣло складно, да по хорошему. Ты, зять—будешь деньги получать; Микола—записывать въ книгу; а я буду провѣрять на счетахъ. Нечего тужить, сами соберемъ подушшину и писаря не надо. Ты теперь

сходи, хоть завтра, въ волость и возьми оттуда раскладочную книгу, а мы съ Миколой, пока до сбора денегъ, въ эти три недѣли, позаймемся ей, посчитаемъ да приноровимся. А тамъ, Богъ дастъ и дѣло оборудуемъ. Да чего-же лучше—вспомнилъ онъ—сходи-ка завтра къ дѣдушкѣ Артемью Скрыпѣ, да посовѣтуйся съ нимъ.

Такъ и порѣшили.

На завтра отецъ и я пошли къ дѣдушкѣ Артемью.

— Здравствуйте,—сказалъ старикъ при нашемъ входѣ,—здорово братъ Никола. Ну, какъ живешь? ишь вѣдь какъ выросъ,—замѣтилъ онъ, ласково глядя меня по головѣ.

— Слава Богу,—отвѣтилъ я несмѣло.

— Небось по дѣлу. Ну, говорите, что вамъ надо.

Отецъ разсказалъ ему наше затрудненіе и объяснилъ совѣтъ дяди Семена.

— Ну, что-же, добре, добре совѣтуетъ Семенъ Егоровичъ. Я тоже думаю, что Никола съ этимъ дѣломъ справится. Вотъ только малый, на счетахъ еще не умѣетъ класть, да въ этомъ выручить васъ дядя Семенъ.

— Я на счетахъ ужъ хожу,—замѣтилъ я.

— Ой-ли!—покачивая головой, отвѣтилъ дѣдушка. — Ну-ка покажи мнѣ, какъ ты это дѣлаешь. Вотъ тебѣ и счета—придвинуть онъ, снятый со стѣны инструментъ.

Счета оказались малаго размѣра, противъ нашихъ старыхъ счетовъ крупныхъ и казалось мнѣ, какъ будто что-то въ нихъ иное. Я бойко началъ продѣлывать дядину задачу: „рубль безъ четверти“, но скоро спутался и покраснѣлъ.

— Ну, не бѣда, ошибся. Горя нѣтъ. Вѣдь ты только что началъ учиться, какъ-же сначала не ошибиться? Да, такія-ли у васъ и счета-то, какъ у меня?

— Нѣтъ дѣдушка,—отвѣтилъ отецъ.—Счета у насъ большіе.

— Вотъ то-то и есть. Пока къ чему не привыкнешь, все кажется, что-то иное. А ты милый, успокойся и давай, потихоньку, сложимъ дядину задачу.

Я снова началъ класть „рубль безъ четверти“ и сложивъ 20 суммъ безъ ошибки, нашелъ итогъ равнымъ 205.

— Ну, вотъ и слава Богу,—замѣтилъ Артемій Степановичъ.— Я зналъ, что выйдетъ ладно.

— Вотъ что,—сказалъ въ заключеніе дѣдушка,—начинайте съ Богомъ сами собирать подушнину. Никола, видимо, класть на

счетахъ будетъ хорошо, и всякую уплату запишетъ вѣрно. Пусть пока подѣлается у Семена Егоровича. А тамъ и выйдетъ все ладно.

— Спаси-те Богъ за совѣтъ и ласку,—сказаль отецъ, низко ему кланаясь.

Черезъ нѣсколько дней мой отецъ получилъ изъ волости раскладочную книгу и я пересчитываль эту писанную тетрадь съ какимъ-то страхомъ, хотя въ ней только и было, что заголовокъ, перечисляющій, сколько приходится съ каждой ревизской души: государственной подати, земской повинности, мірскаго сбора, продовольственнаго капитала и пр., а потомъ поименный списокъ крестьянъ, деревни Кулакова, съ суммою въ графѣ линеекъ, противъ каждого, слѣдующаго съ него, какъ выражались тогда, „высканія“. Въ концѣ тетради, стояль итогъ всѣхъ сборовъ, прописью и цифрами, да красовались копченныя печати волостнаго правленія и головы, съ замысловатой подписью волостнаго писаря. И тѣмъ не менѣе, тетрадь меня страшила. А ну, какъ—думаль я,—надѣлаю ошибокъ? Вѣдь тогда мы въ конецъ разоримся и продадутъ у насъ гнѣдка и буренушку. О! Господи, помоги ты намъ въ этомъ горѣ, мысленно взываль я къ Богу.

Я досталь гдѣ-то обрывокъ бумаги, разлиноваль его по образцу раскладочной тетради и сталъ записывать воображаемые взносы подати, отъ Луки Мелкобродова. За нимъ значится предположилъ я,—4 р. 45 к. Вотъ онъ и приносить будто-бы, въ уплату 1 р. 20 к. Я записаль крупнымъ почеркомъ: годъ, мѣсяцъ, число и сумму. Потомъ въ другое время, сумма взноса, будто-бы была 1 р. 50 к. и наконецъ, въ послѣдній разъ 1 р. 75 к. Все казалось вѣрно и хорошо. Я ликоваль и радовался. Но вдругъ, замѣтилъ, что моимъ писаніемъ, я заняль столько мѣста на бумагѣ, что заполнилъ имъ, чуть не три сосѣдніе участка раскладочной тетради. Какъ тутъ быть? Я долго находился въ затрудненіи, пока на догадался сократить слова и писать болѣе мелко.

Вопросъ рѣшенъ, наконецъ, совсѣмъ, и вотъ, я писарь сельскаго старшины, моего отца.

Въ скоромъ времени, отецъ мой, получилъ изъ волостнаго правленія и атрибутъ власти—желѣзную печать, со словами „сельскій старшина“ которую неграмотные люди, накопивъ на свѣчкѣ, или на берестѣ, прикладываютъ къ документамъ, подлежащимъ ихъ удостовѣренію, какъ напр.: сельскій приговоръ, квитанція въ

пріемѣ подати и пр. въ знакъ того, что какъ-бы данную бумагу они ее, своей рукою, подписали.

Отецъ соорудилъ легкій деревянный ящикъ, для вкладыванія сбоку раскладочной тетради; мать сшила изъ холста футляръ, — мѣшокъ съ бѣлымъ крѣпкимъ шнуромъ на устьѣ, — для того чтобы ящикъ класть въ футляръ, а потомъ, носить его, держа за шнуръ, черезъ плечо, когда требовалось являться въ Волостное Правленіе, въ Уѣздное Казначейство, или ходить по городу за сборомъ податей, по домамъ и квартирамъ проживающихъ тамъ крестьянъ деревни Кулаковой. Я каждый день съ успѣхомъ упражнялся съ дядею Семеномъ въ „хожденіи на счетахъ“ и видимо усваивалъ удачно счетную премудрость, что такое значить „четъ“ копѣйки и какъ считать и смаривать задачу „рубль безъ четверти“.

Приближалось первое воскресенье сбора податей первой половины года. Въ субботу, двумъ десятникамъ отданъ былъ отцомъ моимъ приказъ обойти всѣхъ домохозяевъ нашей деревни, постукивая подъ окнами палкою и каждому сказать: „Эй, хозяинъ, завтра подушнину неси, къ старшинѣ Чукмалдину“. Рано утромъ въ воскресенье пришелъ къ намъ дядя Семень. Мать зажгла передъ иконой въ горницѣ восковую свѣчу. Всѣ мы, отецъ, мать, я и дядя помолились Богу, съ началомъ и земными поклонами, прося усердно помощи въ предстоящихъ намъ трудахъ общественнаго дѣла. Въ переднемъ углу поставили столъ. Положили на него раскладочную тетрадь и счеты; поставили пузырь чернильницу съ гусинымъ перомъ; песочницу, подсвѣчникъ съ сальной свѣчкой и должностную печать. Дядя Семень сѣлъ на лавку въ самый уголь; отецъ помѣстился съ одного конца стола, съ двумя холщевыми мѣшками для серебра и мѣди съ одной стороны и ящичкомъ, съ украшеніями изъ соломы, для кредитныхъ билетовъ, съ другой. Я - же примостился на противоположный конецъ стола, съ раскладочной тетрадью и чернильницей.

Явился первымъ плательщикомъ, крестьянинъ Петръ Носыревъ.

— Богъ помочь вамъ, — помолившись на икону въ переднемъ углу, сказалъ онъ.

— Милости просимъ — отвѣтилъ отецъ. — Ну что, Петрованъ, подати принесть?

— Да, принесть: пока только 5 р. ассигнаціями. А тамъ Богъ дастъ, какъ продамъ сани, принесу опять.

Говоря это, онъ высыпалъ изъ рукавицы на столъ серебря-

ный цѣлковый и пятнадцать мѣдныхъ гривенъ, прежняго чекана. Отецъ сосчиталъ деньги и разложилъ ихъ въ мѣшки: серебро въ одинъ, мѣдь въ другой. Дядя Семенъ перевелъ счетъ денегъ съ ассигнацій на серебро, причемъ оказалось = 1 р. 43 к.

— Ну, Микола—сказалъ мнѣ отецъ —ищи въ книгѣ Петра Носырева и запиши деньги.

Я быстро отыскалъ въ строкѣ имя и фамилію плательщика, за которымъ значилось податей и другихъ повинностей 6 р. 57 к. серебромъ (23 р. ассигн.).

— А теперь пиши братъ, что получено-моль, отъ Петра Носырева подати 1 р. 43 к.

— Тятя,—возразилъ я,—да тутъ мало мѣста, чтобы уписать Петра Носырева.

— Эхъ братъ, да какъ-же быть-то, вѣдь надо?

— Нѣтъ мѣста, и не пиши — вмѣшался дядя Семенъ. — Пиши только, что вотъ, 10 января получено 1 р. 43 к. и довольно.

— Петръ Носыревъ—замѣтилъ я робко—въ книгѣ ужъ написано. Я запишу только деньги 1 р. 43 к.

— Ну и ладно—согласился отецъ. Теперь пиши ему съ писарской бумажки „квитанцу“.

Я началъ списывать съ образца квитанцію, что вотъ, такого то года, мѣсяца и дня, получено съ крестьянина Петра Носырева, подати 1 р. 43 к. въ чемъ и приложена, сельскаго старшины Чукмалдина, печать.

Я прочиталъ вслухъ мою первую въ жизни дѣловую бумагу. Отецъ и дядя ее одобрили. Послѣ этого, отецъ накоптилъ на свѣчкѣ желѣзную печать и передалъ мнѣ, чтобы не приложить ее, по его словамъ, „кверху ногами“. Я лизнулъ языкомъ мѣсто на концѣ квитанціи и надавилъ печать изо всей силы. Печать вышла правильно и ясно. Дядя Семенъ сказалъ:

— Хорошо. Молодецъ племянникъ.

Я торжествовалъ.

Подходили другіе плательщики и сдавали также деньги. Процедура счета, записыванье суммъ и выдача квитанцій продолжались тѣ-же, какъ и у перваго плательщика. Мы просидѣли весь зимній день, принимая деньги, записывая ихъ въ книгу и выдавая квитанціи.

Къ сумеркамъ законченъ былъ пріемъ; денегъ оказалось нѣсколько сотенъ. Мы наскоро пообѣдали и потомъ принялись за

провѣрку кассы съ записью. Отецъ пересчитывалъ деньги, я читалъ по тетради суммы, а дядя Семенъ считалъ на счетахъ. Все оказалось вѣрно. Отецъ мой перекрестился и сказалъ:

— Слава тебѣ Господи. Ужъ видно Богъ намъ помогаетъ. — Мать, а мать! — крикнулъ онъ черезъ сѣни въ избу — иди-ка сюда.

Мать вошла.

— Говори: слава Богу! Сколько мы денегъ собрали сегодня, и все сошлось у насъ вѣрно. Спасибо скажи дядѣ Семену за совѣтъ и помощь! А Микола-то, все вѣдь записалъ вѣрно!

Мать выслушавъ, стала меня ласкать и цѣловать. Дядя Семенъ, самодовольно улыбаясь, замѣтилъ:

— Ну что? Видите теперь, какъ все у насъ пошло хорошо? А то, нако-ся, чужаго писаря нанимать? На что намъ его; мы и сами справимся.

Такъ продолжалось дѣло нѣсколько праздничныхъ дней, пока денегъ накопилось столько, что надо было, съ рапортомъ и вѣдомостью волостнаго правленія, въ обществѣ волостнаго головы и писаря, ѣхать моему отцу въ Тюмень, сдавать ихъ въ казначейство. Рано утромъ собрались мы съ нимъ въ эту поѣздку. Гнѣдко былъ заложенъ въ „кашеву“ и мы примкнули у волости къ земской парѣ лошадей съ колокольчиками, на которой ѣхали впереди насъ волостной голова и писарь.

Въ казначействѣ народу было много и намъ пришлось долго дожидаться очереди, пока приняли отъ насъ деньги. Страхъ для насъ уѣзднаго казначейства былъ не столько въ томъ, чтобы, сдавая деньги, рисковать прочетомъ, а главное въ томъ, чтобы въ массѣ денегъ не оказалось какъ-нибудь фальшивыхъ. У кого оказывались фальшивые кредитные билеты или монеты, тому приходилось трепетать. Кромѣ прямого убытка, пугала волокита слѣдствія и суда, которую ни съ какимъ убыткомъ нельзя было и ровнять. Но и сдача денегъ, сошла у насъ совѣмъ благополучно.

Послѣ этого отецъ мой, перекинувъ черезъ плечо холщевый мѣшокъ съ раскладочной тетрадью въ ящикѣ, пошелъ со мной по городу собирать подати съ крестьянъ нашей деревни, тамъ проживающихъ, кто въ своихъ домахъ за Тюменькою, а кто въ рабочихъ, на кожевенныхъ заводахъ. Ревизскихъ, податныхъ душъ деревни Кулаковой, въ городѣ значилось около 40, и мы нѣсколько часовъ ходили непрерывно, изъ одной части города въ другую, получая деньги, пока къ сумеркамъ не кончили всего обхода. Не смо-

тря на то, что по дорогѣ мы съѣли по калачику, я проголодался и усталъ такъ, что еле волочилъ ноги и какъ только добрался до своей кашовки, такъ и уснулъ въ ней, какъ убитый. Проснулся я въ своей уже избѣ, въ деревнѣ, ночью; отецъ и мать сидѣли за столомъ и ужинали. Какъ пріѣхали мы изъ города въ деревню, какъ вынесли меня соннаго изъ кашовки, я ничего этого не слышалъ и не помню.

— Ну, что, проснулся Микола? — сказалъ отецъ, — иди покушай. Мы съ тобой, вѣдь, братъ, шибко сегодня потрудились.

— А здѣсь ужъ были дядя Семень и тетка Анисья — добавила мать, поднимая меня съ лавки. — Все спрашивали, какъ вы съ отцомъ сдавали деньги въ казначейство. Ну, что видѣлъ теперь городъ? Правда, какой онъ большой, да хорошій?

— Правда, мама, правда, — заговорилъ я. — Ужъ такой-то онъ большой, что страсть! Идешь, идешь по улицамъ и конца не видно. А какіе дома большіе да высокіе! Вотъ, домъ Зырянова каменный большущій, пребольшущій: два этажа; внизу лавки съ желѣзными дверями, а дворъ весь выстланъ плахами (досками)... Я сталъ припоминать и огромныхъ собакъ, что какъ залаютъ, такъ и отдается по всѣмъ постройкамъ. Страшно даже туда войти. Припомнилъ, какъ мы проходили базаромъ, на которомъ чего только не было! И пряники, и карамельки, и сапоги, и этакіе картузы съ заломомъ — чудо!

— Ну, хорошо, мой милый, — отвѣтила мнѣ мать. — Иди-ка лучше да поѣшь. А мы поговоримъ съ тобой объ этомъ завтра.

День за день, недѣля за недѣлей, въ этотъ годъ службы моего отца сельскимъ старшиною, мы собрали въ началѣ и концѣ года, всѣ подати и повинности, сдавъ ихъ въ казначейство, безъ всякаго прочета. Прежній сельскій писарь, тотъ самый, который раньше занималъ мою должность, часто стращалъ моего отца „прочетомъ“, добавляя: — ну, гдѣ же видано „робенку подати записывать“, но въ концѣ концовъ и онъ долженъ былъ замолкнуть. Многіе крестьяне меня похваляли, а иные прибавляли нѣсколько скептически:

— Хорошо имѣть такого дядю, какъ Семень Егоровичъ. Съ нимъ справлять дѣла, что-тебѣ за каменной стѣною.

Но какъ-бы ни было, дѣло сдѣлано и репутація моя, какъ деревенскаго грамотѣя — счетчика, росла не по днямъ, а по часамъ. На слѣдующій годъ, вновь выбранные сельскіе старшины, стали предлагать моему отцу, отпустить меня къ нимъ на время сбора

податей, за писаря. Преемникъ моего отца, старшина Корниль Пимневъ, предложилъ даже жалованье 60 р. ассигнаціями въ годъ (17 р. 14 к.). Отецъ и мать долго не соглашались на это предложеніе, но совѣтъ родныхъ, дяди Семена и тетки Анисьи, громко заявившей—„пустъ-де знаютъ нашихъ“—и наконецъ жалованье, деньги, казавшіеся тогда значительными, одержали верхъ надъ всякимъ опасеніемъ моихъ родителей. Соглашеніе состоялось.

Черезъ день—другой, пріѣзжаетъ къ намъ старшина смежной деревни Гусельниковой, Нестеръ Мелкобродовъ и тоже предлагаетъ отпустить меня къ нему для записыванія счета податей, за 50 р. асс. въ годъ. Сначала родители совсѣмъ ему отказали, сказавъ, что я уже нанятъ Кулаковскимъ старшиною. Однакожъ, чрезъ нѣсколько дней, Мелкобродовъ снова пріѣзжаетъ, съ тѣмъ-же предложеніемъ, добавляя, что онъ уговорился съ Кулаковскимъ старшиною распредѣлить мое занятіе: въ Кулаковѣ съ утра до полудня, а въ Гусельниковѣ съ полудня до вечера. Мои родители продолжали отказываться, заявляя, что заниматься у двоихъ старшинъ одинадцати-лѣтнему мальчугану будетъ трудно и, сохрани Богъ, что-нибудь напутаетъ, грѣхъ большой возьмутъ они, на свою душу.

Но старшина упрашивалъ съ такой настойчивостью „явить ему божескую милость“, увѣряя, что онъ самъ, или его племянникъ, каждый разъ, на своей лошади, будутъ меня привозить и отвозить, тепло меня закрывая, что отецъ и мать, въ концѣ концовъ, предварительно испросивъ на то согласіе у старшины Пимнева, согласились. Такимъ образомъ, весь 1849 годъ, въ первые и послѣдніе мѣсяцы его, по праздникамъ, а иногда и въ будни, съ раннего утра до полудня, я занимался записываніемъ и подсчетомъ платежей податей и повинностей—у Кулаковского старшины; а съ полудня до сумерекъ—у Гусельниковскаго. Лошадка въ кашевѣ, ждала меня каждый разъ, когда надо было ѣхать въ смежную деревню, или возвращаться домой.

Занятія по сбору податей шли у насъ своимъ порядкомъ, вполне успешно. Прочетовъ денегъ не было. Ко мнѣ стали даже обращаться за разрѣшеніемъ щекотливыхъ вопросовъ: не фальшивы-ли такіа-то бумажки, серебро и золото? Я ѣздилъ съ Кулаковскимъ старшиною въ городъ, за сборомъ податей и ходилъ съ нимъ, точно такъ-же, какъ съ отцомъ моимъ, по разнымъ улицамъ, гдѣ жили Кулаковскіе крестьяне. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, старшина купилъ мнѣ книжку „Еруслана Лазаревича“. Вотъ было радости-то

у меня прочесть первую книжку гражданской печати, какая мнѣ попадалась! Нетерпѣніе знать, что въ ней содержится, такъ было велико, что я зимою, на ходу, по улицамъ отъ одного двора къ другому, прочиталъ ее, отъ перваго листа до послѣдняго. Потомъ привезъ ее домой и часто вечерами перечитывалъ опять, волнуясь и любуясь героемъ сказки, съ полнымъ увлеченіемъ.

Еще въ практикѣ съ отцомъ и дядей, я научился бѣгло и хорошо „ходить на счетахъ“ и легко справляться съ переводомъ денегъ съ ассигнацій на серебро. Крестьяне-же съ большимъ трудомъ привыкали къ такому переводу. Имъ все казалось непонятно, для чего, надобно считать совсѣмъ не такъ, какъ отчиснуто на деньгахъ, къ которымъ они привыкли и уже дали имъ свои ходячія названія: грошъ, пятакъ, гривна—мѣдякамъ; четвертакъ, полтинникъ, цѣлковый—серебру; и синяя, красная, мѣшочная—кредиткамъ. Изволь переводить для чего-то въ серебро, въ три раза съ половиной меньше, наши гривны и синюхи,—разсуждали они по своему. Деревенскій бардъ, составилъ даже пѣсню, какъ гуляетъ хвастливый человѣкъ, а у него въ карманѣ:

... блоха на арканѣ
Да копѣйка серебромъ.

Чаю по деревнямъ тогда не пили, и въ видѣ угощенія мнѣ въ домахъ старшинъ, ставили: кедровые орѣхи или, порою, пряники. Разъ какъ-то старшина Пимневъ подарилъ мнѣ крупную игрушку, имъ самимъ устроенную—мельницу съ полнымъ подвижнымъ составомъ и жерновами, которая во время вѣтра—вертѣла крыльями, гремѣла шестернями и колесами, а верхній жерновъ кружился какъ волчокъ. Радости моей не было границъ, когда самъ старшина принесъ ее къ намъ въ домъ и установилъ на высокомъ столбѣ нашего двора. Какъ только потянетъ вѣтерокъ, крылья завертятся—мельница моя начнетъ молотъ, а я собою изображаю, въ это время, мельника, яко-бы наблюдающаго за нею. Сколько зависти, бывало, у сосѣднихъ ребятъ къ владѣльцу такого неоцѣнимаго сокровища. И очень счастливъ бывалъ тотъ товарищъ мой, котораго я, порою, удостою разрѣшенія—слазить по лѣстницѣ къ поверхности столба, чтобы взглянуть вблизи на это чудо.

Вспоминаются мнѣ нѣкоторые товарищи и друзья дѣтства. Вотъ, сосѣдскій сынъ Илюша, тихій, скромный, не по годамъ задумчивый. Онъ былъ старше меня на 2, на 3 года. Бывало, въ какойнибудь игрѣ, всѣ веселы, выкрикиваютъ громко, хохочутъ безъ

удержа, а онъ смѣется тихо, или только улыбается, да такъ печально, что вотъ, кажется, такъ-бы взялъ и заглянулъ къ нему въ сердце. Иной разъ не утерпишь и невольно спросишь:

— Илюша, ты не боленъ-ли?

— Нѣтъ, не боленъ — отвѣтитъ онъ, и съ этимъ словомъ поведетъ игру усиленно и засмѣется какъ-то громко и ненормально.

Что причиной было Илюшина характера, сказать теперь я не съумѣю, но думаю, что нелады въ его семьѣ и бѣдность крайняя, положили на него подобную печать скорби и угнетенія. Отецъ его много лѣтъ подъ рядъ былъ боленъ и не выходилъ изъ дома, а мать не отличалась домосѣдствомъ. Мальчикъ выросъ подъ гнетомъ этихъ условій и складывался въ натуру грустную, въ страдальческій типъ. Любилъ онъ порою пѣть пѣсни и пѣлъ чудесно. Лѣтомъ, очень часто, какъ только выйдешь, бывало, въ узкій переулокъ, сзади нашего задворья, тамъ уже и раздается теноръ, поющаго Илюши. Семья его пашни не пахала и Илюша, изо дня въ день, зимой и лѣтомъ мастерилъ „накладки“ *) для продажи на базарѣ. Какъ только наступала легкая работа въ этомъ ремеслѣ — рѣзать зарубки **), закладывать лучинки, — такъ и начинаются Илюшины пѣсни.

17-ти лѣтъ Илюша умеръ.

Былъ у меня другой товарищъ, Федя Пимневъ, однихъ со мною лѣтъ, мальчикъ шустрый и веселый. Бывало, всякая игра затѣвается имъ первымъ.

— Сегодня будемъ въ бабки играть — скажетъ онъ, и мы играемъ въ бабки.

— Давайте въ мячикъ играть, „въ отсталые“, — заявитъ онъ въ другой разъ, и вся ватага ребятишекъ, играетъ въ мячикъ.

Припоминается мнѣ еще товарищъ Семка Кожанъ. Этотъ мальчикъ былъ угрюмъ, любилъ бороться и бѣгать въ запуски. Лицо имѣлъ бронзоваго цвѣта, волосы черные, курчавые, фигуру нескладную и длинныя ноги. При всякихъ спорахъ за товарищей стоялъ горою и никогда не пускался въ разсужденія, правъ или не правъ его товарищъ: „Кто не за насъ тотъ супротивникъ“ — таковъ бывалъ его отвѣтъ на всякіе вопросы.

Были еще у меня пріятели, два брата — Степа и Василій

*) Полукруглая кибитка на телѣгу.

**) Украшенія на передней дугѣ.

Пимневы. Василій, удалая голова, идущая на проломъ, гдѣ - бы не попало. Степа-же былъ мальчикъ чинный, аккуратный. На Васильи платьѣ всегда замарано и изорвано, у Степы-же всегда оно чисто и пуговицы на своихъ мѣстахъ. Василій въ играхъ былъ забіяка, кричалъ безъ смысла и толку громче всѣхъ; Степа же игралъ тихо, скромно и правила игры соблюдалъ строго...

* *
*

Лѣтомъ жилось гораздо веселѣе, чѣмъ зимою и осенью. Весною пашня, потомъ покосъ, ходьба по ягоды и жатва, изо дня въ день, незамѣтно заполняли время. Я помогаль отцу: весной—рубить дрова, боронить поля; на покосѣ — сгребать сѣно, возить копны; въ жатву—таскать снопы и вообще дѣлать все то, что требуется отъ деревенскаго мальчугана. Не было ничего пріятнѣе и веселѣе лѣтомъ, какъ ходить съ бабушкой Аксиньей за ягодами—земляникой и клубникой. Бывало, бабушка выйдетъ на крыльцо нашего дома и группѣ ребятшекъ скажетъ:

— Ну, дѣтва, хотите по ягоды идти?

— Хотимъ, бабушка, хотимъ. Ты дорогой, скажешь намъ, новую сказку.

— Знала я, дѣтки, сказки—отвѣтитъ, бывало, бабушка—да всѣ рассказала.

— Ну скажи намъ, бабушка, опять про бабу-Ягу и Глинышка.

— Ишь какіе! который разъ мнѣ вамъ пересказывать?

— Еще бабушка скажи разочекъ—кричимъ мы хоромъ.

— Ну, инъ такъ и быть. Вотъ только взойдемъ на горку, тамъ и примемся за сказку. Собирайте посуду.

Мигомъ бросаемся мы, кто за чашкой, кто за корзиной, или за берестянымъ туесомъ *) и чрезъ нѣсколько минутъ, наша экспедиція уже готова.

Деревней идемъ чинно, на горку бросаемся въ запуски, и тамъ дождавшись бабушки, опять идемъ тихонько до поскотинныхъ воротъ. Тутъ всегда привалъ и остановка. Бабушка, снимаетъ чарки **), чтобы идти по травѣ босикомъ, и начинаетъ пѣвучимъ голосомъ сказку:

*) Берестяная кружка съ деревяннымъ дномъ и крышкой. Въ крышкѣ ручка.

**) Родъ большихъ кожаныхъ туфель, опущенныхъ краснымъ сукномъ, въ которомъ пропущены «завязки» (шнурки).

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жила была баба-Яга страшная: блинчики пекла, дѣтей заманивала, Глинышка-мальчика излавливала и т. д.

Сказка лилась въ ея разсказѣ такъ плавно и пѣвуче, что мы старались идти тихо, толпясь какъ можно ближе къ ней, чтобы не проронить ни единого слова. Пока идетъ разсказъ о приключеніяхъ Глинышка, мы незамѣтно достигаемъ знаменитаго „Увала“ въ Большихъ Логахъ, гдѣ всегда бывало множество клубники. Ягода зрѣлая, сочная, такъ и рдѣетъ на солнечномъ припекѣ. Мы начинаемъ брать сначала не столько въ чашки и корзинки, сколько въ ротъ. Потомъ, налагомившись, начинаемъ соревнованіе, кто больше наберетъ и у кого ягода будетъ лучше.

Но вотъ, посуда полна,—пора домой.

— Ну, ребятки—скажетъ бабушка—пойдемъ тихонько. Я нашла въ карманѣ еще сказку. Чуръ, только слушать смирно:

— „Стану я благословясь, пойду перекрестясь, на восточную сторонку, ко синю морю. И стоитъ тамъ гора высокая, и лежитъ тамъ камень Алатырь...“.

И пойдетъ старая разсказывать сказку, слово за словомъ, какъ нанизывать жемчугъ, нитку за ниткой.

Мы снова слушаемъ съ замираніемъ сердца. И гдѣ это бабушка беретъ такія славныя сказки, бывало, думаешь упорно. Все-то у ней такъ складно и пѣвуче.

Славная старуха была эта бабушка!

Наступала осень и зима—пора работъ молотьбы хлѣба, вывозки дровъ и сѣна, а въ свободное время ремесла по выдѣлкѣ хрясель *), деревенскихъ саней и пошевней **). Для молотьбы хлѣба требовалось всегда 4 человѣка, составлявшихъ дружнiую, спѣвшуюся группу, умѣло владѣвшую цѣпами, а потому всегда молотильщиковъ нанимали изъ крестьянъ Туринскаго уѣзда, подъ именемъ „молотягъ“. Обычаемъ требовалось только, чтобы самъ нанимающій хозяинъ съ вечера высушивалъ овинъ съ хлѣбомъ. Я всегда любилъ ходить съ отцомъ „сушить овинъ“, хотя помощи моей, въ этомъ случаѣ и не требовалось. Темной ночью бредешь, бывало, къ овину, неся съ собой—огниво, трутъ, сѣрныя спички и растопку. Пройдя туда, лѣзешь въ овинную яму, по крутому бревну, съ вырубленными ступеньками, замѣнявшему лѣстницу, чтобы сложить костеръ изъ дровъ и зажечь его. Огонь

*) Хрясла—верхняя часть телѣги.

**) Пошевни—сани съ высокими стѣнками, обтянутыми лубомъ.

разводился умѣренный, чтобы какъ-нибудь не попала искра въ хлѣбъ и не произвела пожара. На случай приставапія искры къ потолку, всегда имѣлась шайка съ водою и на длинной палкѣ вѣшникъ. Все время, пока продолжалась сушка овина, насаженного снопами хлѣба, нужно было сидѣть около огня, то подкидывая дровъ, то поправляя очагъ, то зорко посматривая на потолокъ и колосники, нѣтъ-ли гдѣ тлѣющей искры.

III.

Въ тайгѣ.

Послѣ Ильина дня и покоса, бывали годы, что цѣлыя семьи нашей деревни отправлялись караваномъ къ сѣвернымъ Татарамъ за сборомъ брусники. Такой походъ за болота и озера, требовалъ обыкновенно особенныхъ приспособленій. Прежде всего надо было выбрать лошадь, которая умѣла-бы ходить болотами, не проступаясь въ топкую трясины. Умѣлая лошадь ставитъ переднюю ногу на зыбкую болотистую кору—тихо и осторожно, а заднюю кладетъ плашмя до колѣна. Неумѣлая-же, ставитъ ногу быстро и прямо, прорѣзая кору копытомъ и часто проваливается до живота. Съ такою лошадью въ болотномъ пути, одно мученіе.

Потомъ надобно имѣть телѣгу съ накладушкой, покрытую берестою и съ колесами безъ шинъ. Къ телегѣ привязывается длинная доска, какъ подвижный матеріалъ для понтоннаго моста, если встрѣтится непроходимая инымъ путемъ полоса болота. Въ телѣгѣ помѣщались: пологъ, одежда, посуда, топоръ, лопата, съѣстные припасы и другія принадлежности нужныя для кочевки въ дремучемъ лѣсу, въ теченіе цѣлой недѣли времени. Въ такую экспедицію обыкновенно собирались по семи и до десяти семей.

Выѣзжали изъ дома всегда рано утромъ, чтобы къ вечеру пріѣхать въ Верхніе Тарманы—послѣднее жилое татарское поселеніе къ сѣверу отъ насъ, отстоящее отъ Кулаковой верстъ на 25, позади болотъ и озеръ, какъ разъ на границѣ вѣковаго хвойнаго лѣса. Дорога шла 15 верстъ лугами и гривами, ровная и гладкая, а дальше верстъ на 10 тянулись топкія болота, гдѣ надо было пробираться по окраинамъ, черезъ раkitникъ и кочки. По принятому обычаю, впереди обоза шелъ вожакъ; за нимъ тянулись гуськомъ взрослые мужчины и женщины; а сзади, лошадьми управляли дѣти и подростки. И какъ ни бывалъ опытенъ вожакъ,

но въ обозѣ то и дѣло раздавались крики: „Эй, тятка, лошадь утонула!“ Тогда всѣ взрослые спѣшили къ мѣсту остановки, гдѣ обыкновенно лошадь погрузила ноги въ черную болотистую жидкость и безпомощно мотала головою. Мигомъ освобождали ее отъ запряжки, подводили доски и вытаскивали лошадь бокомъ. Послѣ этого, для проѣзда остальныхъ телѣгъ обоза, въ обходъ провала, подыскивалось болѣе крѣпкое мѣсто, а гдѣ его не находили, тамъ строили изъ запасныхъ досокъ понтонный мостикъ, которымъ и переѣзжали растоптанную „няшу“ болота. На такомъ мѣстѣ всегда ставили затѣмъ вѣху, предупреждающую объ опасности.

Но вотъ заблестить, бывало, зеркальной гладью Тарманское озеро, а на берегу его затемнѣются дома, съ высокими бѣлыми трубами, Тарманскихъ юртъ, или проще говоря, татарскаго поселка. Болота шли къ концу; чѣмъ дальше, тѣмъ дорога была лучше и почва колебалась подъ нашимъ поѣздомъ все меньше и меньше. Теперь для глаза уже незамѣтны становились волны болотнаго покрова, какія часто видѣлись, при проѣздѣ, чрезъ центральныя трясины. Вожакъ командовалъ: „въ повозки“ и всѣ, усѣвшись на телѣги, крупнымъ шагомъ подвигались къ татарской деревушкѣ. На окраинѣ ея, встрѣчала стая собакъ, съ неистовымъ лаемъ бросавшаяся къ лошадямъ. За нею шли двое Татаръ, знакомыхъ нашему вожаку—Селимъ и Багай.

— Здорово брать Корма—кричали они издалека.—Что, за ягодъ пошолъ? Карашо!

— Собрались за ягодами. Укажи, пожалуйста, гдѣ переночевать.

— Ходи ко мнѣ—зоветъ Селимъ.—Рыба дамъ, молока дамъ, всего дамъ.

Поѣздъ нашъ линіей вытягивается по улицѣ, противъ Селимова дома. Мы, дѣти, высыпаемъ изъ кибитокъ, глазѣтъ на грязную, но пеструю и занимательную толпу татарскихъ ребятишекъ, одѣтыхъ въ рваныя рубахи, съ аракчинами на головахъ мальчиковъ, бусами и монетами на шеяхъ дѣвочекъ. Лошадей отпрягаютъ, и ставятъ подъ крышу. Оглобли отъ телѣгъ поднимаютъ кверху, а самыя телѣги сдвигаютъ одна къ другой поближе. Одиѣ изъ нашихъ женщинъ, идутъ къ Селимовымъ коровамъ, обмытъ имъ вымя и подоить въ свои посуды, дабы не оскверниться молокомъ татарскаго доенія. Другія отправляются къ озеру за водой, также со своей посудой.

Всѣмъ татарскимъ домашнимъ обиходомъ русское населеніе

пренебрегало и относилось къ нему, какъ къ чему-то непотребному, съ чѣмъ грѣхъ даже соприкасаться. Всякая татарская посуда, ихъ хлѣбъ, молоко и мясо, признавалось поганымъ и для христіанина неподходящимъ. Теперь, пожалуй, такое отношеніе къ инородцамъ покажется довольно страннымъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ въ домашнемъ обиходѣ было всюду хорошо вымыто и чисто. Съ этой стороны они стояли ничуть не ниже многихъ христіанскихъ домохозяевъ. Одно у нихъ казалось дурно—это выдача собакамъ, всѣхъ остатковъ пищи, въ тѣхъ-же самыхъ чашкахъ, изъ которыхъ ѣли инородцы сами. Это ужъ для насъ, несомнѣнно, было „погано“.

*
* * *

Вотъ, на берегу большого озера запылало нѣсколько костровъ, закипѣли котелки съ рыбой и провизіей. Вынимались изъ телѣгъ: скатерти, посуда и стлались и ставились на чистомъ песчаномъ берегу. Весь таборъ разбивался группами, и каждая отдѣльно рассуждала о своихъ дѣлахъ. Женщины возились съ котелками и провизіей, громко восклицая: „ахъ, батюшки, рыба пригорѣла!“, „ахъ, соли положить забыла!“ а мужчины толковали съ мѣстными Татарами, добиваясь самой низкой платы „ясака“, за право собирать бруснику въ ихъ татарскихъ сограхъ и лѣсахъ. Татары требовали полтину съ человѣка, а наши старики давали по двѣ гривны. Кончили на томъ, что „ясакъ“ условили—двѣ гривны съ человѣка и по шкалику съ телѣги полугара, когда пріѣдутъ Татары сами, къ намъ въ деревню.

Рано утромъ на другой день, таборъ нашъ выѣхалъ изъ юртъ по направленію къ сограмъ и сосновымъ лѣсамъ, гдѣ особенно водится брусника. Дорога шла, сначала песчаными буграми, незамѣтно поднимаясь выше и вдвинулась потомъ, черезъ подлѣсокъ, въ густой сосновый боръ, пока совсѣмъ не исчезла. Дальше приходилось подвигаться гривами и косогорами, полагаясь только на особенное чутье и знаніе мѣстъ нашихъ вожаковъ. Тамъ и сямъ, около сосенъ, попадалась спѣлая брусника, но мы не останавливались и ѣхали все дальше и дальше. Порою на прогалинахъ, на пескѣ, попадался намъ свѣжій слѣдъ медвѣдя—то отпечатывались лапы съ когтями, то валялся пометъ. Но это сосѣдство какъ-то не казалось страшнымъ. Лошади шли весело, а „ботала“ у нихъ звенѣли сильно, отдаваясь громкимъ эхомъ, въ высокомъ и кондовомъ лѣсу сосны и ели. Но вотъ поднялись на возвышенную гриву и подвигаясь далѣе, спустились въ согру, гдѣ въ пе-

ремежку съ елью, росли кустарникъ и береза. Вблизи ея на отлогомъ холмикѣ, между купъ высокихъ сосенъ, старики опредѣлили мѣсто для нашего становища. Первымъ дѣломъ, вожаки спустились на опушку низменнаго мѣста, между согрой и урманомъ, чтобы выкопать колодезь и брать оттуда воду; всѣ-же остальные люди устраивали лагерь: устанавливали полукругомъ телѣги, поднимали оглобли, натягивали пологи и раскладывали въ центрѣ полукруга костеръ, для постоянного огня. Отпрягли и спутали лошадей, которыя, похрапывая и звеня боталами, усердно принялись щипать сочную траву, въ ложбинахъ, вокругъ нашего становища...

Часа черезъ два, вожаки вернулись въ лагерь и объявили всѣмъ, что колодезь выкопанъ, подмости къ нему сдѣланы и вода, пожалуй, „отстоялась“. Костеръ изъ сухихъ сучьевъ и смольняка, былъ подоженъ и пылалъ на славу, разнося дымъ между вѣтвей деревьевъ. Около него вколотили рогатые колья, какъ подставки для тагана, по числу семей и навѣшали на длинной палкѣ котелки съ водою. Началось живое, полное суеты, приготовленіе горячаго обѣда. Тѣмъ временемъ вожаки пошли на развѣдки, разыскивать поляны и бугры по сограмъ, гдѣ особенно растеть брусника. Черезъ часъ они вернулись съ хорошими вѣстями: ягоды кругомъ, по ихъ словамъ, было видимо-невидимо, а въ доказательство своихъ рѣчей высыпали намъ по пригоршнѣ крупныхъ спѣлыхъ ягодъ.

Весь вечеръ перваго дня прошелъ у табора въ окончательномъ устройствѣ лагерной стоянки и ужина. Кто рубилъ изъ сухоподстойника дрова, запасая на ночь; кто присматривалъ за лошадьми, бродящими по низменностямъ, а кто рубилъ еловыхъ вѣтокъ для прикрытія телѣгъ и пологовъ. Женщины возились съ домашнимъ скарбомъ, приводя въ порядокъ посуду и запасъ провизіи. Мы, дѣтва, весело шумѣли въ новой обстановкѣ, собирая кучи хвойныхъ шишекъ, подбрасывали ихъ въ костеръ и наблюдали, какъ они сначала зашипятъ, а потомъ вспыхнутъ съ трескомъ.

За ужиномъ выбрали единогласно моего дядю, Корнила, старостой табора, а моего отца вожакомъ по лѣсу и по сограмъ, когда съ завтрашняго дня придется уходить изъ становища за сборомъ ягодъ. Дежурнаго на ночь, для охраны лошадей отъ „Мишки“, рѣшили выбирать по жребію. Кто-то предложилъ произвести эту операцію жеребьевкою еловыми шишками.

— А и то братцы—замѣтилъ дядя Корниль—вѣдь мы въ лѣсу, а стало быть и жеребій надо дѣлать, какъ лѣсъ велить.

Собрали семь еловыхъ шишекъ, по числу телѣгъ, одинаковаго вида и размѣра, замѣтя на одной изъ нихъ угольный значекъ и положили въ шляпу. Кто выберетъ шишку съ такимъ значкомъ, тому и быть дежурнымъ на ночь. Жребій выпалъ на нашего сосѣда, по деревнѣ, Василья Пимнева.

— Ахъ братцы,—замѣтилъ онъ—что-же мнѣ дѣлать то съ ружьемъ? Я его немножко побаиваюсь.

Всѣ засмѣялись.

— Вотъ что —сказалъ дядя Корниль—ты ружья боишься, а медвѣдь человѣка боится. Ужъ это такъ вѣрно, какъ Богъ святъ! Прошлымъ лѣтомъ,—продолжалъ онъ—съ Федькой Горошенкой, слыхали, какая случилась оказія? Собираетъ это онъ въ лѣсу бруснику, ни о чемъ не думая, а только кладетъ да кладетъ, цѣлыми горстями, ягоды къ лукошко, благо, нашель гривку, на какой-то согрѣ, гдѣ брусники было, какъ насыпано. Вотъ онъ ягоды беретъ, да беретъ и только что проползъ на колѣняхъ, кругомъ корня упавшей сосны, да глянулъ на передъ, а тутъ близехонько, лежитъ Михайло Ивановичъ да ягоды кушаетъ. Горошенка крикнулъ, что есть мочи, да бѣжать! Медвѣдь испугался до смерти и давай улепетывать въ другую сторону. Кто кого пуще испугался, это милый мой, и не разобрать.

Шутки и рассказы, то страшные, то забавные, продолжались потомъ долго, пока не стемнѣло. Надъ таборомъ спустилась ночь и въ тишинѣ ея, мелодичнымъ шумомъ заговорилъ лѣсъ, убаюкивая насъ ко сну, подъ пологами и накладушками.

На завтра встали рано, позавтракали, повѣсили себѣ на плечи, кто лукошко, кто кузовъ *) или корзину; въ руки взяли берестяные тuesday, куда сунули по куску чернаго хлѣба и отправились за ягодами. Впереди шелъ мой отецъ, мать и я, а за нами гуськомъ тянулась вся ватага мужчинъ, женщинъ и дѣтей. На всякій случай, старики засунули за кушаки топоры и вооружились дубинками. Въ таборѣ остался сторожить ночной дежурный.

Ходьба тайгой, или выражаясь мѣстнымъ языкомъ, ходьба *урманомъ*, сограми и гривами—совсѣмъ особая ходьба. Гривою идешь по сухому мѣсту, гдѣ нѣтъ почти травы и вѣковые сосны своею тѣнью, совсѣмъ укрыли землю отъ солнца. Но вотъ, на

*) Большая посуда изъ бересты съ крышкой, носимая обыкновенно за плечами.

гривѣ—склонѣ; она кончилась и начинается покатость—*согра*. Сосны порѣдѣли, и то тамъ, то сямъ, гниютъ громадныя стволы валежниковъ, убитыхъ бурей, съ поднятымъ щитомъ корней съ землею, а между ними, какъ коверъ, кранѣется брусника. Еще ниже, на самомъ днѣ и стокѣ водъ лежитъ *урманъ*,—сплошная масса кустарниковъ и лиственныхъ деревъ, гдѣ трудно пробираться даже пѣшему. Подъ ногой земля зыбитъ, и уходитъ въ мягкій мохъ чуть не по колѣно, или проваливается между кочекъ, въ грязь и воду. Съ боковъ густая чаща полу-кустовъ, полу-деревъ, ольхи и черемухи. Внутри урмана, растутъ мѣстами—смородина, малина и завершается въ низменныхъ прогалинахъ—клюквой и морошкой.

Отецъ остановился и указалъ намъ на рядъ маленькихъ полянокъ по увалу, освѣщенныхъ косыми лучами утренняго солнца.

— Вотъ и брусника,—сказалъ онъ.

Мы разбрелись направо и налѣво. Передъ нами раскрывались сплошныя алыя ковры спѣлой ягоды. Надо быть и видѣть самому, среди дѣвственнаго лѣса и урмановъ, это поле красныхъ ягодъ, что бы оцѣнить видъ и красоту подобнаго зрѣлища. На склонѣ согры, между рѣдкихъ, но могучихъ сосенъ, разстилается полянка, одѣтая брусничникомъ, поверхъ котораго, какъ-бы пролита алая лоснящаяся краска. Коверъ изъ ягодъ стелется, изгибаясь по всѣмъ неровностямъ очертанія поляны, забѣгаетъ на холмы, образованные корнями и землей, крупнаго валежника. Роса блеститъ бриллиантикомъ на каждой ягодѣ, на каждой вѣткѣ и листочкѣ. Внизу урманъ лежитъ, еще одѣтый пеленой голубоватаго тумана, а вверху на гривѣ стѣной стоитъ могучій боръ сосновыхъ великановъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, всѣ наши запасныя ведра, корзины и кузова были полны ягодами и мы пошли на становище, едва неся на плечахъ и въ рукахъ тяжелыя ноши. Около бивачнаго костра, была уже налита въ котлы вода, остававшимся дежурнымъ, сторожившимъ наше становище и телѣги. Ноши сняты и поставлены въ тѣни. Устали всѣ страшно и ждуть отдыха и сытнаго обѣда. Пришлось наскоро варить сушеную рыбу, готовить кашу-заваруху и кое-какъ поджаривать ломти чернаго хлѣба съ солью. Всѣ довольны хорошимъ сборомъ, но молчатъ, ограничиваясь только рѣдкими вопросами и отвѣтами.

Къ вечеру разостяли на землѣ полога, разсыпали на нихъ бруснику и пошла кропотливая работа, отдѣленія листковъ и корешковъ, такъ называемая „чистка ягодъ“. Кто-то изъ работаю-

щихъ предложилъ „вѣять на вѣтру“. Но гдѣ-же взять его среди глухаго лѣса? Тогда встаетъ отъ ягодъ изобрѣтательный „Никишенька“ и заявляетъ всѣмъ, что онъ устроитъ вѣялку.

Первымъ дѣломъ выбралъ онъ въ лѣсу прямую мелкослойную, настоящую кондовую сосну; срубилъ ее и, отдѣливъ обрубокъ, аршина въ два длиною, приволокъ его къ костру. Потомъ при помощи другихъ, раскололъ обрубокъ на двое и нащепалъ драницы, насколько было возможно, тонкихъ. Затѣмъ устроилъ козелки, на манеръ праздничныхъ качелей, съ перекладиной на верху, конецъ которой выдавался наружу примѣрно на аршинъ. Еще дальше, снялъ съ оси телѣги, переднее колесо и, надѣвъ его на перекладину козелковъ, прикрѣпилъ къ нему по радіусамъ спицы, тонкія драницы. Во втулокъ колеса съ одного конца ступицы, смастерилъ и укрѣпилъ, колѣнчатую рукоятку.

Вѣялка была готова. Примѣнили ее къ дѣлу и оказалось, что дѣйствуетъ изрядно. Всѣ наперерывъ начали похваливать Никишеньку, а онъ краснѣлъ и робѣлъ, не зная, что отвѣтить на сыпавшіеся отъ товарищей одобренія.

Вѣялка все время сбора ягодъ вертѣлась и съ успѣхомъ служила дѣлу. Ее разорили лишь тогда, когда понадобилось возвращаться домой и водворить телѣжное колесо на его законное мѣсто.

Эпизодовъ разныхъ во время сбора ягодъ было, какъ всегда, немало и всѣ они оканчивались шутками и смѣхомъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда стемнѣло, мы сидѣли кругомъ костра, лѣниво перебрасываясь словами. Было тихо и сосѣднія вѣтви сосенъ едва покачивались отъ нагрѣтаго костромъ воздуха. Пламя вспыхивало и понижалось, и отраженіе свѣта на деревьяхъ также, то ярко блестѣло, то темнѣло и какъ-бы потухало. Гдѣ-то на озерѣ крикали утки и чуть слышно стрекотали въ травѣ кобылки. Вблизи костра стояли лошади, покачивая головами и отмахиваясь хвостами; на нихъ звенѣли ботала, точно перекликаясь между собою. Кому-то въ это время, пришло въ голову рассказывать о привидѣніяхъ и „лѣшихъ“. Разказчикъ чуть не съ клятвой увѣрялъ, что все будетъ одна „истинная правда“.

— Возьмите вы—началъ онъ—случай съ Иваномъ Кулаковымъ. Ъхалъ онъ однажды въ Каменку на мельницу, чтобы смолоть мѣшокъ ржи, а дорогой, возлѣ самаго села, хоронятъ покойника. Онъ возьми, да и подумай: вотъ, назадъ поѣду ночью, а покойникъ-то меня и схватить. И что-же думаете, братцы? Ъдетъ

онъ съ мѣшкомъ муки обратно, мимо кладбища и опять подумалъ о покойникѣ. Взглянулъ на кладбище, а покойникъ-то лѣзетъ черезъ ограду. Обомлѣвъ Иванъ со страха, ударилъ по лошади. Лошадь понеслась, а покойникъ за нимъ, все ближе и ближе. Иванъ крестится и читаетъ молитвы, а покойникъ уже сзади на облучкѣ трясется. Самъ весь въ бѣломъ, глаза закрыты, зубы стучать: умирай со страху, да и только! И чѣмъ-же кончилось такое навожденіе, думаете, братцы? Лошадь въ мылѣ, прискакала къ дому, а Иванъ мертвымъ-мертво, лежитъ на днѣ телѣги безъ движенія. Три недѣли, бѣдный, вылежалъ въ горячкѣ, послѣ этого.

— Или вотъ, — продолжалъ рассказчикъ дальше — „не къ ночи будь сказано“, когда лѣсной тебя „заводитъ“. Идешь тогда по лѣсу и знаешь, вѣдь, вѣрно по примѣтамъ, гдѣ направо, а гдѣ идти прямо. Но если дѣдушка „лѣсной“ — „прости Богъ слово“ — поведетъ тебя — пиши пропало. И будешь ты кружиться на одномъ и томъ-же мѣстѣ, цѣлый день, не находя „пути дороги“, а онъ тебѣ въ лѣсу, то ворономъ прокаркаетъ сверху, то сорокой прощекочетъ сбоку, то зайцемъ перебѣжитъ дорогу, то наконецъ филиномъ захохочетъ. И вдругъ...

Рассказчикъ внезапно остановился, съ испуганнымъ выраженіемъ лица и къ чему-то сталъ внимательно прислушиваться. Слушатели съ замираніемъ сердца, внимавшіе рассказу, тоже насторожили уши и явственно услышали по близости, въ лѣсу, хохотъ человѣка.

— Да воскреснетъ Богъ! — зашептали женщины.

— Съ нами крестная сила! — восклицали мужчины.

Переполохъ вышелъ выше всякой мѣры. Всѣ испугались страшно. Дядя Корнилъ схватилъ ружье и, благословясь, выстрѣлилъ на воздухъ. Громкое эхо раздалось вокругъ нашего становища и пошло повторяться по лѣсу. Оно наконецъ замолкло и вотъ, снова въ лѣсу и на томъ-же, повидимому, мѣстѣ, кто-то вновь захохоталъ, потомъ заплакалъ, какъ дитя, и заблеялъ наконецъ ягненкомъ.

— Да что вы, други, испугались, — заговорилъ отецъ — вѣдь это филинъ передразниваетъ. Неужто филина не слыжали?

— И впрямь — заговорили всѣ хоромъ. Съ ума сошли, наслушавшись поганыхъ рассказовъ.

Всѣ разомъ засмѣялись и стали передразнивать одинъ другаго, кто какъ подскочилъ съ земли со страху, кто какую скорчилъ гримасу. Въ особенности много насмѣшекъ, досталось дядѣ Кор-

нилу за то, какъ онъ серьезно, да съ молитвою стрѣлялъ въ „лѣшаго“, а тамъ оказался только—филинъ.

* *
*

Я былъ малъ, почти ребенокъ, плохо понималъ и сознавалъ, но и тогда, картина окружающаго лѣснаго царства, произвела на меня такое глубокое впечатлѣнiе, что, не смотря на прожитые долгие годы, оно мало потускнѣло и теперь. Мнѣ живо вспоминаются: и та грива, гдѣ мы кочевали; и согра, гдѣ мы нашли такъ много ягодъ, и урманъ, гдѣ мы брали воду изъ колодца. Каждый разъ, какъ только вспомню я эту поѣздку за брусникой, такъ и встаетъ въ моемъ воображенiи во весь ростъ, рядъ картинъ нашей сѣверной растительности, одна другой величественнѣе и прекраснѣе.

Вотъ глушь лѣсная въ вѣковомъ и дѣвственномъ бору могучихъ великановъ, сосенъ и елей! Кто передастъ человѣческимъ языкомъ всю гамму этихъ красокъ, всю мощь и красоту этой природы, гдѣ не ступала еще человѣческая нога? Вотъ стволъ сосны, въ два обхвата толщиною; за нимъ другой, третiй, и цѣлый рядъ стволовъ, уходящихъ кверху, на 15 сажень. Ихъ вершины увѣнчаны сѣро-зелеными побѣгами вѣтвей. Кора внизу корня шероховатая съ корі. невымъ оттѣнкомъ, а выше, по всему стволу переходитъ постепенно въ желтый, свѣтло-желтый и чуть видно свѣтитъ палевымъ, на сучьяхъ и отросткахъ. Смолистый аромат сосенъ наполняетъ воздухъ, а сама смола капаетъ на землю прозрачными слезами янтаря. Сѣрый дятель, гдѣ-нибудь вверху стволовъ, долбитъ одинъ изъ нихъ и гулъ ударовъ его клюва звонко раздается въ кондовой древесинѣ. Пронесется вѣтеръ, зашумятъ вершины и цѣлый рой мелодiй охватываетъ душу. Прислонитесь къ великану-соснѣ и съ закрытыми глазами отдайтесь на волю грезамъ, мечтамъ безъ словъ, и тогда, природа мать, раскроетъ вамъ, какія глубины великихъ тайнъ, скрываются за видимымъ и слышимымъ, житейскимъ нашимъ міромъ.

Выйдите изъ царства сосенъ къ косогору—согрѣ и взгляните внизъ, гдѣ растутъ другіе великаны — ели. Видъ у нихъ иной, иная зелень цвѣта, иной характеръ сучьевъ и вѣтвей. Какъ широка ея окружность внизу, какъ стройна игла, уходящая стрѣлою кверху, какъ мягки очертанія и формы сучьевъ и вѣтвей! Вотъ прынула на ель гурьба таежныхъ бѣлокъ и пошли качаться вѣтки, плавными размахами. Одна, другая бѣлка мелькнетъ своимъ пу-

шистымъ хвостомъ между вѣтокъ и усядется настороживъ уши, въ позѣ выжиданія, на качающейся вѣткѣ...

А еще ниже косогора—согры, по близости урмана, виднѣется сибирскій кедръ. Иглы его хвои длинны и висятъ кистями, на концахъ вѣтвей, гдѣ зрѣютъ въ сѣрой шишкѣ, зерна желтаго орѣха. Красиво и величаво, каждое дерево стараго сѣвернаго кедра! Люблю я вѣковую сосну; люблю березу, липу, ель, даже осину, но больше всѣхъ люблю и восхищаюсь нашимъ сибирскимъ кедромъ, въ его природномъ состояніи; сколько въ немъ несравненной красоты и мощи.

Когда вы стоите среди такой тайги, гдѣ не былъ еще хищникъ человѣкъ, не рубилъ деревьевъ, не запускалъ *паловъ*, не жегъ кустовъ для сѣнокоса, тогда увидите вы ясно, почувствуете внутренними духовными очами, какъ живетъ природа, какой великой мощью, творя и разрушая, проявляются ея живыя силы. Земля усыпана хвоей и листвою; упавшія деревья гниютъ и разрушаются, но на ихъ остаткахъ, возникаетъ и растетъ „младая жизнь“, опять съ такой-же, новой силой порыва. Здѣсь громадная сосна, тамъ пихта, ель и кедръ, въ прогалинахъ брусника и багульникъ, въ урманѣ мелкіе кусты и клюква, а на опушкѣ, топкаго болота, волной колышется, высокая зеленая осока!..

Попробуйте рассказать, попробуйте изобразить этотъ дикій лѣсъ и дикую природу!

За недѣлю времени, всѣ участники табора, набрали ягодъ полныя телѣги. Помолившись Богу на востокъ, запрягли лошадей и медленно, одна телѣга за другой, по старымъ слѣдамъ нашего-же пути, потянулись домой.

IV.

Рекрутчина.

1849 и 50 годъ, я занимался въ деревнѣ тѣмъ-же, чѣмъ занимался и въ 48 году, т. е. былъ писаремъ у сельскихъ старшинъ и часто приглашался въ волостное правленіе, дѣлать за неграмотныхъ крестьянъ, подъ постановленными приговорами, рукоприкладство. Во время слѣдствій, по какому -нибудь уголовному случаю, наѣзжавшій засѣдатель Добровольскій, всегда меня приглашалъ, подписывать „руку“, при повальныхъ обыскахъ, или одиночныхъ показаніяхъ обывателей и подсудимыхъ. Я старательно выводилъ тогда стереотипную подпись: „вмѣсто крестьянина такого-то, неграмотнаго и по личной просьбѣ, крестьянскій сынъ такой-то, руку приложилъ“.

Одно время появился въ волостномъ правленіи, новый помощникъ писаря, какой-то ссыльно-поселенецъ, по фамиліи не то Волинскій, не то Зелинскій, показавшій мнѣ невиданное мною чудо, что можно цифры складывать безъ счетовъ. Это - де называется арифметикой. Долго я дивился, какъ онъ слагалъ, вычиталъ, множилъ и дѣлил цифры. Такой наукѣ и искусству, я страстно пожелалъ выучиться. Но гдѣ-же было взять денегъ, для платы учителю и времени, для занятія такими пустяками, какъ считалось это окружающими? Но желаніе знать было у меня способно перерости всякое препятствіе, и мы съ Зелинскимъ нашли изъ возникшаго затрудненія такой выходъ: онъ напишетъ мнѣ арифметику, а я заплачу ему за это 30 к. и буду самъ учиться, самоучкой. Такую сумму денегъ, я накоплю изъ тѣхъ, что мнѣ, порой, давали за написаніе билета на отлучку, или рукоприкладство. Въ планъ этой затѣи, была посвящена моя другая бабушка, Авдотья, согласившаяся быть моимъ временнымъ казначеемъ. Долгое время мнѣ пришлось носить на храненіе бабушкѣ мѣдные пятаки

и двухкопѣечники, а сумма 30 коп. сер. все еще не собралась. Какъ-то разъ, секретъ нашъ, случайно обнаружился. Однажды въ сумерки, въ присутствіи родныхъ, я сунулъ потихоньку въ руку бабушкѣ, мѣдную монету. Та приняла монету неловко, пятакъ упалъ къ ногамъ и звонко покатился по полу. Я ни живъ, ни мертвъ, стоялъ среди избы. Замыслы наши сразу обнаружались, и я долженъ былъ рассказать отцу и матери, съ начала до конца, всю мою затѣю. Меня довольно пожурили, главнымъ образомъ за скрытность, но на завтра-же добавили недостававшія копѣйки и приказали выкупить писанную арифметику. Такимъ образомъ вся непріятность, окончилась благополучно.

Какъ теперь, помню; былъ какой-то праздникъ среди Великаго поста. Скворцы ужъ прилетѣли, усердно вили гнѣзда во всѣхъ скворешникахъ нашего двора и, садясь на елки, звонко распѣвали свои пѣсни. Солнце грѣло по весеннему, и грязь двора и переулка значительно просохла. Меня принарядили въ новые сапоги, ситцевую рубашку, нанковый кафтанъ и вручили деньги, чтобы отнести Зелинскому и выкупить „писанную книжку“.

Съ какой неописуемой радостью я несъ домой это сокровище! Едва показавъ его роднымъ, я тотчасъ-же убѣждалъ на сѣноваль, гдѣ никто мнѣ не мѣшалъ заучивать по тетради правила сложенія чиселъ. Мнѣ казалось въ это время, что нѣтъ меня счастливѣе никого на всемъ бѣломъ свѣтѣ...

Поздней осенью, каждый годъ почти, объявлялся у насъ рекрутскій наборъ, или, выражаясь мѣстнымъ деревенскимъ языкомъ, „солдатчина“, вызывавшая всегда, въ любой очередной семьѣ, потрясающія сцены горя и страданія. Въ тѣ времена человѣкъ, принятый въ солдаты, считался для семьи навсегда потеряннымъ. Солдатская служба тянулась 25 лѣтъ, и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ возвращался солдатъ на родину, да и то старымъ инвалидомъ, претерпѣвъ въ строю всякія невзгоды, отчаянную муштровку и тѣлесныя наказанія. Немудрено поэтому, что одинъ слухъ о рекрутскомъ наборѣ производилъ на крестьянъ подавляющее впечатлѣніе. Тягость рекрутской повинности усиливалась еще больше въ тѣхъ случаяхъ, когда она обрушивалась на единственного сына у отца и матери. А это случалось, какъ говорится „сплошь и рядомъ“ въ силу прежняго закона, указывавшаго считать души „отъ ревизіи до ревизіи“ и не признавать

раздѣла семействъ во весь промежутокъ между двумя ревизіями, хотя-бы люди жили и много лѣтъ отдѣльными семьями.

Какъ только, бывало, разнесется вѣсть: „солдатчина“, такъ ѿ пойдутъ въ очередныхъ семьяхъ слезы и страданія. Обыкновенно назначалось съ тысячи ревизскихъ душъ отъ 5 до 15 человѣкъ для сдачи въ рекруты. Если требовалось 10 съ тысячи, то приходилось доставлять въ казенную палату, за 280 верстъ разстоянія, двойной комплектъ въ 20 человѣкъ на случай „бритаго затылка“. Сверхкомплектные назывались „подставными“, и бывали случаи, что не хватало годныхъ въ рекруты и двойного количества кандидатовъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ сдатчики рекрутовъ возвращались экстренно „заворотомъ“ изъ Тобольска въ дер. Кулакову и опять везли оттуда недостающее число людей, въ двойномъ количествѣ. Всѣ денежные расходы: суточное содержаніе, прогоны, а также первая обмундировка принятыхъ палатой рекрутъ, должны были производиться отъ деревни, именующься рекрутскимъ поборомъ, и всегда бывали болѣе или менѣе значительны.

Когда кончались въ волостномъ правленіи выборки изъ записей ревизскихъ сказокъ, „кого везти въ солдаты“ и устанавливался окончательный именной списокъ, тогда-же назначался и срочный день отъѣзда. Этотъ день отличался полными контрастами скорби и разгула. На улицахъ деревни въ одно и то-же время: шумъ, пѣсни и безшабашное веселье, а внутри семей очередныхъ кандидатовъ сплошное море слезъ, горе и отчаяніе родныхъ, неопишущая скорбь бѣдныхъ матерей. „Проводины“ всегда бывали вечеромъ, при фонаряхъ и факелахъ, всей толпой крестьянъ, разбившейся на группы, и представляли собою зрѣлище, изъ памяти неизгладимое.

Кандидатъ въ рекруты, переживалъ прежде всего у себя дома, въ своей избѣ или горницѣ, въ послѣдній часъ разлуки съ семьей страшное прощанье „на вѣки“. Въ переднемъ углу комнаты, передъ иконою, безутѣшно рыдая, прощались съ нимъ отецъ и мать, благословляя его „въ путь дороженьку, во дальнюю сторонушку“, и не надѣясь больше свидѣться на бѣломъ свѣтѣ. Затѣмъ „добра молодца“, выводили товарищи подъ руки, на дворъ и улицу, по которой двигалась вся толпа дальше, на сборный пунктъ горы, у Поскотинныхъ воротъ деревни. Кандидатъ шелъ, или вѣрнѣе сказать, его вели товарищи, одѣтаго въ праздничное платье, съ шалью на плечѣ, помахивающаго, порой, пучкомъ цвѣтныхъ платковъ надъ

головою. Иногда онъ останавливался, попрощаться „на вѣки вѣчные“ съ какимъ нибудь близкимъ человѣкомъ и потомъ снова продолжалъ свою дорогу. Мать его, убитая горемъ, если могла держаться на ногахъ, плелась, причитая, за сыномъ, а молодежь въ то-же время распѣвала одну за другою, разухабистыя пѣсни.

Все это, вмѣстѣ взятое, представляло собою глубоко драматическую картину деревенскаго быта, гдѣ люди надрываются надъ пѣсней, чтобы не плакать; даютъ провожаемому на прощанье деньги, а онъ повторяетъ только фразу: „не поминайте братцы лихомъ“!

Проводины продолжались за деревню, до сборнаго указаннаго мѣста, гдѣ сдатчики и волостное начальство, старались поскорѣе оторвать провожаемыхъ отъ толпы родныхъ, усадить ихъ въ приготовленныя сани, на „земскихъ лошадей“ и увести немедленно „въ путь дорогу, во казенную палату“, какъ причитали оставшіяся матери.

Переѣздъ на земскихъ лошадяхъ до Тобольска сдатчиковъ и кандидатовъ въ рекруты, продолжался дня 4—5, причемъ многое зависѣло отъ ловкости распорядителя, какимъ путемъ вести порядокъ на назначенныхъ ночлегахъ, съ вольной молодежью, позволяющей теперь себѣ, иной разъ, кое что лишнее. Умѣетъ сдатчикъ быть строгимъ, гдѣ нужна строгость и ласковымъ, гдѣ нужна ласка—обозъ людей проѣдетъ разстояніе значительно скорѣе. Не съумѣетъ, и пойдутъ въ дорогѣ шумъ и ссоры, и пріѣзжаютъ къ мѣсту назначенія съ опозданіемъ на 2—на 3 дня.

Въ Тобольскѣ, въ это время, всегда бывало множество сѣраго пріѣзжаго народа—сдатчиковъ, съ стриженными лбами новобранцевъ. съ стриженными затылками бракованныхъ и кандидатовъ въ рекруты. Все это двигалось по улицамъ города, пѣло и гуляло. Шумъ и гамъ въ это время былъ такой, что, какъ говорилось, „только пыль столбомъ стояла“.

Но вотъ казенная палата назначаетъ день пріема рекрутовъ отъ Троицкой волости, куда, какъ часть цѣлаго, входитъ и наша деревня Кулакова. Густой толпой стоятъ на дворѣ, на лѣстницѣ и въ передней палаты очередные кандидаты въ рекруты и ихъ сдатчики съ пакетами документовъ отъ волостныхъ правленій. Присутствіемъ палаты, вызывается громко, черезъ рядъ фельдфебелей, такая то волость, такого-то уѣзда и изъ нея такой-то кандидатъ. Его вводятъ въ залъ присутствія, раздѣваютъ до нага, осматриваютъ и рѣшаютъ, годенъ или нѣтъ, къ пріему. Въ томъ или

другомъ случаѣ, даютъ знать фельдфебелямъ, а тѣ громко повторяютъ въ дверяхъ, чрезъ которыя выходитъ бывший кандидатъ— „лобъ“ или „затылокъ“, а цирюльникъ дальше стрижетъ и брѣжетъ ту или иную часть волосъ на головѣ.

Недѣли двѣ послѣ „проводинъ“ томится, бывало, деревня въ ожиданіи вѣрнаго извѣстія, кто именно „ушелъ въ солдаты“ и вотъ тутъ-то наносились въ сердца матерей послѣднія „на вѣки вѣчные“ незаживающія раны.

Для сдачи въ рекруты, богатая семья деревни нанимала иногда за подроставшихъ сыновей „наемщика“. Условія найма охотника, всегда вращались въ рамкѣ 200—300 р. (ассигн.) единовременной платы; уплата податей до слѣдующей ревизіи; мѣсяцъ гулянки съ заѣздами въ кабакъ; нѣсколько вечеринокъ и неизбѣжный балалаечникъ. У насъ въ деревнѣ былъ захудалый мужиченко, нѣкто „Пошовни“, вѣчный пьяница, пѣсенникъ и балалаечникъ. На каждой вечеринкѣ, на любой попойкѣ, всегда былъ и Пошовни, альфа и омега всякаго веселья. Никто лучше его не пѣлъ пѣсень, никто лучше не игралъ на балалайкѣ, которая въ его рукахъ „струнами говорила“, Вотъ этотъ Пошовни, да другой пьяница „Порвало“ и нанимались для гулянки и ѣзды на лошади съ наемщикомъ. Самъ хозяинъ, въ этотъ мѣсяцъ, превращался въ кучера и терпѣливо выносилъ всякіе капризы гуляющаго тріо, возя его по деревнѣ, куда сѣдокамъ вздумается и присутствуя на погулянкахъ. Бывало ѣдетъ по деревнѣ подобная компанія. Пошовни начинаетъ наигрывать и пѣть какую-нибудь пѣсню, а Порвало подхватываетъ и поетъ ее дальше. Сани убраны ковромъ, на дугѣ у лошади развѣваются яркіе платки, на уздѣ звенятъ переливаясь „ширкунцы“, а самъ наемщикъ, опоясанный шалью, важно развалился въ задѣ саней, ухарски помахиваетъ въ воздухѣ связкой ситцевыхъ платковъ. У кабака остановка и внутри его начинается шумное веселье, съ выпивкою полугара. Пошовни играетъ плясовой мотивъ и самъ идетъ плясать въ присядку, за нимъ тянется Порвало и завсегдатаи кабака, пьяницы—пропойцы, продолжая выпивку и оргію, пока совсѣмъ не опьянѣютъ. Тогда хозяинъ собираетъ своихъ пассажировъ въ сани и везетъ къ кому нибудь изъ нихъ въ домъ, укладывая спать до другаго утра и подобнаго-же дня, съ погулянками.

Неграмотный, нигдѣ въ то время не находившій ни праваго суда, ни защиты, деревенскій міръ вырабатывалъ въ себѣ свои особыя воззрѣнія, на все его окружающее. Онъ не могъ себѣ представить даже, чтобы чиновникъ имъ управляющій, судья его судящій, не бралъ взятки и не могъ сдѣлать правымъ неправого и обратно. Если случалось, что кто нибудь не принималъ подарка, то подноситель объяснялъ себѣ дѣло тѣмъ, что „видно, мало“, но никакъ ни тѣмъ, что чиновникъ поступаетъ по сознанию лежащаго на немъ нравственнаго долга. Всѣ отношенія крестьянина къ міру чиновному „искони вѣковъ“ сопровождались „поборами“, а посему онъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что „законы святы“, да исполнители—„злые супостаты,“ и что „до Бога высоко, а до царя далеко“. Деревенскій міръ вообще, и каждый крестьянинъ порознь, сохраняли добрыя христіанскія отношенія только между собою, въ своемъ быту и обиходѣ. Эта нравственная, въ общемъ взятая, суровая простота, была чиста и выражалась заповѣдью физическаго неустаннаго труда, молитвой Богу и воздержностью отъ всякихъ излишествъ. Грамотности почти совсѣмъ не было, а отсюда возникало много суевѣрій, одно другаго нелѣпѣе. Вѣрили тому, что существуетъ „порча“, „дурной глазъ“ что можно „заслонить мѣсяцъ“, „напустить болѣсть“ и проч. Такъ во время холернаго года (1848), разыгрался на сельскомъ сходѣ, страшный случай самосуда и расправы съ портнымъ деревни, поселенцемъ Яковомъ. Въ Тюмени въ это время свирѣпствовала холера, распространяясь и по окружающимъ городъ деревнямъ. Въ нашей Кулаковой, въ селахъ Луговскомъ, Каменскомъ и другихъ, было также нѣсколько случаевъ смерти отъ холеры. Стояла страшная, лѣтняя жара, какую въ той мѣстности, рѣдко кто припоминалъ. Вода въ рѣкѣ Турѣ, приняла цвѣтъ небывалаго, краснаго оттѣнка. Ни пѣсенъ, ни смѣха совсѣмъ не стало слышно, даже цвѣтные наряды въ это время считались неприличными. Всѣ настроены были мрачно, въ ожиданіи дальнѣйшей грядущей бѣды, „Богомъ допущенной за наши грѣхи“, разсуждали міряне, или напущенной, какимъ-то злымъ человекомъ, быть можетъ „по вѣтру“, „по водѣ“, „вишь, какая она стала красная“. На сельскомъ сходѣ, кто-то разсказалъ, что вотъ-де надо-бы „доглядѣть“, что за шарики краснаго цвѣта, имѣются у портнаго Якова и почему онъ, точно „нехристъ“, въ этакое время распѣваетъ пѣсни? Всѣ вострепнулись, точно нечаянно открыли что-то важное, и стали вспоминать, какъ Яковъ удилъ рыбу и лёсу все забрасывалъ только „слѣва“; какъ

онъ въ кабаѣ пилъ вино и выплескивалъ остатки опять „налѣво“ и ходить каждый вечеръ, зачѣмъ-то, „въ Таптагай“. Раздраженіе противъ Якова поднималось сильное и выросло въ рѣшеніе вытребовать его на сходъ немедленно. Черезъ четверть часа, портной Яковъ, насильно приведенный, стоялъ уже передъ сходомъ и что то громко кричалъ и размахивалъ руками, но за гвалтомъ „міра“ разобрать было невозможно. Кто-то изъ толпы вытащилъ изъ кармана у него, красный шарикъ и положилъ его на бревно, лежавшее на улицѣ. Отъ зноя солнца, шарикъ началъ таять, испускать что то въ родѣ пара и издавать запахъ. Толпа пришла тогда въ неистовство, обвиняя Якова въ колдовствѣ, а нѣкоторые начали бить его, чѣмъ попало, не внимая увѣщаніямъ тѣхъ, кто еще оставался благоразумнымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Яковъ былъ истерзанъ до того, что лежалъ на землѣ, еле живой, въ разорванной одеждѣ, съ ранами на головѣ, обливаясь кровью и не могъ уже говорить. Тѣло его судорожно вздрагивало и трепетало.

Въ эту минуту, къ галдящей, озвѣрѣлой толпѣ, подошелъ, съдой, какъ лунь, старикъ, Карпъ Лазаревъ и когда увидѣлъ и узналъ причину самосуда, то снялъ шапку, бросилъ ее на земь и воскликнулъ:

— Что вы, безумные, дѣлаете? Гдѣ на васъ, крестъ-то Христовъ? Сейчасъ несите сюда воды!

Толпа притихла и изъ нее тотчасъ-же нѣкоторые пустились за водою.

— Ишь вѣдь, что натворили окаянные — продолжалъ дѣдъ, трогая Якова и разстегивая ему воротъ рубахи, гдѣ виднѣлся натѣльный мѣдный крестъ.

— Вотъ и укоръ злодѣйству вашему — добавилъ дѣдъ Карпъ, указывая на крестъ у Якова.

Толпа молчала, видимо пораженная словами дѣда. Многіе начали обливать Якову голову водою и давать ему пить. Несчастный началъ стонать и приподниматься съ земли. Его подъ руки увели на занимаемую имъ квартиру.

Другой случай изъ міра суевѣрій, сопровождался забавною развязкой. У нашего сосѣда по деревнѣ, Василья Пимнева, заболѣлъ сынишко опухолью ногъ, какъ разъ во время луннаго затмѣнія. Мать его почему-то стала утверждать, что испорчены и мѣсяцъ, и сынъ ея Федюша, никѣмъ инымъ, какъ сосѣдкою Щербихой. Посему безпремѣнно надо осмотрѣть при волости Щер-

биху—вѣдѣму, есть-ли у нея хвостъ, и если хвостъ окажется, то закопать ее въ землю на три дня по поясъ, а передъ нею вбить осиновый колъ. Иначе она „и мѣсяцъ, и людей въ конецъ испортитъ“. Въ продолженіе вечера „Васиха“ обѣгала всѣхъ сосѣдей околodka съ этой новостью, возбуждая всѣхъ на бѣдную Щербиху—вѣдѣму. Къ счастью, нашлись благоразумные сосѣди, которые сказали, что надо подождать до завтрашняго вечера и посмотреть что „станется“ съ мѣсяцемъ и Федей. Случилось такъ, что луна свѣтила безъ затмѣнія, а Федѣ стало лучше и Щербиху оставили въ покоѣ. Но все-таки, въ концѣ концовъ Васиха сказала:

— Помяните мое слово, что Щербиха только съ испугу зачурала мѣсяцъ и болѣсть Федюши. Еслибы не это, сидѣть-бы намъ безъ мѣсяца сегодня.

V.

Старое начальство.

Надъ деревенскимъ міромъ, кромѣ волостныхъ властей, стояли болѣе высокія степени администраціи и чиновниковъ. Однихъ изъ нихъ онъ зналъ по именамъ—это были тѣ, для которыхъ, чередуясь, шли деревенскіе „поборы“, Другіе представлялись ему гдѣ-то далеко, и лишь смутно понимались, какъ „большое начальство“. Въ глазахъ крестьянъ не было различія между судьей, администраторомъ, докторомъ—все это были чиновники, которыхъ всѣхъ было нужно кормить поборами. Ихъ различали лишь по степени вреда, какой могли они нанести обществу—деревнѣ вмѣстѣ взятой, или каждому обывателю порознь. Тотъ чиновникъ, который бралъ умѣренно „оклады“ и не дѣлалъ особенно злыхъ распоряженій, отзывавшихся тяжелымъ слѣдомъ на крестьянскомъ благосостояніи, слылъ даже добрымъ человѣкомъ. Къ первымъ, извѣстнымъ чиновникамъ причислялись: земскій засѣдатель, исправникъ, стряпчій и ветеринарный врачъ. Ко вторымъ все губернское начальство. Средину между тѣми и другими, занималъ окружной начальникъ. Поборы въ пользу первыхъ были прежде всего, косвенные, въ видѣ ежегоднаго оклада отъ волостнаго писаря: засѣдателю 100 р. исправнику 200, стряпчему 50, ветеринару 25, а потомъ прямые отъ лица всей волости, раскладываемые сходомъ всякой деревни на такъ называемую „годную душу“ *) по столько то гривенъ и копѣекъ и собирались подъ именемъ „спеціального“ такого-то побора, деревенскими десятниками безъ всякой записи въ какую-либо книгу волостнаго правленія или сельскаго старшины, какъ суммы неофициальныя. Эти прямые оклады первымъ тремъ категоріямъ чиновниковъ, были въ тѣхъ-же цифрахъ писарскихъ

*) «Годная душа»—работникъ въ возрастѣ 21—60 л. возраста.

окладовъ, какъ разсказано выше, но увеличивались до 100 р. ветеринару, въ виду того, чтобы не было имъ открыто какой-нибудь эпидеміи на скотѣ, что всегда вело за собою значительный расходъ, въ видѣ учрежденія „скотскаго загона“ и убоя больныхъ животныхъ, зачастую совсѣмъ и неповинныхъ въ заразной болѣзни. Отъ первыхъ зависѣло усилить взысканіе податей и повинностей или дать такой участокъ исправленія почтового грунтоваго пути натурой, куда надо ѣздить почти за 40 верстъ разстоянія, въ самую горячую пору страды и сѣнокоса, когда дорогъ каждый часъ для работы у себя на полѣ. Платимые заблаговременно оклады избавляли крестьянъ отъ подобныхъ внезапныхъ, принудительныхъ работъ. А что такое гнѣвъ начальника, не получившаго оклада и какъ онъ могъ проявляться на жизни подчиненныхъ, можетъ дать примѣръ одинъ изъ случаевъ, который я разскажу и по которому легко понять, что за произволъ царилъ въ то время въ отношеніяхъ управляющихъ къ управляемымъ.

Какъ-то старому исправнику годовой окладъ уплаченъ былъ за годъ впередъ сполна, какъ вдругъ назначается исправникъ новый. Общества деревень, составляющихъ административную единицу—волость, порѣшили, что платить до слѣдующаго года ничего не должно. Горько и чувствительно были они наказаны за подобное рѣшеніе. Какъ-то въ іюлѣ мѣсяцѣ, купаясь въ старицѣ *) Туры утонулъ крестьянскій мальчикъ „Синичка“. Какъ водится, возникла суматоха по всей деревнѣ и горькій плачь родителей и родственниковъ утонувшаго. Съ большимъ трудомъ, рыбацкимъ неводомъ, едва нашли и вытащили на сушу посинѣлый трупъ погибшаго и сколько ни качали его въ пологѣ, сколько ни катали его на боченкѣ, возвратитъ къ жизни не могли и пришлось положить тѣло въ ледникъ, а начальству донести „о смертельномъ происшествіи“.

Обычаемъ или закономъ, не знаю, но было установлено сторожить мертвое тѣло въ ледникѣ и, день и ночь, двумъ человѣкамъ. Проходятъ 3—4 дня времени, а начальство не является. Тогда ѣдетъ депутація отъ деревни къ исправнику, просить его ускорить слѣдствіе. Она не была даже принята, а черезъ лакея было передано, что, когда надо, исправникъ пріѣдетъ въ Кулаково, и что тамошніе крестьяне непокорны начальству. Тутъ только просители поняли, что міръ сдѣлалъ великую ошибку, не уплативъ вторично

*) „Старица“—бывшее ложе рѣки, теперь оставленное, но заливаемое каждый годъ полою водою по веснѣ.

оклада, но было уже поздно. Цѣлую недѣлю лежалъ утопленникъ на ледникѣ и когда наѣхало начальство—исправникъ, засѣдатель, стряпчій, врачъ—то оказалось, что трупъ значительно разложился и крысы съѣли нѣкоторыя части тѣла. Явилась новая бѣда—порча трупа, и новое преступленіе—недосмотръ сторожей. Результатъ—раскладка по душамъ новаго „побора“, а потомъ похороны утопленника и резолюція на дѣлѣ: смерть произошла отъ причинъ неотвратимыхъ“.

Дорожная повинность натурою, гдѣ каждое крестьянское семейство, смотря по счету „годныхъ душъ“, обязано было исправлять опредѣленное количество погонныхъ саженой пути, главнаго Сибирскаго тракта, ложилась на крестьянъ большою тяжестью и зависѣла вполне отъ исправника—гдѣ именно назначить исправляемый участокъ, какъ его исправить качественно и когда производить работу. Непонятнымъ образомъ, выходило часто какъ-то такъ, что участокъ Троицкой волости отводился въ предѣлахъ волости Багадинской, верстъ на 20 дальше г. Тюмени, а отъ деревни Кулаковой верстъ за 38. Участокъ-же уѣзднаго почтоваго тракта около самой деревни Кулаковой отдавался крестьянамъ смежной волости—Каменской. И вотъ оказывалось, что жители Каменской волости исправляли трактъ за 12 верстъ отъ своей осѣдлости, а Кулаковцы за 38 верстъ, но и тѣ, и другіе въ страдное рабочее время. Въ рѣдкіе, исключительные годы, дозволялось, правда, нанимать подрядчиковъ, и тогда повинность эта переходила изъ натуральной въ денежную, но такой порядокъ, каждый разъ требовалъ большихъ денежныхъ „подношеній“ какъ со стороны подрядчика, такъ и со стороны нанимателей.

Дорожные „поборы“, какъ и всякіе иные, раскладывались по „годнымъ душамъ“ деревенскимъ сходомъ и собирались десятниками для сдачи сборщику; десятники и ходили отъ дома къ дому, стуча палками подъ окнами и выкрикивая:

— Эй, хозяинъ! неси „поборъ“ такой-то!

Война въ прижимку, а, можетъ быть, и дѣйствительное желаніе устроить прочно трактовые пути шоссейнымъ способомъ, заставляли уѣздную власть, отыскивать матеріалъ, удобный для шоссе—щебенку, которой вблизи нигдѣ не находилось. Какъ разъ въ трехъ верстахъ отъ д. Кулаковой, на всемъ пологомъ холму, въ 300 десятинъ, подъ именемъ „Борка“, на глубинѣ аршина-двухъ, залегалъ большой, крупный хрящъ, называвшійся „галькой“, который иногда появлялся на дворѣ и передъ окнами

на улицу у какого нибудь домовитаго кулаковскаго крестьянина. Это давало поводъ начальству искать мѣсторожденіе гальки — и такой-же поводъ, для всей деревни скрывать ее. Всѣмъ обывателямъ деревни ясно было, что для нихъ наступить страшная принудительная работа, — возить гальку на дороги, а посему и надо было всячески скрыть ее отъ властей. Для этого копались даже на Борку ямы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было гальки, или гдѣ она находилась слоемъ не болѣе вершка толщиною, заполнялись вновь землею, чтобы въ присутствіи начальства, въ этомъ мѣстѣ пробовать колодцы и доказывать, что гальки мало, или нѣтъ вовсе. Война въ находку, война въ сокрытіе, велась все время между начальствомъ и крестьянами. Начальство чуяло, что есть гдѣ-то мощнымъ слоемъ залегающая галька, но каждый разъ или не находило ее вовсе, или находило въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что доставать ее не стоило труда и времени. Между крестьянами не нашлось предателя, и даже мірофды не рискнули рассказать начальству, въ чемъ суть дѣла — такимъ это казалось всѣмъ ужаснымъ преступленіемъ противъ себя, сосѣда, cadaго жителя Кулаковой и сосѣднихъ деревень, ибо представлялась впереди неминуемая тягчайшая повинность натурой, которая могла принести всѣмъ безъ исключенія полнѣйшее разореніе.

Отношенія чиновнаго начальствующаго лица къ деревенскому міру въ то время отнюдь не были человѣчными, а покоились всегда на страхѣ, тѣлесномъ наказаніи и преслѣдованіи. Каждый изъ чиновниковъ наѣзжалъ въ деревню съ большой помпой важнаго лица, на тройкѣ лошадей, съ колокольчиками подъ дугою и казакомъ на козлахъ. Останавливался онъ всегда на земской квартирѣ, куда и долженъ былъ являться міръ, стоя безъ шапокъ на дворѣ и выслушивать большей частью одни приказы и порицанія, съ напominаніемъ „непокорнымъ“ о той странѣ, „куда Маркаръ телятъ не гонялъ“. Рѣдко и лишь зимою, собирався сходить въ зданіи волостнаго правленія, гдѣ бывали, между прочимъ, сцены экзекуціи неисправныхъ плательшиковъ податей, а иногда и просто ручныя расправы самаго администратора, или по его приказу волостнаго головы и казака. Доходила распущенность до того, что одинъ исправникъ заставилъ общество Троицкой волости нанять въ волостные писаря брата своей любовницы, проживавшаго при ней, человѣка полуграмотнаго и сильно выпивавшаго. Всѣ письменныя дѣла волости, были переданы его помощнику, а самъ писарь подписывалъ только готовые бумаги. Исправникъ часто наѣзжалъ

поэтому въ деревню Кулакову и проживалъ въ ней по нѣсколько дней, подъ видомъ дѣлъ въ уѣздѣ. Такой изъ ряда вонъ примѣръ, возмущалъ и оскорблялъ нравственную сторону всего міра деревни, но съ прямымъ начальникомъ ничего подѣлать было нельзя, зная напередъ, что каждый, даже самый маленькій намекъ протеста можетъ кончиться для смѣльчака одной бѣдой и карой. Исправникъ каждаго, шутя, могъ согнуть въ бараній рогъ. Больше года продолжалось такое положеніе, пока исправникъ самъ не женился въ городѣ и не убралъ изъ Кулаковой своей метрессы и ея пьянаго брата, волостнаго писаря.

Ближайшимъ къ сельскому населенію начальствомъ были волостные—голова и писарь. Первый выбирался сходомъ волости изъ кандидатовъ, угодныхъ по меньшей мѣрѣ засѣдателю, а второй прямо нанимался по указанію исправника. Эти два должностныхъ лица становились усердными слугами только своихъ начальниковъ, но отнюдь не защитниками интересовъ избирающаго ихъ міра, а порою даже прямо враждебными къ нему. Посему все лучшее и нравственное въ деревняхъ, всѣми мѣрами старалось уклониться отъ выбора на должность волостнаго головы, куда и попадали лица или съ прирожденной склонностью, быть только на виду у всѣхъ, помыкая всѣми, или прямо съ затаенными корыстными разсчетами. Избирали ихъ мірофды общества и масса забитыхъ и раболѣпныхъ людей. Волостной писарь былъ истинный вершитель мѣстныхъ дѣлъ и посредникъ въ отношеніяхъ между волостью и начальствомъ, а голова, юридическій хозяинъ волости и нерѣдко даже судья, съ безапелляціоннымъ приговоромъ, превращался фактически въ полнаго манекена, руководимаго писаремъ; онъ прикладывалъ къ дѣламъ и приговорамъ свою печать и произносилъ словесныя рѣшенія руководясь тѣмъ, что написалъ или сказалъ писарь. Такимъ образомъ крестьянинъ у себя дома, въ своей волости, не могъ искать защиты правому дѣлу, а долженъ былъ и здѣсь давать взятку и такъ, сказать, покупать благопріятное рѣшеніе. Самостоятельные и честные люди попадали въ волостные головы рѣдко и случайно. Обыкновенно, защищая міръ и слабыхъ его членовъ, они попадали сами подъ административныя взысканія и несли большой ущербъ въ своемъ хозяйствѣ.

Грамотныхъ крестьянъ было у насъ очень мало, да и грамота была одна церковная, для чтенія книгъ славянской пачати и духовнаго содержанія. Грамотные люди выходили только изъ трехъ старообрядческихъ кружковъ Кулаковой: — главы филипповскаго

толка—Скрыпы; наставника стариковщины — Якуни и начетчицы, старой дѣвы—Аннушки, имѣвшей также свою особую „моленну“ (молельню). Вліянія духовенства мѣстной церкви, отстоявшей въ 4 верстахъ отъ дер. Кулаковой, не было замѣтно ни въ смыслѣ религіознаго воздѣйствія, ни въ смыслѣ просвѣщенія. Церковь въ ея мѣстномъ приходѣ, была тоже своего рода официальнымъ вѣдомствомъ, куда приходилось обращаться при такихъ событіяхъ, какъ, напримѣръ: крещеніе новорожденныхъ, вѣнчаніе и проч., да при срокѣ выбора отъ прихода церковнаго старосты и двухъ сторожей.

Мѣстный священникъ, служившій у насъ не одинъ десятокъ лѣтъ, относился къ своей обязанности далеко не такъ, какъ подобало духовному пастырю и едва-ли еще не назойливѣе, чѣмъ чиновники, эксплуатировалъ крестьянъ, требуя настойчиво и рѣзко плату за всякую потребу и службу. Всѣ старообрядцы, значившіеся православными по метрическимъ книгамъ, составляли для него доходную статью и платили за пастырскіе номинальные труды повышенное вознагражденіе и двойную ругу, когда онъ собиралъ ее въ деревнѣ. Въ деревнѣ Кулаковой была православная часовня, въ которой нѣсколько разъ въ году, священникомъ совершались молебны, какъ-то: на третій день Пасхи, на второй день Рождества Христова и въ нѣкоторые другіе праздники. На Пасхѣ и въ день Богоявленія совершалось хожденіе по домамъ деревни съ Крестомъ и святой водою...

Но я кладу перо. У меня, какъ у православнаго, не поднимается рука, даже спустя полъ-вѣка времени, чтобы написать *по правдѣ* о томъ, каковы бывали сцены въ эти дни..

Да и безъ этихъ подробностей, которыя слишкомъ болѣзненны и горьки, я думаю, понятно, каковы были отношенія мѣстнаго населенія къ приходскому священнику.

Объ интеллигенціи, радѣющей о благѣ обывателей деревни, какая проявляется теперь въ нашихъ захолустьяхъ, во времена мною описываемая, не было и помину. Не только въ какой нибудь деревнѣ, ее не было и въ городѣ. Чиновники, если и были частью воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, нисколько не были интеллигентными въ нашемъ смыслѣ слова, т. е. радѣтелями о благѣ общества. Все ихъ время, кромѣ опредѣленныхъ часовъ службы, уходило на картежную игру, взаимные обѣды и вечеринки, гдѣ главную суть также составляли карты и вино; общественное благо, благо деревенскаго населенія едва-ли кому

приходило и въ голову. Начальство считало своихъ подчиненныхъ за овецъ, которыхъ можно только стричь, а кормъ пусть ужь они сами находятъ, гдѣ хотятъ.

Жители деревни Кулакова, искони были земледѣльцами и ремесленниками. Земледѣліе давало имъ — рожь, ячмень, овесъ, пшеницу, гречу, горохъ, рѣпу, ленъ; огородъ — капусту, картофель, огурцы, морковь; конопляники — коноплю, пеньку и посконъ. Все это обрабатывалось примитивно, но все шло на домашній обиходъ и только лишнее, сверхъ потребности семьи, вывозилось въ городъ для продажи. Луговъ для сѣнокоса и пашенныхъ угодій было вдоволь, а потому скотоводство успѣшно развивалось и давало широкое подспорье всякому хѣзяйству, въ виду продажи лишней скотины осенью. Я помню даже, что на выгонѣ были устроены для всего скота деревни, обширные навѣсы, покрытые дерномъ, подъ названіемъ „холодовниковъ“, куда въ каждый жаркій день и прятался скотъ отъ овода и зноя. Сермяги, зипуны, дубленки, посконныя рубахи — всѣ были, своего домашняго издѣлія, и даже женщины носили сарафаны изъ холста льнянаго и посконнаго, окрашеннаго „кубомъ“ *) подъ именемъ „дубасовъ“ и „верхниковъ“. Про женщину, у которой бывали у рубахи ситцевые рукава, обыкновенно иронически замѣчали: „ахъ дѣвоньки, какая щеголюха; у ней, поди-ко ты, ситцевые рукава!“

Ремесло мужчинъ было — сани и телѣги; женщинъ — ковры и полазы. Это давало деньги, достаточныя для уплаты податей, повинностей и даже для всѣхъ другихъ общественныхъ поборовъ, о которыхъ говорилось выше.

Соломенныхъ крышъ на домахъ и службахъ не было нигдѣ. Всѣ избы были крыты тесомъ и очень рѣдко драницами. Солома на крышахъ водилась только на навѣсахъ, зимою, для скота; къ лѣту она всегда убиралась.

Вообще надобно признать, что экономическое положеніе народа въ деревнѣ Кулаковой въ то время было въ хорошемъ, сравнительно, состояніи и стало падать лишь въ слѣдующія десятилѣтія, когда въ деревнѣ, послѣ откуповъ, развернулся кабакъ съ свободною продажей вина и особенно, когда тамъ укрѣпились на значительное время, цѣлыхъ три питейныхъ заведенія. Не стало у крестьянъ запаснаго зерна, уменьшилось скотоводство, исчезли „холодильники“, самодѣльные холсты, сермяги и сукно. На плечахъ у всѣхъ стали

*) Синяя краска — индиго.

появляться фабричные товары—ситцы, кумачи и шерстяные материи. Деревня стала значительно беднее прежнего и, если она теперь еще не так обдѣлала, какъ нѣкоторыя села и деревни, ее окружающія, то только благодаря ремесламъ, которыя при поднявшейся волнѣ переселенческаго движенія въ Сибирь, давали много лѣтъ подъ рядъ, хорошіе заработки отъ продажи деревенскихъ издѣлій.

Сто лѣтъ назадъ, какъ рассказывалъ мой дѣдъ (около 1795 г.) все населеніе Тюмени и Тюменскаго уѣзда, а частію и всей губерніи постигло страшнѣйшее бѣдствіе—неурожай хлѣба, равнаго которому съ тѣхъ поръ не повторялось. Стояла лѣтомъ такая сильная засуха, что земля потрескалась, а трава и хлѣбъ въ полѣ совсѣмъ засохли и погибли. Хлѣбъ ржаной поднялся до неслыханной цѣны двухъ рублей за пудъ, когда средняя цѣна передъ тѣмъ много лѣтъ существовала только „два алтына“. Прадѣдъ мой Никита, былъ весьма зажиточный крестьянинъ и, умирая, оставилъ дѣду моему, 12-ти лѣтнему мальчику, въ наслѣдство, между прочимъ, рѣшето серебряныхъ рублей. Въ голодный годъ, въ большой семьѣ, состоявшей изъ матери его, малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, все оставленное серебро и ушло на покупку дорогаго хлѣба. Съ тѣхъ поръ въ слѣдующее полустолѣтіе деревня Кулакова мало по малу ожила и поправилась такъ, что къ моему отрочеству считалась чуть-ли даже не богатою.

Кредита въ деревенской жизни, въ смыслѣ нынѣшняго вексельнаго, совсѣмъ не было. О процентахъ никто и никогда даже не слыхалъ. Всякую сбереженную копѣйку прятали дома въ какой-нибудь сундукъ въ узелкѣ изъ тряпокъ, закатывали въ холстины или, наконецъ, складывали въ горшокъ, закапываемый гдѣ нибудь въ землю, въ углу „подполья“. Если и давали деньги кому-нибудь „въ займы“, то отмѣчали это зарубкой на биркѣ и это считалось вѣрнымъ обезпеченіемъ. Братъ бабушки моей, дѣдъ Василій, часто намъ рассказывалъ, какъ должникъ его въ ноги ему кланялся и умолялъ „не скалывать зарубки“, пока онъ не уплатитъ долга.

Наивныя времена, какъ давно вы миновали! Начиная съ 50-хъ годовъ эти порядки стали быстро измѣняться; исчезли патріархальныя приемы и отношенія. Уже тогда нарастало поколѣніе, въ которомъ появились люди, хотя еще не взымавшіе процентовъ, но уже выговаривавшіе отдавать имъ на срокъ за $\frac{3}{4}$ цѣны ремесленные издѣлія, или убирать хлѣбъ съ десятины, вмѣсто полного

рубля, за восемь гривенъ. Векселей и росписокъ, правда, не существовало и тогда; все велось на совѣсть, или въ крайнемъ случаѣ требовалось увѣреніе, что „вотъ вамъ Богъ порука“ или „святой угодникъ Никола“. И я не помню за все мое дѣтство случая, чтобы у кого-нибудь возникали споры между должникомъ и кредиторомъ. Всякіе расчеты оканчивались на оговоренныхъ условіяхъ, всегда добросовѣстно и вѣрно.

Внѣшнія политическія событія глухо доносились въ деревню Кулакову и рисовались тамъ чисто легендарнымъ образомъ. Такъ Венгерская кампанія 1849 года, всплываетъ въ моей памяти въ рассказѣ инвалида, у котораго одна нога была отрѣзана и замѣнялась деревяшкой съ окованной желѣзомъ оконечностью. Въ праздничный день, помню, инвалидъ сидѣлъ на завалинкѣ избы и рассказывалъ собравшимся кругомъ его слушателямъ такую исторію:

— „Эхъ-ма! Изъ за чего война то другой разъ бываетъ. Вотъ, недавно взбунтовались Венгерцы противъ ихняго царя. Царь-то ихъ Нѣмецкій видитъ, дѣло плохо, возьми да и пошли нашему царю грамотку: такъ молъ и такъ, помоги мнѣ, любезный братъ. Нашъ-то царь подумалъ, погадалъ, съ сенаторами совѣту подержалъ, какъ-молъ быть? Сегодня бунтуютъ здѣсь, а завтра, чего добраго, забунтуютъ въ другомъ мѣстѣ и пошло писать. Вотъ онъ и надумалъ: дай-ка проучу Венгерцевъ, да и послалъ на помощь нѣмецкому царю наше войско. Какъ только русскіе солдатики туда пришли, такъ куда тебѣ Венгерцы! Разнесли мы ихъ въ пухъ. Начальникъ-то ихъ набольшій давай Богъ только ноги: удралъ въ другую землю. И ужъ какое-же, нѣмецкій царь спасибо-то давалъ нашему-то, бѣлому царю. Вотъ говоритъ, если-бы не ты, совѣмъ капутъ мнѣ приходилъ. А нашъ-то царь и отвѣчаетъ: ну ладно, ладно, сочтемся послѣ, а теперь не поминай насъ лихомъ, да живите смирно“.

Болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о внѣшнихъ политическихъ событіяхъ въ деревенскую глушь тогда не проникало. Газетъ не было и въ поминѣ, и никто ничего не зналъ, не только о томъ, что дѣлается въ столицѣ государства, но даже и въ ближайшемъ губернскомъ городѣ.

*
* *
*

Обыденныя рабочія занятія шли у насъ своимъ порядкомъ и чередою. Наша семья видимо стала поправляться. Мои писарскіе заработки, личная помощь въ ремеслѣ моему отцу, мало по малу

возвышали наше деревенское благосостояніе. Чѣмъ больше я под-
росталъ, тѣмъ больше успѣвалъ по хозяйству и ремеслу. На че-
тырнадцатомъ году, я уже могъ сооружать простыя хрясла, отъ
начала и до конца. Артистъ-ремесленникъ, мой дядя Никифоръ, и
тотъ даже, глядя на мою работу, подъ-часъ меня хвалилъ и го-
ворилъ: „ну братъ Николаха, мастеръ-же ты будешь, когда вы-
ростешь“. Черезъ годъ я уже ѣздилъ одинъ изъ деревни въ го-
родъ продавать на рынкѣ, сдѣланные совместно съ отцомъ, сани
или хрясла. Изъ этого періода моей жизни, мнѣ припоминается
случай, когда въ городѣ я взялъ подрядъ—сработать особеннаго
типа хрясла, за цѣну „золотаго“ (полуимперіала) къ назначен-
ному сроку, ровно чрезъ недѣлю. Я сдѣлалъ эти хрясла, безъ
помощи отца и самъ отвезъ и сдалъ закащику. Когда-же въ пер-
вый разъ, у меня въ рукахъ появился полуимперіаль, заработан-
ный мною лично, я почувствовалъ въ себѣ гордое сознаніе своей
самостоятельности. Дорогою, изъ города въ деревню, я то и дѣло
нащупывалъ въ карманѣ „золотой“, боясь его утратить, а можетъ
быть, желая лишній разъ убѣдить себя посредствомъ осязанія въ
новомъ пріятномъ ощущеніи.

Я выучился также „точить точки“. Искусство это состояло въ
томъ, что на особенномъ самодѣльномъ токарномъ станкѣ, встав-
лялась сухая строганая, заостренная съ обоихъ концовъ палка.
Она обертывалась ремошкомъ гудка и вертѣлась лѣвою рукою въ
ту и другую сторону по возможности быстро. Въ правой рукѣ,
былъ специальный, на длинной рукояткѣ, маленькій ножъ, направ-
ляемый на вертящуюся палку. „Точки“ походили на мелкія ба-
лясины разной формы и размѣра, служа украшеніемъ задней части
саней. Я готовилъ ихъ для своего ремесла, а также продавалъ
другимъ по копѣйкѣ за штуку, зарабатывая на этомъ иногда, въ
продолженіе вечера около 30 копѣекъ (ассигнаціями).

Пашня и покосъ у насъ увеличились и мы уже нанимали лѣ-
томъ работника и „пострадульку“. На покосѣ я косилъ траву,
убиралъ сѣно; на пашнѣ—жалъ хлѣбъ, вязалъ его въ снопы и
наравнѣ съ другими подавалъ на „клади“.

Несмотря на такое повышеніе нашего крестьянскаго благосо-
стоянія, внутренній червь грядущей семейной бѣды точилъ насъ
каждую минуту. Дѣло въ томъ, что два родные брата моего отца—
Корнилъ и Никифоръ, жившіе отдѣльными дворами, въ ревизскихъ
сказкахъ, числились въ одной семьѣ подъ однимъ номеромъ съ
нами. У дяди моего Корнила, было два сына, оба съ физическими

недостатками, а у другого дяди Никифора былъ одинъ сынъ, но малолѣтній. Къ моему совершеннолѣтію, въ ревизской семьѣ, состояло-бы шесть полныхъ работниковъ, съ которыхъ требовался срочно въ сдачу рекрутъ. И я, единственный сынъ у родителей, долженъ былъ идти въ солдаты за моихъ дядьевъ и ихъ сыновей. Чтобы избавиться отъ этого, представлялся единственный исходъ—найти наемщика, или купить рекрутскую квитанцію, а это требовало денегъ, по меньшей мѣрѣ 100 р. (ассигнаціями). Ни заработать, ни найти у кого-нибудь такой суммы денегъ, не было возможности, поэтому придумали, отдать меня, 15-ти-лѣтняго подростка, служить къ богатому нашему родственнику, И. А. Рѣшетникову, чтобы къ совершеннолѣтію моему я могъ рассчитывать занять у него денегъ для покупки рекрутской квитанціи.

Весной 1852 г. такой исходъ, въ семьѣ нашей, былъ принять окончательно, а 12 іюля, я выѣхалъ изъ дому въ г. Тюмень, на новый путь жизни, въ новую среду, оставивъ позади себя деревню и всѣ ея воспоминанія.

Такъ кончились мои отроческіе годы и начиналась жизнь юноши, о которой и поведу разсказъ въ слѣдующихъ главахъ.

VI.

Въ прикащикахъ на заводѣ.

Въ началѣ іюля 1852 года въ семьѣ у насъ состоялся опять семейный совѣтъ для рѣшенія назрѣвшаго вопроса: какой избрать для меня жизненный путь, чтобы избѣгнуть роковой судьбы идти въ солдаты за моихъ дядьевъ и сыновей ихъ, составлявшихъ съ нами одну семейную единицу по прежнимъ правиламъ ревизскихъ сказокъ? На совѣтъ были приглашены: дяди Семень и Николай (братья матери), тетка Анисья и одна изъ моихъ бабушекъ Авдотья.

— Вотъ что,—сказалъ собравшимся роднымъ мой отецъ:—Микола подростъ, ему 15 ужъ годовъ. Того и гляди, вырастетъ въ „годные“, а тамъ и ступай въ солдаты за племянниковъ и братьевъ моихъ. Всѣ вы это знаете; вѣдь, семья, по сказкамъ, семь ревизскихъ душъ. Что теперь намъ дѣлать съ матерью, чтобы не постигла насъ такая бѣда—ума не приложимъ? Посовѣтуйте, родимые.

Вопросъ для всѣхъ былъ очень ясенъ; всѣ они давнымъ давно знали его во всѣхъ подробностяхъ, а потому самъ вопросъ не требовалъ ни фактовъ, ни поясненій. Каждый изъ собравшихся имѣлъ высказать только свое мнѣніе.

— Я-бы пошла къ дядьямъ—заявила бабушка,—да и сказала имъ: такъ, молъ, и такъ, давайте наймете съобща „наемщика“.

— Ахъ, бабушка—возразила мать, да что въ этомъ толку-то будетъ? Вотъ недавно еще деверь мой Никифоръ нашему Миколѣ со смѣхомъ въ глаза сказалъ: „какой-же ты будешь за насъ славный „некрутъ“ (рекрутъ). Послѣ этого жди отъ нихъ, дадутъ они тебѣ денегъ на наемщика, какъ-бы не такъ!

— А что ежели-бы—вставилъ дядя Никола—взять мірской приговоръ, что семья твоя, зять, живетъ отдѣльно 18 лѣтъ, да и послать съ прошеніемъ въ казенную палату?

— Ничего, дядя, не выйдетъ изъ этого—возразилъ отецъ.— Напишутъ, что нельзя, и только. А приговоръ-то самъ во что обойдется? Надо вѣдь покупать вина, орѣховъ обществу, дарить особо міроѣдовъ, расходовъ страсть сколько будетъ, а толку все равно не выйдетъ никакого.

— Эхъ вы—громко заявила тетка Анисья—такъ нельзя, и эдакъ нельзя. Да я пошла-бы, да каждому въ глаза и сказала: что вы, нехристи что-ли, брать въ солдаты одного сына! Право, такъ-бы вотъ и начальнику сказала даже: есть на тебѣ крестъ Христовъ? Ну и дѣлай бумагу по-христіански.

— Ахъ, сестра, сестра—вмѣшался дядя Семенъ.—Ну и что же выйдетъ? Велятъ тебѣ уходить вонъ, да и только. А дѣло-то ни на волосъ не подвинется впередъ. Все это никуда не годится. Лучше давайте-ка, поговоримъ о томъ, что уже надумано; это будетъ прямѣе и вѣрнѣе. Разъ положенъ съ семьи некрутъ, тутъ и толковать нечего, подавай его, своего или наемника, а подавай. Какъ ни кинь, остается одно: нанимать наемщика. Разсчитывать на помощь отъ сватовъ Корнила и Никифора нечего: они ни гроша не дадутъ на это. Имъ просто нѣтъ разсчета. Стало быть, черезъ пять годовъ надо самимъ найти денегъ на наемщика. По-моему и остается одна дорога—отдавать теперь-же Миколу къ Афанасьевымъ въ услуженіе, а тамъ они дадутъ и денегъ.

— Господи—воскликнула мать, заливаясь слезами,—отдать служить въ чужіе люди ребенка! Съ кѣмъ онъ будетъ тамъ жить, чему его научать? Чего добраго, еще мало будетъ Богу молиться, соблазнять его табакъ курить, вино пить. О, я несчастная...

— Эхъ, какая ты, сестра—заговорилъ дядя Семенъ—ну, а въ солдатахъ-то вѣдь и того хуже? Эдѣсь хоть въ двѣ недѣли разъ ты можешь повидаться съ сыномъ, а тамъ угонять его Богъ знаетъ куда, а будетъ война и убить могутъ.

На этомъ совѣтѣ, послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, вопросъ о моей дальнѣйшей карьерѣ былъ рѣшенъ окончательно въ томъ смыслѣ, что надо отдать меня богатымъ купцамъ въ городъ, нашимъ дальнимъ родственникамъ, въ прикащики, чтобы потомъ къ совершеннолѣтію моему они дали заимообразно денегъ на наемщика.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого семейнаго совѣта мать, моя, тетка Анисья и я, поѣхали въ городъ къ Афанасьевымъ, просить ихъ милости принять меня къ себѣ „въ услуженіе“.

Я не буду описывать сцены, гдѣ, съ одной стороны, было со-

знаніе силы капитала, а съ другой—полная безпомощность и зависимость. Да это понятно и безъ описаній. Для меня, какъ новичка, казалось только многое удивительнымъ и унижающимъ, но думалось, что такъ угодно Богу и надо принимать и переносить всякое ярмо безропотно.

Будущіе мои хозяева подвергли меня испытанію въ чтеніи и письмѣ и нашли, что я читаю и считаю хорошо, а пишу „пре-скверно“, какими-то, по ихъ словамъ, каракулями. Порѣшили на томъ, что я поступлю пока въ подручные къ прикащику, на жалованье 50 р. въ годъ, на всемъ хозяйскомъ содержаніи, причемъ прибавили, что если я буду служить усердно и хорошо, то жалованья мнѣ потомъ прибавятъ и даже дадутъ денегъ на наемщика.

Съ этимъ результатомъ мы отправились домой, въ деревню Кулакову. Мать моя, предвидя предстоящую разлуку со мною, всю дорогу плакала, а тетка Анисья читала мнѣ наставленія, какъ надо себя держать въ богатомъ домѣ, чтобы „не ударить лицомъ въ грязь“. — „Ты, Микола — добавляла она — покажи-ка имъ, нашей богатой роднѣ, что и мы „не лыкомъ шиты“. Отецъ ихъ, покойный Аеанасій Егоровичъ, дай ему Богъ царство небесное, бывало заѣдетъ къ намъ въ деревню подъ хмѣлькомъ и матушкѣ нашей, царство ей небесное, часто приговариваетъ: Авдотья Егоровна, Авдотья Егоровна, вѣдь мы съ тобой родня, а? Я богатъ сегодня, вы разбогатѣете завтра, что-же намъ этимъ гордиться? Угости-ко ты меня травничкомъ. *) И такой-то онъ, покойная головушка, бывалъ добрый и ласковый. Всѣхъ насъ, малыхъ дѣтокъ, приласкаетъ да приголубить и пряниковъ надаетъ. Вотъ у нихъ старикъ-то какой былъ! Они, теперь, его дѣти, хоть и не такіе, какъ онъ, а все-же и въ нихъ что нибудь отъ старика перешло“.

Родители начали снаряжать меня въ путь дорогу, на службу „въ чужіе люди“. Мать моя готовила бѣлье для меня и я часто видѣлъ, какъ, молча, роняла она слезы на полотно, какъ усердно работала иглой. Отецъ выдерживалъ себя и не жаловался, но я видѣлъ его постоянно съ нахмуреннымъ лицомъ, а ночью, просыпаясь, слышалъ, какъ онъ въ темномъ углу передъ иконою усердно клалъ земные поклоны, громкимъ шепотомъ приговаривая: „Боже милостивъ буди намъ грѣшнымъ! Боже, дай ума и разума Миколѣ“.

Дядя Семень видимо хотѣлъ поддержать бодрое семейное

*) Густой домашній квасъ, настоянный на листьяхъ смородины.

настроение и, приходя къ намъ, рассказывалъ, мнѣ, какъ другіе подростки, поступивъ служить мальчиками „выходили въ люди, и дѣлались въ концѣ концовъ славными и богатыми.“ Ты знаешь-ли Котовщикова—добавлялъ онъ—вѣдь онъ мальчикомъ уѣхалъ, зимой, на козлахъ кашовы, служить въ Кяхту къ купцу. А теперь поди-ка, какой сталъ именитый купецъ самъ! Или, вонъ, купецъ, Иванъ Егоровичъ Рѣшетниковъ. Его увезъ мальчикомъ, также на козлахъ тарантаса, въ Кяхту, обозный прикащикъ. А теперь посмотри-ка, какой у него каменный домъ въ городѣ и какой онъ самъ богатѣйшій человѣкъ теперь.

Я слушалъ эти рѣчи, но никакъ не могъ понять, какимъ образомъ изъ бѣднаго мальчика выходятъ „богатѣйшіе“ люди. У меня сжималось сердце при мысли покинуть домъ, отца, мать, сестру; жить въ чужихъ людяхъ, подчиняясь ихъ приказамъ, — но солдатская шапка впереди, если я этого не сдѣлаю, пугала меня страшно, и я, поплакивая втихомолку, готовился къ отъѣзду, предпочитая лучше вытерпѣть въ чужихъ людяхъ службу и нужду, чѣмъ поступать въ солдаты и оставить навсегда свою семью осиротѣлою.

Насталъ, наконецъ, и день моего отъѣзда. Какъ теперь помню, это было 14 іюля 1852 года. У насъ собрались всѣ родные съ материнской стороны. Въ переднемъ углу горницы зажжены были восковые свѣчи предъ иконою. Отецъ, мать и я положили „началь“ и они поочередно благословили меня крестнымъ знаменіемъ, напутствуя словами:

— Сынъ нашъ родимый, Богъ тебя благословить. Видно, такъ ужъ тебѣ на роду написано. Будь на то Его святая воля. Поѣзжай съ Богомъ. Служи хозяину вѣрою и правдой. Не забывай Бога и молись Ему чаще, чтобы Онъ наставилъ тебя и вразумилъ. Хозяевъ слушайся и почитай. Мы часто будемъ тебя провѣдывать.

Дядя Семень—я замѣтилъ это — какъ-то особенно серьезно заговорилъ со мною:

— Ну, племянникъ, сегодняшній день у тебя поворотъ съ нашей деревенской дороги на другую. Куда приведетъ тебя этотъ новый путь, мы не знаемъ. Но надѣмся на Бога, что Онъ тебя не оставитъ. Ты отселѣ будешь самъ и работникъ, и хозяинъ своей судьбы. Старайся-же сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ. Благослови тебя Богъ.

Тетка Анисья, присутствуя при этомъ, сильно плакала и по временамъ громко восклицала:

— Смотри-же у меня не вздумай вино тамъ пить и таба-
чище курить! Глаза всѣмъ выпарапаю, кто тебя этому научить.

Остальные родственники, каждый по своему, выражали мнѣ свои пожеланія всякаго добра и успѣха.

Я самъ былъ въ сильнѣйшемъ нервномъ возбужденіи, какое когда-либо испытывалъ. Слезы лились изъ глазъ какъ-то сами собою. И странное дѣло! Вся эта бытовая картина, — лица присутствовавшихъ, ихъ жесты, интонаціи голосовъ сохранились въ моей памяти до мельчайшихъ подробностей и теперь, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ протекло почти полъ-вѣка! Я отчетливо помню сумрачную фигуру отца, убитую горемъ мать, фигуру и жесты прихрамывавшаго дяди Семена, горячую, увлекающуюся тетку Анисью; мнѣ какъ-бы слышится тембръ ихъ голосовъ и вырисовывается вся обстановка горницы, гдѣ это происходило, начиная съ печи, выбѣленной золотухой, до знаменитаго дѣдовскаго шкафа съ двумя маленькими стеклами, раскрашеннаго синей и алой красками, съ желтыми отводками.

Прощаніе съ родными и ихъ наставленія, наконецъ, окончены. Отецъ еще разъ благословилъ меня. Мать и я усѣлись въ телѣгу, запряженную старымъ Гнѣдкомъ и поѣхали въ городъ.

*
* * *

Купеческая семья Рѣшетниковыхъ, извѣстная подъ именемъ Аванасьевыхъ, состояла изъ главы дома, Ивана Аванасьевича, его жены, старухи матери и трехъ пожилыхъ, незамужнихъ дочерей его сестеръ. Глава дома имѣлъ унаслѣдованный отъ отца большой кожевенный заводъ, а его старшая сестра держала въ гостиномъ дворѣ лавку съ мануфактурнымъ товаромъ. Жизнь онѣ, по тогдашнему времени, вели открытую и считались въ Тюмени „богатѣями“, хотя состояніе ихъ не превышало ста тысячъ рублей. На заводѣ выдѣлывалось въ годъ кожъ до 30 т. штукъ, а лавка выручала до 15 т. рублей. Кожы выдѣлывались исключительно „на линейскую руку“, яловые, въ видѣ красной юфти, „чарошныя“ въ видѣ черныхъ мерееныхъ кожъ и конина, въ видѣ бѣлыхъ мягкихъ сортовъ, для голенищъ туземной обуви, подъ именемъ „бродней“.

Красная юфть продавалась потомъ на мѣновыхъ дворахъ пограничныхъ городовъ Троицка и Петропавловска въ обмѣнъ на азіатскіе товары: „мату“, „выбойку“, „армяки“, желтые бараньи шаровары, „кочмы“, „кишмишъ“ и шелковые товары. Единицей

счета, при мѣнѣ товаровъ, считалось со стороны заводчиковъ, „бунтъ“ (10 кожъ), скатанный трубою, а со стороны Азіатовъ— „конецъ“, „мѣшокъ ягодъ“ и „штука сшитой вещи“ *). Вымѣненные на русскую юфть азіатскіе товары продавались потомъ русскимъ торговцамъ по ярмаркамъ и торжкамъ, существовавшимъ въ предѣлахъ Tobольской губерніи, или вновь вымѣнивались на кожевенное сырье. Кожевенный заводъ и домъ Рѣшетниковыхъ находились на берегу р. Туры, въ зарѣчной части Тюмени.

Въ эту семью Аеанасьевыхъ и привезла меня мать „въ услуженіе“. Насъ приняла покуда старуха, мать будущаго моего хозяина, и приласкала меня, назвавъ „добрымъ паренькомъ“, ставляя въ тоже время, какъ надо служить хозяевамъ вѣрою и правдой, съ дворней не связываться и помнить, что я, вѣдь, все-же ихъ „родственникъ“. Это нѣсколько меня ободрило, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія въ домъ хозяина, куда-то выѣхавшаго въ городъ.

Все меня въ этомъ купеческомъ домѣ занимало. И домъ, и дворъ казались до того обширными, что я не могъ придумать, для чего требуется такой просторъ. Домъ стоялъ въ углубленіи, среди двора, съ выдвинутымъ впередъ, параднымъ крыльцомъ, а со сторонъ его фасадами на улицу, тянулись громадныя постройки флигелей съ жилыми помѣщеніями, „завознями“ (амбарами) и широкими „галдареями“. Дворъ вымощенъ былъ тесанными брусьями, такъ что всякій экипажъ, проѣзжавшій дворомъ, производилъ грохотъ, слышанный изъ каждой комнаты дома и флигелей и отдавался эхомъ въ крытыхъ „галдареяхъ“. Всѣ заборы были унижены гвоздями, остриемъ кверху, а ворота запирались на ночь висячимъ замкомъ. Всюду носился запахъ дубильной кислоты и все незамощенное деревомъ мѣсто двора и улицы засыпано было „одубиной“.

Но вотъ послышался грохотъ быстро вѣзжавшаго на дворъ экипажа, гдѣ правилъ рысакомъ рослый кучеръ, а на дрожкахъ сидѣлъ верхомъ самъ хозяинъ дома, одѣтый во фризовую шинель и шляпу цилиндръ. Онъ быстро соскочилъ съ дрожекъ и направился во флигель, гдѣ жила его мать и гдѣ мы временно пріютились.

*) «Конецъ маты»—14 арш., ручной бѣлой бумажной матеріи. «Конецъ» выбойки—24 арш., бумажной набивной матеріи.

— Здравствуйте сказалъ онъ матери моей и мнѣ. — Что, сына привезла, — Егоровна?

— Да, сына, Иванъ Аѳанасьевичъ. — отвѣтила мать.

— Ну, что-же, хорошо. Пусть служить и привыкаетъ. Я велю помѣстить его вонъ тамъ, во флигелѣ, въ комнатахъ съ прикащиками! А завтра найду ему и дѣло.

Мать повела меня въ эти прикащичьи комнаты. Они оказались на верху надъ амбарами, съ узенькими окнами, выходящими на улицу и широкими на дворъ; комнаты были довольно просторны. Въ нихъ стояли двѣ конторки, нѣсколько кроватей и полдесятка стульевъ. Въ обѣ комнаты далеко выдвигалась громадная печь. За конторкою сидѣлъ какой-то человѣкъ и громко щелкалъ костяшками крупныхъ счетовъ.

Мать моя несмѣло промолвила:

— Иванъ Аѳанасьевичъ велѣлъ помѣстить моего сына здѣсь. Онъ будетъ у васъ служить.

— А! хорошо, — сказалъ пишущій у конторки. — Вонъ, кладите въ уголокъ его пожитки. А тамъ его устроимъ. Какъ малаго зовутъ? — спросилъ онъ.

— Николай — отвѣчала мать.

— Ну, братъ, Николай, располагайся здѣсь, гдѣ-нибудь у стѣны къ окошку. Вечеромъ принесутъ тебѣ кровать, вотъ около нея и устроишься.

Мать моя снова обратилась къ прикащику.

— Милый человѣкъ, я не знаю вашего имени, но пропу васъ, поучите моего сына, чего онъ не знаетъ, на всякое доброе дѣло.

— Не проси объ этомъ, матушка. Если есть въ немъ толкъ, то онъ скоро самъ пойметъ, что надо дѣлать.

Мать попрощалась со мною съ обычными материнскими слезами, надававъ мнѣ всякихъ наставленій и пошла къ своей телѣгѣ. Я проводилъ ее за ворота.

Когда я вернулся въ прикащичьи комнаты, мною овладѣло полное отчаяніе, до того невыносимо было новое чувство заброшенности и одиночества. Я не зналъ, къ кому обращаться за совѣтомъ, не зналъ, что дѣлать и, помню, просидѣлъ до самаго обѣда на одномъ и томъ-же мѣстѣ на старомъ диванѣ. Люди, приходившіе въ прикащичью, разговоры и манеры ихъ, производили на меня тягостное впечатлѣніе. Что-то новое, до сихъ поръ мнѣ невѣдомое начинало открываться предо мною и поражать меня незна-

комыи сторонами жизни, начиная съ техническихъ выраженій кожевеннаго промысла, до свободныхъ шутокъ и бранныхъ словъ, у насъ въ деревнѣ не употребляемыхъ. Я то и дѣло слышалъ споръ кожевеннаго мастера съ рабочими, приходившими за записью въ рабочіе листы, о какой-то „мереѣ“, „подрѣзяхъ“, „мази“ „передубкѣ“, „3-мъ и 4-мъ дубѣ“, „киселѣ“, но рѣшительно ничего не понималъ, что это все означаетъ.

* *
*

Колоколъ, повѣшенный на кожевенномъ дворѣ, по другую сторону улицы, противъ нашихъ комнатъ, возвѣстилъ время обѣда, и тотъ-же конторщикъ, работавшій за конторкою, пригласилъ меня къ общему столу, въ особую большую комнату, расположенную въ нижнемъ этажѣ отдѣлочнаго зданія, рядомъ съ кухней. Обѣдающаго народа набралось человѣкъ десять: двое прикащиковъ, конторщикъ, кожевенный мастеръ, кучеръ, строгаль и др. Я въ первый разъ въ жизни садился за столъ среди чужихъ людей и чувствовалъ себя до крайности неловко. Строгаль Прохоръ Степановичъ, давно живущій на заводѣ, замѣтивъ мое смущеніе, посадилъ меня рядомъ съ собою, проговоривъ:

— Что тутъ стѣсняться? Все люди свои. Садись и кушай, не зѣвай. А то, какъ разъ Максимка все захватить; вонъ, онъ какой охальный.

Максимка былъ парень, давно живущій на дворѣ, полу-прикащикъ, полу-рабочій, озорникъ, обжора и старался захватить себѣ кушанья изъ общей чашки, какъ можно больше, не заботясь о другихъ. Его за то бранили, надъ нимъ смѣялись, но онъ спокойно отвѣчалъ: „а что же мнѣ дѣлать, что вы зѣваете, а мнѣ ѣсть хочется“, и уписывалъ чужія порціи, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Строгаль Прохоръ Степановъ первый на дворѣ заговорилъ со мною задушевнымъ тономъ искренняго человѣка и я сильно обрадовался этому. Послѣ обѣда онъ пошелъ со мною въ прикащичьи комнаты, спрашивая меня, кто я такой и какъ попалъ на службу къ Аванасьевымъ. Я, конечно, рассказалъ ему всю мою біографію и причину поступленія моего на службу.

— Знаю я все это—замѣтилъ онъ—вонъ, кухарка съ мужемъ Ѳедоромъ живутъ здѣсь уже другой годъ—она кухаркой, а онъ работникомъ—за взятыя деньги на наемщика. Что съ этимъ подѣлаешь? Судьба видно такая. А ты шибко-то не печалься; ко

всему по маленечку привыкнешь и будешь жить по хорошему. Хлѣбъ-соль тутъ добрые, пожаловаться нечего. Утромъ и вечеромъ пьемъ чай, въ полдень обѣдъ, а вечеромъ ужинъ. Хозяинъ у насъ немножко горячъ, но хорошій человекъ. Вотъ только не сходишь съ Максимкой, да съ отдѣловщиками: не путевые они люди и охальные.

Я слушалъ всѣ эти замѣчанія строгаля Прохора и принималъ ихъ, какъ нѣкое откровеніе.

— А нельзя-ли мнѣ посмотрѣть, какъ тутъ на заводѣ работаютъ?—спросилъ я несмѣло.

— Пойдемъ, я тебѣ все покажу. Вотъ я строгаль — ты знаешь, что это за работа?

— Нѣтъ, не знаю.

— Пойдемъ со мной и увидишь. Я иду на заводъ кожи принимать, а потомъ строгать ихъ буду.

Я съ радостью согласился. Прохоръ пошелъ со мною на заводъ, гдѣ вся земля и строенія пропитаны были спеціальнымъ запахомъ дегтя, извести и дубильной кислоты, а всѣ рабочіе обрызганы и какъ бы облиты грязной жидкостью изъ той-же извести, дегтя и дубильныхъ соковъ. Мы прошли сначала въ зольное отдѣленіе завода, гдѣ, казалось мнѣ, невозможно быть и часа времени отъ ѣдкаго запаха, проникающаго въ носъ и горло, но гдѣ люди, всѣ въ грязи и мокрые, вытаскивали желѣзными клещами изъ зольниковъ кожи, раскладывали ихъ „на кобылы“ и сбивали тупиками шерсть въ продолженіи цѣлаго дня.

Потомъ пошли мы въ другое отдѣленіе завода—дубильное; тамъ сотни деревянныхъ чановъ заполнены были кожами, пересыпанными толченою ивовой корою. Здѣсь казалось нѣсколько чище и лучше, чѣмъ „въ зольникахъ“, но и тутъ сильный запахъ дубильной кислоты и мелкая пыль толченаго корья, носящаяся въ воздухѣ, казалась мнѣ трудно выносимою.

Потомъ пошли мы далѣе въ сушильное отдѣленіе, на такъ называемые „вѣшала“, откуда выдаются кожи строгалямъ,—отдѣловщикамъ, для приданія имъ вѣшняго вида разныхъ сортовъ—юфти, чарошной, сапожной и проч. Путеводителю моему, Прохору Степанову, отсчитали 20 кожъ и мы съ нимъ перенесли ихъ въ уголъ „отдѣльной“ (отдѣлочной) на занимаемое Прохоромъ мѣсто. Тутъ мой строгаль снялъ съ себя верхнее платье, сапоги, засучилъ рукава и принялся за работу „отдѣловщика“. Прежде всего, онъ разложилъ кожу на широкій деревянный „катокъ“;

взялъ воды изъ „туеса“ въ ротъ и sprыснулъ кожу „по лицу“. Потомъ началъ мять ее руками и ногами на спеціальномъ станкѣ—„окованной кобылѣ“. Послѣ этого разложилъ кожу на колodu“ бахтармою къ верху и спеціальнымъ стальнымъ ножомъ,—„стругомъ“, началъ снимать съ нее длинныя ленты до тѣхъ поръ, пока кожа не достигла желаемой толщины. Дальше особыми, выработанными практикою приѣмами отминалъ ее на „кобылѣ“ и прокатывалъ на „полкѣ“ насѣчкою до тѣхъ поръ, пока кожа не стала мягкой и неузнаваемою.

Я долго стоялъ и смотрѣлъ на эти новыя для меня манипуляціи съ кожами; онѣ меня очень занимали и удивляли.

— Къ вечеру въ „завознѣ“—сказалъ мнѣ Прохоръ—я буду „бунтить“ кожи. Приходи туда смотрѣть и учиться, какъ надо это дѣлать.

Я охотно согласился, а пока пошелъ въ пригашницкую. Тамъ конторщикъ далъ мнѣ для провѣрки какой-то счетъ. Я началъ класть на счетахъ, скоро и, повидимому, удачно, такъ что онъ замѣтилъ:

— Э, братъ, да ты на счетахъ ходишь хорошо. А ну-ка, возьми листокъ бумаги и напиши мнѣ: „милостивый государь, дайте мнѣ переписать письмо“.

Я написалъ и подалъ ему.

— Пишешь ты не важно. Тебѣ нельзя еще давать переписывать что-нибудь набѣло. Почеркъ твой никуда не годится. Надобно будетъ поупражняться, пока станешь писать красиво. И гдѣ только научился ты выводить такіе крючки и завитушки?

За вечернимъ чаемъ, который я пилъ въ первый разъ въ жизни, мнѣ пришлось испытать горькія минуты, такъ какъ на мой счетъ отпускались окружающими шутки и насмѣшки. Я не умѣлъ обращаться съ горячимъ стаканомъ чая, и мои неловкіе приѣмы вызывали ѣдкія издѣвательства шустрого Максимки. Одинъ только строгаль Прохоръ, да всегда серьезный кучеръ Симеонъ, не принимали участія въ этой травлѣ, а даже защищали меня. Остальные присутствующіе, не стѣсняясь, громко хохотали. Даже мальчикъ Сила, племянникъ хозяина, живущій также вмѣстѣ съ прикащиками, не утерпѣлъ подтрунить надъ новичкомъ-деревенщиной выставя на видъ, какъ предметъ для юмора, мою одежду, жесты и не всегда удачныя выраженія.

Послѣ чая я пошелъ съ Прохоромъ бунтить кожи. Процедура эта заключается въ слѣдующемъ: вы входите въ амбаръ

гдѣ стопами навалены крашенныя кожи, которыя надобно завернуть скатаннымъ тюкомъ, по 10 штукъ въ каждомъ, но такъ, чтобы въ десяткѣ было ровно 98 четвертей мѣры, считая по длинѣ кожи „отъ зарѣза до зарѣза“. Этого мало. Ихъ надобно еще уложить такъ, чтобы постепенно кожа крупная закрывала собою кожу мелкую и, наконецъ, весь „бунтъ“ завершался-бы кожей самой крупной, безъ всякаго изъяна какъ, на самой кожѣ, такъ въ ея отдѣлкѣ и окраскѣ. При „бунченіи кожъ“ всегда имѣлась въ виду конечная цѣль — покупатель юфти, въ Петропавловскѣ, обыкновенно при осмотрѣ товара перелистывающій весь бунтъ отъ первой кожи до послѣдней. Разсчитывалось на то, чтобы у него послѣднее впечатлѣніе было самой крупной, „лучшей“ кожи во всемъ ея объемѣ. Все это требовало особой специальности приготовить товаръ съ „казовымъ концомъ“, для чего у каждого заводчика и имѣлись специалисты, умѣющіе наклеивать кожи въ бунтъ такъ, чтобы выдвинуть впередъ достоинства и затѣнить, по возможности, недостатки. Такіе люди называлиса отъ слова: бунтить кожи — „бунтовщиками“.

Строгаль Прохоръ Степановъ, кромѣ специальности „строгаля“, владѣлъ еще искусствомъ „бунтить кожи“, но для него, какъ неграмотнаго, трудно было подсчитывать четверти и вершки. Когда мы съ нимъ пришли въ амбаръ, онъ прямо мнѣ сказалъ объ этомъ затрудненіи, прибавивъ:

— Ты поможешь мнѣ въ этомъ дѣлѣ и самъ увидишь и научишься, какъ бунтятся кожи.

Я съ радостью взялся за эту подсобную работу.

Прежде всего мы начертили мѣломъ, на полу завозни, 16 квадратовъ, для складыванья въ нихъ кожъ разной мѣры: въ 8, $8\frac{1}{4}$, $8\frac{1}{2}$ и такъ далѣе до 12 четвертей. Всѣхъ кожъ въ амбарѣ было около 300 штукъ и надо было забунтить ихъ въ 30 свертковъ, въ общемъ равной величины и качества. На помощь намъ были позваны со двора три отдѣловщика.

Строгаль Прохоръ развертывалъ кожу, осматривалъ краску и лицо на ней; я мѣрялъ саженью длину въ четвертяхъ и вершкахъ, рабочіе складывали кожу вчетверо и относили въ намѣченные квадраты. Когда же вся партія была осмотрѣна и промѣряна, тогда сдѣланъ былъ подсчетъ четвертей и вершковъ во всѣхъ квадратахъ, для выясненія вывода, сколько каждого размѣра требуется положить въ бунтъ, чтобы вышла принятая мѣра, 98 четвертей въ десяткѣ. Выходило такъ, что надо положить

сначала самую большую кожу въ 12 четвертей, потомъ самую маленькую и постепенно, увеличивая размѣръ кожъ, покрыть десятой, опять самой большой кожей въ 12 четвертей. Закатавъ крѣпко свитокъ въ 10 кожъ и перевязавъ его скрученнымъ мочаломъ, получали тотъ „бунтъ“, который требовался на мѣновомъ азіатскомъ рынкѣ.

Ужинъ, вечеромъ, былъ повтореніемъ обѣда, ничѣмъ отъ него не отличаясь, ни персоналомъ участвующихъ лицъ, ни количествомъ подаваемыхъ къ столу кушаній.

Такъ прошелъ мой первый день служенія въ людяхъ.

Утромъ слѣдующаго дня меня позвали къ хозяину, въ его кабинетъ. Это была маленькая комната, не больше пяти квадратныхъ сажень величиною, со столомъ-конторкою, маленькимъ диваномъ и принадлежностями охоты въ углу и на стѣнахъ. На полу лежалъ яркаго цвѣта персидскій коверъ, на столѣ куча конторскихъ книгъ и счеты. Хозяинъ самъ сидѣлъ на стулѣ предъ конторкою и что-то писалъ. Я остановился у дверей.

— А, Николай! Ну что, походилъ вчера на дворъ и на заводъ? Что ты тамъ видѣлъ?

— Видѣлъ—отвѣчалъ я—какъ кожи дѣлаютъ, видѣлъ, какъ ихъ складываютъ.

— Кожи не дѣлаютъ, а *выдѣлываютъ*, и ихъ не складываютъ, а *бунтятъ*. Замѣть это. Понялъ?

— Понялъ.

— Съ сегодняшняго дня—продолжалъ хозяинъ—ты будешь помогать прикащику въ его занятіяхъ и дѣлать то, что онъ тебѣ велитъ. Къ вечеру ты съ нимъ поѣдешь въ Парфенову и Мысь отдавать кожи отдѣловщикамъ. Слушай-ка—добавилъ онъ—твой кафтанъ здѣсь не годится. Надо сшить тебѣ новый халатъ, пальто и платье. А пока скажи прикащику, чтобы выдалъ тебѣ изъ „завозни“ подходящій армякъ и кушакъ. Въ лавкѣ пусть купитъ фуражку. Вотъ и все пока. А теперь иди и занимайся.

— Ладно,—промолвилъ я.

— Здѣсь не деревня и „ладно“ не отвѣчаютъ. Надо говорить: слушаю-съ.

Съ этого момента начался самый тяжелый для меня періодъ времени „служенія въ людяхъ“, такой тяжелый, что я не выдержалъ его и, по прошествіи мѣсяца, сбѣжалъ въ деревню; но объ этомъ ниже.

Но буду продолжать рассказъ день за днемъ, въ порядкѣ обыденной жизни, какъ она въ то время протекала.

Послѣ обѣда, на второй день моей службы, прикащикъ и я наложили въ двѣ телѣги 300 штукъ выдѣланныхъ кожъ и, усѣвшись на верху, поѣхали въ д. Парфенову и Мысь, для раздачи строгалямъ-отдѣловщикамъ. У дома каксго-нибудь Данила Парфенова мы останавливались и между прикащикомъ и Даниломъ начинался разговоръ:

— Эй, Данило, слушай! надо кожъ?—кричитъ подь окномъ дома прикащикъ.

Немного погодя, отворяется форточка въ окнѣ, высовывается голова Данилы и онъ отвѣчаетъ отъ себя вопросомъ:

— Какія у васъ кожи-то?

— Линейскія и чарошныя.

— Нѣтъ не надо. Привезите завтра для меня сапожныхъ.

Прикащикъ приказываетъ мнѣ записать, что завтра нужно отвезти Данилу Парфенову сапожныхъ кожъ 10 паръ.

Мы ѣдемъ дальше, къ какому-нибудь Якову Яркову, повторяя тѣ-же вопросы и отвѣты, съ тою только разницей, что сдаемъ ему для отдѣлки 10 паръ чарошныхъ. Прикащикъ, по обыкновенію, лѣниво сидѣлъ на своемъ возу кожъ, покуривая самолѣльную „цыгарку“, а я отсчитывалъ кожи и наскоро записывалъ ихъ на листокъ бумаги.

Послѣ раздачи кожъ съ нашихъ воевъ въ упомянутыхъ деревняхъ, мы начали подѣзжать къ тѣмъ-же дворамъ отдѣловщиковъ, но въ обратномъ порядкѣ, получая отъ нихъ отдѣланныя кожи въ видѣ „красной юфти“, „чарошныхъ“ и „сапожныхъ“. Принимая товаръ, прикащикъ, каждую кожу развертывалъ, для осмотра, сгибая бахтармою внутрь, проводилъ ее между пальцевъ правой руки и часто бранилъ отдѣловщика на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Ты что это, чортовъ сынъ, перестрогалъ кожу!—кричалъ онъ на всю улицу. — А это что за подрѣзь? — Вонъ, тутъ нѣтъ скулы и лапы. Ахъ, ты дьяволъ такой сякой!—и пойдутъ непечатныя выраженія.

Отдѣловщикъ сначала хладнокровно увѣряетъ, что онъ немножко промахнулся, перестрогалъ, а тамъ лапа оборвалась, стругъ зарискнулъ и проч. въ этомъ-же родѣ, но потомъ на безпрерывныя обидныя выраженія прикащика раздражался бранью самъ, и тогда разыгрывалась между ними такая сцена ругани, что, казалось, вотъ, вотъ перейдетъ въ драку и потасовку.

Когда мы съ собранными кожами вернулись домой, моя записка на скорую руку оказалось невѣрна и я долженъ былъ выслушать отъ прикащика такую брань, что заплакалъ горькими слезами отъ обиды и оскорбленія. Я совсѣмъ не зналъ, что отдѣлка кожъ за каждый сортъ, оплачивается разными цѣнами; никто мнѣ этого не разъяснилъ, а теперь, когда невольно я напуталъ, меня бранять, какъ человѣка, учинившаго сознательное преступленіе. Только строгаль Прохоръ заступился за меня, устыдивъ прикащика, и тѣмъ избавивъ меня отъ дальнѣйшаго нравственнаго страданія.

— Ну, смотри-же, напутай только другой разъ, я покажу тебѣ, кто я такой—пригрозилъ мнѣ въ концѣ прикащикъ, но уже болѣе мягкимъ тономъ.

За ужиномъ всѣ знали, какъ прикащикъ, по его манерѣ, приводилъ меня „къ порядку“ и жестоко надо мною издѣвались.

— Здѣсь, видно, „не дуги гнуть на телѣги“ и „не шаньги ѣсть у матери“—язвительно твердилъ Максимка.

— Мама, маманька!—крикнулъ Сила и подставилъ палецъ съ боку моего носа.

Я невольно обернулся и попалъ какъ разъ на палецъ носомъ. Всѣ захохотали разомъ и больше всѣхъ Максимка.

Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ среди другихъ. Слезы оскорбленія подступали къ горлу, не я не могъ заплакать, ибо это уронило-бы меня и надолго сдѣлало-бы мишенью всякихъ насмѣшекъ. Въ это время, неожиданно для меня, грозно крикнулъ кучеръ Симеонъ:

— Силка, собачій сынъ, что присталъ къ новичку? Мало, видно, пороли тебя за куски сахара!

Этотъ возгласъ сразу измѣнилъ господствовавшее настроеніе. Сила замолчалъ, а Максимка усиленно принялся уписывать кушанье.

— А ты, Максимка—продолжалъ кучеръ Симеонъ—грязная твоя душа, забылъ Плѣханова?

Максимка покраснѣлъ отъ этихъ словъ до самыхъ ушей, и съ тѣхъ поръ рѣдко приставалъ ко мнѣ съ своими насмѣшками. Тогда-же я началъ постигать, что всякій озорникъ,—„герой на время только“, пока не знаютъ люди его интимной стороны. Узнали, и все обаяніе пропало. Тотъ-же злой языкъ, тѣ-же острые слова, но они не производятъ былаго впечатлѣнія; озорникъ не можетъ уже взять подчиняющаго тона.

— Слушай-ка, Микола — идя со мною изъ кухни по двору,

заговорилъ душевно Прохоръ.—Ты не огорчайся шибко на прикащика; онъ, вѣдь, только „собачливый“ чловѣкъ и ругается каждую минуту, а не дуракъ, какъ Сила, и не поганецъ, какъ Максимка. Я также, какъ живу здѣсь, сколько натерпѣлся отъ Максимки. А теперь, самъ видишь, онъ ко мнѣ не пристаеъ. Вонъ Симеонъ молчалъ, молчалъ, да какъ потомъ „обѣихъ“ отдѣлалъ! Потерпи, казакъ, атаманомъ будешь.

Я вернулся въ прикащицкую, когда уже тамъ никого не было, бережно досталъ изъ сундучка благословеніе матери,—маленькую икону—и, поставивъ ее надъ своей постелью, излилъ предъ нею мою душу.

На завтра прикащикъ, въ 5 ч. утра, грубо разбудилъ меня, — Вставай, возьми Прохора и выдай изъ завозни отдѣловщикамъ кожъ, сколько кому надо, приказалъ онъ.

Я въ точности исполнилъ приказаніе и принесъ ему записку, сколько и кому сдано кожъ, каждому отдѣловщику поименно. Все это было сдѣлано вѣрно.

Кромѣ жившихъ по деревнямъ отдѣловщиковъ, были еще жившіе при заводѣ и работавшіе въ особомъ помѣщеніи, называемомъ „отдѣльною“. Тутъ они работали, стругая кожи, дѣлая насѣчку, намазывая дегтемъ и тутъ-же подъ колодами и спали. Плата заработная производилась имъ поштучно, сдѣльная, не смотря на то, какая была кожа — крупная или мелкая. Отсюда самый заработокъ, бывалъ у нихъ то большій, то меньшій. Все это отдѣловщики знали тонко и при приѣмѣ кожъ старались выбирать наиболѣе мелкія и тонкія, оставляя для послѣдующихъ товарищей кожи крупныя и тяжелыя. Когда потомъ прикащикъ выдавалъ имъ кожи самъ, то всегда бывало возникало пререканіе изъ-за крупныхъ кожъ. Я-же ничего этого еще не зналъ и выдавая кожу, наблюдалъ только вѣрный счетъ поштучно. Въ результатѣ оказалось, что въ складѣ остались кожи только крупныя и на меня обрушилась жесточайшая брань прикащика. Даже Прохору досталось, зачѣмъ онъ допустилъ такое „безобразіе“. Но Прохоръ тихо и резонно замѣтилъ прикащику:

— Развѣ вы не знаете, что за народъ у насъ набранъ въ домашніе отдѣловщики? Подите-ка, справьтесь съ ними. Я самъ отдѣловщикъ, а долженъ былъ принять крупные сорта, только-бы не вздорить.

Такой аргументъ, повидимому, подѣйствовалъ нѣсколько на прикащика; онъ притихъ и пересталъ ругаться.

— Иди теперь къ Максимкѣ—сказаль онѣ мнѣ—вели ему запрягать лошадей въ двѣ телѣги. Накладывайте съ нимѣ по полтора ста кожѣ „мостовья“ на каждую. Мы поѣдемъ съ тобой въ Парфенову. Да смотри у меня, кожи сосчитай вѣрно!

Новая поѣздка въ Парфенову была повтореніемъ предъидущей и не представляла собою ничего особеннаго. Я имѣлъ уже вчерашній опытъ и тщательно записывалъ имена и фамиліи отдѣловщиковъ, сорта и счетъ кожъ, а посему, на этотъ разъ не подвергся отъ прикащика ни брани, ни упрекамъ. Къ тому-же сами кожи, какъ выданныя, такъ и принятыя, были въ одномъ сортѣ, именуемомъ „мостовье“ при выдачѣ и „юфтѣ“ при принятіи, гдѣ не представлялось для меня незнакомыхъ техническихъ названій.

Послѣ обѣда заставили меня принимать отъ закройщиковъ наръзанныя ими изъ цѣлыхъ кожъ составныя части бродней, чирковъ и рукавицъ. Тутъ были голенища, переда, задники, подошвы, оторочки и пр., все это я плохо понималъ, а потому и попросилъ сначала все мнѣ указать.

— Ну, вотъ еще, учителя къ тебѣ приставить, что-ли — грубо заявилъ прикащикъ.—Возьми вонъ Силу; онѣ также безъ толку болтается на дворѣ.

Я направился къ Силѣ Михайловичу и передалъ ему распоряженіе прикащика, на что онѣ только разсмѣялся и замѣтилъ:

— Иди и принимай. Ты привыкъ въ деревнѣ работать, вотъ тебѣ и занятіе.

Оставалось обратиться къ Прохору Степанову. Душевный человекъ, остановилъ свою работу, стружку кожъ и пошелъ со мной показывать, какъ нужно принимать кроеные товары.

— Ты не говори закройщикамъ, что посланъ принимать отъ нихъ товаръ—сказаль мнѣ Прохоръ.—Пускай думаютъ, что буду принимать я, а ты приставленъ только для записи. Тѣмъ временемъ и приглядишься, какъ я буду это дѣлать.

Мы вошли въ „закройную“ гдѣ рѣзали кожи „по наметкамъ“, человекъ 5—6 закройщиковъ.

— Ну ребята — громко сказалъ Прохоръ — кто много накроилъ, у того я принимать буду.

— У меня ужъ мѣста нѣтъ, куда складывать товаръ—отозвался Прокофій съ Городища.—Принимайте у меня.

— Ладно—согласился Прохоръ.

Сначала перебраль онѣ голенища для „бродней“, прикинувъ

ихъ размѣръ наметкой; потомъ пересмотрѣлъ, въ какую сторону направлены „пашины“; гдѣ допустимы подрѣзы, ломины и откидывалъ особо каждый выкроенный листъ не подходящій, къ написанымъ, но существующимъ „условіямъ“. На сотню паръ кроеныхъ голенищъ браку оказалось паръ пять.

— Ну Микола, давай завяжемъ голенища въ два тюка—сказалъ мнѣ Прохоръ,—а въ книгѣ запиши, что у Прокопья съ Городища, оказалось браку 5 паръ на сто. Годныхъ-же голенищъ: 100 паръ.

— Да что-жъ ты Прохоръ, такъ бракуешь—произнесъ Прокофій недовольнымъ тономъ.—Развѣ ты не знаешь, какая будетъ ругань отъ прикащика за это?

— А ты „десять разъ примѣрай, да одинъ отрѣжь“, вотъ и будетъ ладно — возразилъ Прохоръ. — А то все дѣлаешь на „махъ“, да „глазомѣромъ“. Изъ кожи, надо брать четыре пары, ты и дѣлаешь четыре; да не смотришь всѣ-ли онѣ годны. Ты наложь наметку, да разчерти по кожѣ, а потомъ и посмотри съ лица, всѣ-ли голенища годны, тогда и рѣжь. Если не годятся, примѣрай снова, по иному, вотъ тогда и будетъ хорошо.

— Да эдакъ, только 20 кожъ и искроишь за цѣлый день!

— Что-же дѣлать. Если не умѣешь, какъ надобно работать, то и 20 кожъ не изрѣжешь. На то вѣдь ты и мастеръ.

Я слушалъ практическій урокъ Прохора Степанова, со всѣмъ вниманіемъ, на какое только былъ способенъ.

Этимъ-же порядкомъ, Прохоръ принималъ и другіе кроеные товары отъ закройщиковъ: переда, подошвы для „бродней“ и „чарковъ“—изъ кожъ яловыхъ; голенища, рукавицы—изъ кожъ коневыхъ. Приемы сортировки кроенаго товара, всюду прилагались одинаково. Въ кожахъ, кромѣ общихъ пороковъ, были еще спеціальныя пороки: въ яловыхъ—*свищи*, въ конинахъ—*ломины*.

Принятые отъ закройщиковъ товары, мы съ Прохоромъ, перевязали бичевками и переносили въ кладовую. Я составилъ на листѣ бумаги подробную записъ, всѣмъ закройщикамъ, прочиталъ ее и провѣренную, передалъ прикащику. На этотъ разъ все сошло благополучно, но къ вечеру я такъ усталъ, что, сидя на кровати, уснулъ какъ убитый. Меня будили, чтобы идти ужинать, но я не могъ проснуться и проспалъ всю ночь, не раздѣваясь.

Такимъ образомъ, изъ дня въ день, я цѣлый мѣсяцъ подвергался поистинѣ невыносимому и непосильному режиму. Жаловаться, я разумѣется не смѣлъ, боясь прослыть наушникомъ и

тѣмъ ухудшить еще болѣе мое служебное положеніе. Къ концу мѣсяца, вмѣсто поощренія моего усердія, я началъ замѣчать, что хозяинъ встрѣчаясь со мною, не такъ уже добродушно отвѣчаетъ на мои вопросы, по какому-нибудь дѣлу. Я совсѣмъ упалъ духомъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Сила и Максимка снова подняли тонъ своихъ насмѣшекъ и чаще начинали издѣваться надо мною. Какъ-то вечеромъ, Прохоръ Степановъ, тихонько мнѣ шепнулъ:

— А вѣдь Максимка, или Сила что-нибудь наслетничали на тебя хозяину! Я, это замѣтилъ.

Горю моему не было границъ. Я всю ночь не могъ уснуть и рѣшилъ завтра-же бѣжать къ роднымъ въ деревню. Едваждавшись утра, когда только-что ворота, отъ висячаго замка были освобождены, я ушелъ пѣшкомъ домой. Тамъ я заявилъ отцу и матери, что лучше идти въ солдаты, чѣмъ выносить эту каторжную жизнь подручнаго прикащика, съ котораго спрашиваютъ правильной записи и подсчета товаровъ, заставляя въ то-же время работать наравнѣ съ другими; вставать въ 6 час. утра и ложиться въ 11 ч. вечера, да выслушивать постоянно не заслуженую брань прикащика. Отецъ и мать встревожились сильно, опасаясь, не надѣлалъ я какой-нибудь бѣды и поплакавъ надъ моею участью, на завтра-же отвезли меня назадъ къ Афанасьевымъ. Хозяева также всполошились, по поводу неслыханнаго казуса, мною учиненнаго, но, выслушавъ мои жалобы, приказали измѣнить режимъ моихъ занятій, въ смыслѣ нѣкотораго облегченія. Съ этихъ поръ, условія въ моей жизни измѣнились къ лучшему. Меня перевели изъ общей комнаты конторы, въ особую небольшую комнату, гдѣ я могъ по временамъ оставаться наединѣ. Мои солуживцы, не исключая Силы и Максимки, перемѣнили тонъ на болѣе мягкій и пріязненный. Я понемногу начиналъ входить въ колею моихъ обязанностей и быстро познавать пріемы техники, какіе требовались отъ подручнаго прикащика въ кожевенномъ производствѣ. Въ праздничные дни и вечера, появилась нѣкоторая свобода, которая временами позволяла участвовать въ играхъ— въ мячъ, въ лапту и бабки.

О книгахъ и газетахъ въ то время не было даже помину. Ихъ какъ-бы вовсе не существовало. Разъ въ недѣлю, хозяинъ получалъ „Московскія Вѣдомости“, но давать читать ихъ прикащикамъ было-бы сочтено за баловство и непроизводительную затрату времени. Газета получалась, прочитывалась хозяиномъ и

складывалась, нумеръ за нумеромъ, въ особую пачку, завязанную бичевкою. Мнѣ выдана была единственная книга: „Часы благоговѣнія“, которую я много разъ перечитывалъ съ начала и конца. Лишь годъ спустя, единственный разъ намъ отпущенъ былъ нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ которомъ сообщалось о переходѣ нашихъ войскъ съ Южной стороны на Сѣверную, при защитѣ Севастополѣ. Что это былъ за маневръ, мы совсѣмъ не знали, но хотя смутно, а догадывались, что побѣды онъ не означаетъ. Толки о войнѣ ходили разные, но всѣ они вращались на томъ, что европейскія державы, изъ зависти напали на Русскаго Царя, но гдѣ-то тамъ, на самомъ „краешкѣ“ нашего государства. Всѣмъ вѣрилось, что Французъ не посмѣетъ забраться въ Россію далеко, ибо 12-й годъ, научилъ его порядкомъ. Извѣстные стихи:

Какъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ...

ходили въ спискахъ по рукамъ и заучивалось наизусть почти каждымъ грамотнымъ человѣкомъ. Порою дѣлались со вздохомъ замѣчанія на ту тему, что „сколько православныхъ погибнетъ въ этой войнѣ —страсть“! или „вотъ-бы намъ теперь Суворова командиромъ, задалъ-бы онъ непріателямъ перцу“.

О томъ, чѣмъ вызвана была война, какія политическія причины побудили европейскія державы ее начать и какія принесетъ она послѣдствія для Россіи, никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Въ нашемъ сибирскомъ захолустьѣ, война отражалась только усиленнымъ наборомъ рекрутъ и денежными сборами.

VII.

За прилавкомъ.

Старая хозяйка, мать хозяина, Аграфена Ивановна, жила со старшей дочерью въ особомъ флигелѣ, гдѣ устроена была богатая старообрядческая „моленна“, съ прекрасными древними иконами и книгами. Каждый праздникъ совершалось тамъ общественное моленіе, и у нихъ всегда, бывало, проживала какая-нибудь начетчица изъ Москвы, подъ именемъ „старицы“, которая читала по Часослову и Псалтыри, положенныя службы и состояла регентомъ хора и блюстительницей порядка. Иногда, по праздникамъ, въ послѣобѣденное время, приглашали и меня прочитатъ собравшимся какое-нибудь „слово“ или „житіе“ то изъ Пролога, то изъ Четьи Минеи, или Маргарита. Но мнѣ, какъ состоявшему въ никоніанствѣ, не позволяли, ни молиться вмѣстѣ съ ними, ни ѣсть и пить изъ одной посуды. Я прочитывалъ извѣстныя страницы книги, получалъ „спасибо“ и уходилъ въ мою квартиру.

Лавка съ краснымъ товаромъ, хотя и числилась отъ имени хозяина официально, но фактически принадлежала старшей незамужней сестрѣ его Натальѣ Афанасьевнѣ и она давно вела эту торговлю отъ себя, имѣя прикащицу старушку Екатерину Алексѣвну. Въ базарные субботніе дни, хозяйка продавала товары сама, а ей помогала только ея прикащица. Въ остальное-же время недѣли, торговала одна Екатерина Алексѣвна. Торговля велась старымъ способомъ съ запрашиваніемъ цѣнъ вдвое и втрое противъ цѣнъ дѣйствительныхъ. Товары продавались исключительно мануфактурные, и вся годовая выручка денегъ не превышала суммы тысячъ пятнадцати рублей. Покупателями были преимущественно сельскіе жители, и лишь изрѣдка заходили городскіе обыватели.

Черезъ два мѣсяца, послѣ моего пріѣзда изъ деревни, на

службу къ Афанасьевымъ, мнѣ предложили поступить въ упомянутую лавку продавцемъ товара, съ прибавкой жалованья до 120 р. въ годъ. Я, конечно, съ радостью принялъ это предложеніе.

Рано утромъ на другой-же день, я пошелъ во флигель Аграфены Ивановны взять ключи отъ лавки, получить ея благословеніе и идти въ Гостиный Дворъ въ занимаемую Рѣшетниковой лавку. Сама хозяйка на первый разъ дала мнѣ нѣсколько практическихъ уроковъ, какъ укладывать товары и какъ ихъ продавать покупателямъ. Прикащица ея, Екатерина Алексѣевна, была тихая, добрая старушка, а посему отнеслась ко мнѣ ласково и сердечно.

Техника торговли была такъ проста и примитивна, что я скоро ее понялъ и началъ выдвигаться впередъ быстро и успѣшно. Приходить покупательница, какая-нибудь деревенская баба и спрашиваетъ, напимѣръ, сарафаннаго ситца. Вотъ типичный діалогъ, какой ведется, бывало, въ этомъ случаѣ.

— Ну-ка, покажи мнѣ ситца сарафаннаго — спрашиваетъ баба.

— Вамъ какого? — ласковымъ вопросомъ, отвѣчаетъ продавецъ, — есть ситцы свѣтлые и темные. Не угодно-ли кубоваго, самой прочной окраски?

— Ну, покажи кубоваго.

Достается съ полки цѣлая стопа кусковъ кубоваго ситца разныхъ рисунковъ и добротъ. Развертываются куски и вытягиваются на прилавкѣ предъ покупательницей такъ, чтобы представить рисунокъ въ наиболѣе выгодномъ освѣщеніи. Баба выбираетъ ситецъ, какой ей нравится и спрашиваетъ цѣну.

— Вотъ этотъ ситецъ чего стоитъ?

— 32 коп. серебромъ, или 1 р. 12 к. ассигнаціями — не запинаясь отвѣчаетъ продавецъ.

— Что такъ дорого! Я вижу, ты запрашиваешь въ три дорога. Я не знаю что тебѣ и „подать“ (предложить).

— Сколько вамъ угодно подавайте, но ситецъ прочный, кубовый, и въ сарафанѣ будетъ прямо заглядѣнье. А вымоеете, еще будетъ ярче и красивѣе.

— Ну, ужъ ты пошелъ нахваливать! Скажи-ка, лучше, что стоитъ рѣшительно?

— Извольте, для васъ только: десять старыхъ гривенъ.

— Нѣтъ, дорого! Возьми-ка половину.

— Что вы, что вы, помилуйте, да это вѣдь убытокъ будетъ!

Даже фабрикантъ не можетъ продавать за такую цѣну. Вѣдь одна кубовая краска чего стоитъ?

Баба колеблется и молчитъ. Потомъ рѣшается и заявляетъ:

— Ну вотъ тебѣ семь гривенъ, и больше не прибавлю.

— Невозможно это. Посудите сами, вѣдь семь гривенъ — только 20 к. серебромъ. Ну хотите — вотъ вамъ цѣна: прежній рубль, а теперь $28\frac{1}{2}$ коп.

— Ну, вамъ, краснобаямъ, можно развѣ вѣрить? Берите, что даю и мѣряйте 10 аршинъ.

Баба намѣревается изъ лавки уходить. Ее надо, во что-бы то ни стало, удержать.

— Вы посмотрите-ка, какъ ситецъ этотъ проченъ—заявляетъ продавецъ и при этомъ быстро отрываетъ ленту отъ ситца.

Трескъ разрыва ткани интересуется бабу. Она подходитъ снова къ прилавку и любитъ оторванною лентой, рассматривая ткань и разорванныя нитки основы.

— Посмотрите ка, какъ блеститъ колеръ краски—снова начинаетъ продавецъ свою рекламу—нигдѣ вы такого ситца не найдете. Вотъ рядомъ Ермаковскій ситецъ, низенькой доброты и линючихъ красокъ—я возьму съ васъ цѣну за него только 20 к. Но куда-же онъ годится противъ вотъ этого?

Баба еще колеблется съ минуту, то рассматривая ленту обрыва, то спуская съ прилавка полосу ситца.

— Ну вотъ вамъ: семь гривенъ и семишникъ (22 к.), и больше я не дамъ ни гроша—заявляетъ она, намѣреваясь снова уходить изъ лавки.

— Только для васъ я отдаю за четвертакъ серебряный — отвѣчаетъ продавецъ и намѣренно завертываетъ ситецъ по старымъ штапамъ, какъ-бы желая убирать его на полку.

— Ну и не надо—заявляетъ покупательница, направляясь рѣшительно къ выходу изъ лавки.

— Пожалуйте, пожалуйста—настойчиво продолжаетъ — продавецъ—я вамъ уступлю еще копѣйку.

— Чего-же вы меня вернули, а сами опять тянете канитель? Сказано, болѣе не прибавлю.

— Дѣлать нечего, извольте отдамъ и по вашей цѣнѣ. Убытокъ вѣдь беру, только чтобы знали вы, гдѣ хорошій товаръ продается.

На самомъ дѣлѣ, ситецъ стоитъ продавцу 15 к., и его можно продавать съ хорошею пользой за 18 к. Но тенденція торговцевъ

въ тѣ времена была такая, чтобы продавать „съ запросомъ“ какъ съ кого придется. Запрашивать больше, чѣмъ двойныя цѣны, продавать товары съ 30—40 о/о пользы, считалось столь нормальнымъ, что продавецъ, умѣвшій успѣшно это дѣлать, былъ „на счету“ и пользовался славой хорошаго человѣка.

Я быстро успѣвалъ въ этой новой должности, присматриваясь по сосѣдству къ тѣмъ порядкамъ, какіе были въ крупныхъ лавкахъ того-же гостинаго двора. Мало по малу я завелъ лучшее убранство лавки и болѣе точную запись въ книгахъ, когда была продажа въ кредитъ своимъ кліентамъ. Старушка Екатерина Алексѣвна, была мною довольна и часто выставляла на видъ моей хозяйкѣ „какъ хорошо Миклушка занимается“. Теперь уже никто меня не бранилъ, и я приходилъ домой по вечерамъ, не изнуренный, а довольный. Послѣ чая, я охотно занимался съ прикащиками повѣркою счетовъ, пріемкою товаровъ и т. п., ибо это не носило уже характера принужденія.

Находясь въ лавкѣ цѣлый день, я имѣлъ много свободного времени и въ началѣ употреблялъ его на упражненіе въ переписываніи попадавшихъ подъ руку бумагъ и писемъ, чтобы, какъ твердили мнѣ хозяева, „наторѣть въ почеркѣ“. Но пришла зима, нельзя стало писать чернилами въ холодной лавкѣ, и я чаще началъ выходить въ уголъ корридора, гдѣ собирались на скамейкѣ нѣкоторые торговцы сосѣднихъ лавокъ. Тутъ я свелъ первое знакомство съ Васильемъ Прокофьевичемъ Шмурыгинымъ, которому затѣмъ обязанъ чтеніемъ первыхъ книгъ гражданского содержанія. У него въ домѣ, много лѣтъ подъ рядъ, жилъ образованный чело-вчкъ, нѣкто г. Устиновъ, который, умирая, завѣщалъ ему порядочную библіотеку изъ книгъ русской литературы. Въ ней были полныя собранія русскихъ выдающихся писателей и довольно много отдѣльных романовъ, повѣстей и историческихъ сочиненій. Г. Шмурыгинъ былъ въ то время человѣкомъ среднихъ лѣтъ, обыватель Тюмени, побывавшій въ дѣтствѣ въ уѣздномъ училищѣ, и развившійся въ общеніи съ Устиновымъ настолько, что поражалъ меня своими знаніями и замѣчательнымъ даромъ слова. Сидя со мною на скамейкѣ корридора, онъ часто мнѣ рассказывалъ содержаніе нѣкоторыхъ книгъ, относясь всегда критически къ прочитанному сочиненію. Прежде всего, онъ началъ систематически давать мнѣ книги для прочтенія изъ его библіотеки. Первая книга, какую онъ мнѣ посоветывалъ прочесть—была „Юрій Милославскій“ Загоскина. Я не помнилъ себя отъ радости, когда

читалъ этотъ романъ. Секретно, конечно, я принесъ книгу домой и, дождавшись ночи, на-глухо завѣсилъ окна, чтобы не видно было со двора свѣта, дабы не возбуждать неудовольствія хозяевъ. Когда я возвращалъ прочитанную книгу Шмурыгину, онъ потребовалъ отъ меня разсказа ея содержанія и, видя, что я разсказываю неумѣло и нескладно, посовѣтывалъ прочесть ее вторично. Двѣ зимы и лѣто продолжалось мною чтеніе книгъ библіотеки Устинова, при постоянномъ руководствѣ Шмурыгина.

Я подросталъ и развивался умственно настолько, насколько позволяли мои практическія служебныя занятія въ лавкѣ и въ домѣ моихъ хозяевъ.

Торговля въ лавкѣ мануфактурою давала мнѣ значительный запасъ свободнаго времени, но и въ ней были своего рода „шипы“, о которыхъ вспоминается теперь съ горечью и болью. Такъ зимою, несмотря на холодъ, доходившій иногда до 35° Реомюра, приходилось мѣрить ткани желѣзнымъ аршиномъ и пересчитывать мѣдныя деньги голыми руками, а это вело къ тому, что нѣсколько разъ въ теченіе зимы я отмораживалъ себѣ, бывало, пальцы обѣихъ рукъ. И это горе было выносимо. Всего-же хуже и труднѣе было спать ночами въ холодномъ балаганѣ, въ продолженіи января, когда въ Тюмени открывалась Васильевская ярмарка и нужно было на это время перемѣщаться изъ гостинаго двора во временныя лавки. Балаганы, гдѣ мы торговали, наружно охранялись сторожами, но такъ какъ въ балаганахъ не было дверей, а только западни, изъ которыхъ, на день, одна нижняя половина служила прилавкомъ, а другая на шарнирахъ поднималась кверху, — то и надо было ночью сторожить товаръ внутри, за плохо замкнутыми западнями. Эта служба приходилась и на мою долю. Бывало, въ сумерки идешь домой напиться чаю и поужинать, а потомъ въ сопровожденіи двороваго человѣка, отправляешься ночевать въ дырявый балаганъ, въ которомъ и запираютъ меня снаружи висячими замками, унося ключи домой. Утромъ около 7 часовъ, тотъ-же дворовый человѣкъ приходилъ отворять замки, для выпуска меня оттуда, и замыкалъ ихъ снова до полнаго разсвѣта. Вставая изъ подъ шубы и кочьмы, бывало, дрожишь отъ холода напропалую, одѣваешься на скоро и полной рысью бѣжишь домой, чтобы сколько нибудь согрѣться. Какъ я это выносилъ въ теченіи мѣсяца, не схвативъ горячки, до сихъ поръ не понимаю! И никому не приходило въ голову, что случись пожаръ въ этихъ временныхъ рядахъ, построенныхъ изъ тонкаго теса и досокъ, гдѣ

люди спали, запертые висячими замками, ключи отъ которыхъ унесены въ квартиры, мы всѣ погорѣли-бы заживо. Морозъ по кожѣ пробираетъ меня даже теперь, когда я вспомню время этой ярмарки.

Спустя два года послѣ начала моей службы, продавцомъ товаровъ въ лавкѣ, я приобрѣлъ на столько довѣрія отъ хозяевъ, что они разрѣшили мнѣ сдѣлать нововведеніе въ способъ продажи. Меня постоянно возмущали запросъ цѣнъ и обманъ довѣрчивыхъ покупателей: претило увѣреніе въ завѣдомой неправдѣ, выдавая ложь за истину. По этому я задумалъ объявить цѣны безъ запроса и съ такою цѣлью помѣстити надъ лавкой вывѣску, гласящую:

„Цѣны безъ запроса“.

Многіе кому я ранѣе рассказывалъ о моемъ проектѣ, находили его несбыточнымъ и непрактичнымъ. Даже пріятель мой Шнурьгинъ находилъ его преждевременнымъ. Ты подумай—говорилъ онъ — кто повѣритъ намъ, что мы, цѣлые вѣка увѣряя нашихъ покупателей въ неправдѣ, вдругъ въ одинъ присѣсть, сразу все измѣнимъ и скажемъ ему правду? Да развѣ покупатель этому повѣритъ? Никогда. А если такъ, то перестанутъ покупать товаръ и для тебя наступитъ поражение“. Старушка Екатерина Алексѣевна сомнительно качала головою, приговаривая: „Господи Иусе, какое ты Миколушка затѣялъ неслыханное дѣло“. Но я крѣпко вѣрилъ въ успѣхъ дѣла; настаивалъ на немъ упорно и наконецъ добился отъ хозяевъ разрѣшенія на полное его примѣненіе.

Съ лихорадочною поспѣшностью разцѣнилъ я товары съ 20⁰/₀ барыша, написавъ крупно цѣны на кускахъ матеріи и повѣсилъ надъ лавкой мою вывѣску, гдѣ большими буквами было нарисовано: „Цѣны безъ запроса“. Все это произвело въ мѣстномъ захолустѣ большую сенсацию и заставило говорить обывателей, какъ о нѣкомъ событіи изъ ряда вонъ выходящемъ. Я началъ торговать по новому методу. Никто сначала мнѣ не вѣрилъ, и покупатель уходилъ изъ лавки безъ покупки, не добившись сбавки цѣнъ. Въ первые дни торговля продолжалась плохо, а въ базарный день, субботу, выручка едва достигла четверти того, что обыкновенно выручалось. Но за то молва объ этомъ разошлась по цѣлому уѣзду. Я нѣсколько пріунылъ, хотя вѣра въ конечный результатъ меня поддерживала, и я настойчиво продолжалъ вести новую систему продажи. Къ концу мѣсяца, однакожъ, торговля улучшилась, а потомъ

постепенно расширялась дальше, пока не опредѣлилась лучше прежней. Я былъ героемъ дня и съ гордостью смотрѣлъ, какъ новая система заслуживала между кліентами лавки все больше и больше довѣрія. Хозяинъ мой теперь часто освѣдомлялся о положеніи дѣла и видимо доволенъ былъ самъ моимъ нововведеніемъ.

Въ первые года моей службы каждое лѣто, мы ѣздили съ товарами для продажи на торжокъ въ село Каменское, отстоящее въ 28 верстахъ отъ г. Тюмени. Народу собиралось „въ Каменкѣ“, въ храмовой праздникъ „Прокопьевъ день“, по мѣстному выраженію видимо не видимо и торговля всѣми сельскими товарами бывала изъ ряда вонъ хорошая. Изъ Тюмени прибывалъ туда крестный ходъ, и это придавало сельскому торжку видъ заправской ярмарки. Кругомъ церкви шли квадратомъ маленькія деревянныя лавки, носившія громкое названіе Гостиного Двора, въ которыхъ бойко торговали—краснымъ товаромъ, мелочью, пряниками, и тамъ-же выдѣлялись постоянною толпой народа лавочки съ косами и серпами; звонъ стоялъ кругомъ отъ постоянно ударяемыхъ о дерево стальныхъ „литовокъ“. Вся внутренняя площадь Гостиного Двора занята была толпой народа; весь отлогій берегъ, внѣ его, по направленію къ рѣкѣ Турѣ, сплошь былъ заставленъ рядами телѣгъ и складовъ на землѣ, гдѣ продавались и покупались—ковры, рогожи, холстъ, конопляное сѣмя, сермяги, туесы и кузовья*).

У самой рѣки устраивался рядъ временныхъ шалашей, съ очагами для огня, гдѣ готовились „пряженики“ и гдѣ разгуливающая молодежь веселилась и пѣла пѣсни. Косогоръ занимался также молодежью въ яркихъ праздничныхъ нарядахъ. Здѣсь-же часто разрѣшались семейные вопросы о женихѣ или невѣстѣ. Густыми толпами виднѣлись „круги“, среди которыхъ происходила борьба „подъ пояски“, и гдѣ героемъ дня часто выступалъ Антошка Лазаревъ, поборовшій постепенно до 70 человекъ къ ряду и не имѣя болѣе соперниковъ, „уносившій кругъ съ собою“. На самомъ гребнѣ берега длинными рядами стояли мужчины и, женщины, желавшіе наняться на лѣтнюю работу „отъ сегодня до Покрова“; между ними выступали наниматели, желавшіе найти себѣ работника иль „пострадульку“. Тамъ и сямъ слышались хоры пѣсennиковъ, смѣшанные голоса и звуки, и надъ толпой носился постоянный гулъ многотысячнаго сборища.

*) Котомка изъ бересты особеннаго типа.

Я не довольствовался уже той ареной дѣятельности, какую представляла мѣстная торговля, и предложилъ хозяевамъ развить ее поѣздкою съ товарами въ большую ярмарку — Бобровскую, происходившую отъ Тюмени въ 100 верстахъ разстоянія. Эта ярмарка продолжалась 2 недѣли и занимала время съ 15 по 30 іюня. По обыкновенію, изъ Тюмени снаряжалось нѣсколько каравановъ изъ торговцевъ и нанимались возчики „на долгихъ“ для доставленія въ Бобровку какъ торговыхъ людей, такъ и товаровъ. Ызда тянулась медленно, обозомъ лошадей въ 15—20, съ остановками для кормежки лошадей и ночлега пассажировъ гдѣ-нибудь на берегу рѣчки или озера. Каждый годъ подобная поѣздка составляла цѣлое событіе среди монотоннаго строя нашей городской торговли. Она представляла, по крайней мѣрѣ для меня, какъ-бы повтореніе той поѣздки, когда мы ѣздили изъ Кулаковой за брусничкой. Здѣсь было только большее удобство и сравнительный комфортъ, чѣмъ тогда въ деревнѣ, и не было опасности отъ топкого болота по дорогѣ и встрѣчъ съ медвѣдями въ лѣсу. Все-же остальное—гладкая дорога, чистый воздухъ, сосновые лѣса, поляны, разложенный костеръ огня, ночлегъ подъ открытымъ небомъ — представляли собою одно глубокое наслажденіе.

Ярмарка представляла собою, какъ-бы повтореніе торжка въ селѣ Каменскомъ, но только была продолжительнѣе, нѣсколько обширнѣе, а потому для торговли выгоднѣе. Описывать ее—считаю бесполезнымъ повтореніемъ.

* * *

Знакомство мое съ В. П. Шмурыгинымъ, служившимъ мѣщанскимъ старостой въ городѣ, указало намъ дорогу—хлопотать о томъ, чтобы, перечислившись въ мѣщане, тѣмъ самымъ выдѣлиться изъ ревизскихъ сказокъ большой крестьянской семьи и избѣжать солдатчины. Для этого требовался увольнительный приговоръ отъ деревни, пріемный отъ мѣщанскаго общества и утвержденіе такового мѣстною Казенною Палатой. Какихъ большихъ и унижительныхъ хлопотъ стоило намъ получить увольнительный приговоръ сельскаго общества, мнѣ съ горечью вспоминается даже и теперь. Отецъ мой предлагалъ деревнѣ за этотъ приговоръ всѣ наши угоды (пашни, покосы, лѣса) и кромѣ того денегъ 100 р., но ничто не помогало. Общество отказывало на отрѣзъ. Но когда нѣкоторымъ міроѣдамъ даны были подарки, поставлено 5 ведеръ водки и нѣсколько пудовъ орѣховъ обществу,

увольнительный приговоръ сразу былъ составленъ. И Боже мой, какія сцены пьянства и разгула въ кабацѣ вызвала поставленная водка! Кабакъ стоялъ какъ разъ напротивъ зданія волости; дѣлежъ водки и орѣховъ занялъ все пространство улицы. Я помню ужасъ моего отца, не употреблявшаго ни пива, ни вина, когда смотрѣлъ онъ на эти отвратительныя сцены, приговаривая, что „только сатана придумалъ водку“.

Получить пріемный приговоръ мѣщанскаго общества въ городѣ стоило меньшаго труда и денежныхъ расходовъ, хотя и тутъ много зависѣло отъ своихъ мѣщанскихъ міроѣдовъ. Вслѣдъ за этими приговорами, мнѣ пришлось ѣхать въ Тобольскую Казенную Палату, гдѣ, благодаря протекціи покойнаго Н. А. Тюфина, очень скоро все было устроено благополучно. Я вернулся въ Тюмень уже сыномъ мѣщанской семьи, и мы вздохнули наконецъ свободно отъ висѣвшаго надъ нами Дамоклова меча. Я никогда не видывалъ большей радости у матери и отца, чѣмъ тогда, когда они узнали, что сына ихъ наконецъ-то не возьмутъ въ солдаты.

Но недолго продолжалось это радостное и семейное настроеніе. Черезъ какой-нибудь годъ времени объявленъ былъ новый законъ о воинской повинности, и мнѣ, хотя одиночкѣ, приходилось подвергнуться жеребьевкѣ. Въ семьѣ у насъ опять наступили тревожныя времена. Приходилось снова рѣшать вопросъ, покупать ли рекрутскую квитанцію, прінскивать-ли наемщика или, наконецъ, записывать меня въ купцы 3-й гильдіи. Благодаря помощи моего хозяина, быстро удалось превратить меня изъ мѣщанина въ купца и на этотъ разъ уже навсегда покончить съ кандидатурою моею подъ красную шапку.

VIII.

Къ свѣту и волѣ.

Эъ 1856 году, въ моей духовной жизни совершилось одно событіе, заставившее меня усиленно идти къ возможному самообразованію. Хозяинъ мой Рѣшетниковъ въ это время выписалъ изъ Вятки новаго прикащика, Михаила Анфимовича Рылова, молодого человѣка, кончившаго курсъ мѣстнаго уѣзднаго училища, а посему писавшаго грамотно и правильно. Свѣжій человѣкъ, больше меня видѣвшій и знавшій свѣта, даже, какъ мнѣ тогда казалось, довольно ученый, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и мы съ нимъ скоро сошлись въ товарищескія хорошія отношенія. Какъ то разъ я показалъ ему нѣсколько моихъ стихотвореній, явившихся подрожаніемъ балладамъ Жуковскаго, и получилъ отвѣтъ, что нельзя писать стихи, не зная грамматики. Не долго думая, я на слѣдующій-же день купилъ въ уѣздномъ училищѣ грамматику и началъ проходить ее пока подъ руководствомъ Рылова. Но учить грамматику въ лавкѣ, на виду у всѣхъ, было очень трудно; заниматься дома ночью и украдкой и того труднѣе, потому что это скоро вызвало-бы со стороны хозяевъ строгое порицаніе. Я долго ломалъ голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса и пришелъ опять къ тому-же заключенію, что единственный исходъ въ моемъ положеніи—это заниматься только урывками и посвящать ученію праздничные дни. Долго-ли продолжались эти занятія, я теперь не помню, но видимо для ментора моего они стали казаться утомительными и мнѣ пришлось снова ограничиваться „самоучкою“.

Въ эти времена, мы съ Рыловымъ читали много книгъ и занимались даже стихотворными посланіями одинъ къ другому. У насъ заведены были альбомы съ надписью: „Все, что есть, мое“, куда мы заносили свои стихотворенія. Мнѣ почему-то нравились

особенно баллады Жуковского, и я старался подражать ихъ размѣру; Рыловъ-же сочинялъ стихи на темы реальной, обыденной жизни. Трудясь надъ этимъ, мы послушались одного здраваго сомнѣнія, въ насъ заговорившаго и рѣшились показать стихи учителю словесности въ уѣздномъ училищѣ Николаю Ивановичу Яковлеву. Этотъ прекрасный, душевный человѣкъ принялъ насъ ласково и одобрительно, предложивъ намъ оставить у него альбомы на просмотръ. Когда-же мы явились къ нему за приговоромъ, онъ вѣжливо, но искренно отвѣтилъ намъ, что поэты мы плохіе, и въ доказательство своего мнѣнія прочелъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Лермонтова, наглядно показавъ, какъ плохо мы владѣемъ стихотворной формою. Въ особенности Яковлевъ порицалъ стихи товарища моего Рылова, находя, что они чужды всякой музыкальности. Но мнѣ-же онъ отнесся нѣсколько снисходительно, замѣтивъ, что при неумѣнніи моемъ владѣть стихомъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проглядываютъ искорки поэзіи.

Разочарованные, вернулись мы домой съ своими альбомами стихотвореній. Товарищъ мой, какъ болѣе нетерпѣливый, взялъ топоръ и тутъ-же изрубилъ альбомъ на мелкіе кусочки. Я-же долго хранилъ свое сокровище, по временамъ въ него заглядывая, пока наконецъ его не затерялъ.

Читать книги охота была сильная, а покупать ихъ, выписывая изъ Москвы, средствъ не было. Ни публичной библіотеки, ни городской читальни въ Тюмени и въ поминѣ тогда не было. Лишь у нѣкоторыхъ богатыхъ лицъ имѣлись маленькія собранія книгъ, но они крѣпко запирались въ шкафы и достать ихъ оттуда для прочтенія не было для насъ возможности. Къ числу такихъ владѣльцевъ библіотекъ принадлежалъ богатый человѣкъ въ Тюмени, Е. А. Котовщиковъ, имѣвшій мальчикомъ при комнатахъ нѣкоего Степу Шаршавина. Этотъ Степа часто заходилъ ко мнѣ въ лавку и видя, что я постоянно что нибудь читаю, высказалъ однажды, что вотъ у хозяина его хранятся въ шкафу такія замѣчательныя книги, что даже переплеты ихъ украшены золотомъ.

— Ахъ, вотъ-бы почитать то! — невольно вырвалось восклицаніе у меня.

— Ну что-же, хочешь я принесу тебѣ одну книжку? Читай на здоровье— отвѣтилъ Степа.

— Сдѣлай милость, вѣкъ не забуду — упрасивалъ я.

— Только вотъ что: книгу заверни въ бумагу и читай такъ, чтобы книгу никто не увидалъ. А то на первомъ листѣ написана

фамилія „самого“ и, бѣда будетъ мнѣ и тебѣ, если кто-нибудь объ этомъ ему скажетъ.

Итакъ, каюсь, книги вынимались изъ шкафа ихъ владѣльца не совсѣмъ легально; я зналъ объ этомъ, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ, и я не могъ устоять предъ нимъ и пользовался чужою собственностью безъ вѣдома владѣльца. Книга за книгой, я перечиталъ „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина, сочиненія Марлинскаго, Вальтеръ Скотта и проч. Владѣлецъ книгъ такъ и умеръ, не зная, что когда-то, томъ за томомъ, его сокровища тихонько вынимались изъ шкафа, прочитывались чужимъ человѣкомъ и ставились опять на свои мѣста.

Рыловъ и я завели свою секретную библіотечку, выписывая изъ Москвы пока одни учебники и руководства — онъ по технической химіи, а я по физикѣ. Какъ-то разъ я прихожу домой изъ лавки и вижу Рылова, стоящаго на колѣняхъ у лѣстницы ведущей въ наши комнаты и восклицающаго: „ура! химія и физика пріѣхали!“ Вечеромъ, когда всѣ уgomонились, мы тщательно закрыли окна, чтобы свѣтъ не проникалъ наружу и усѣлись за присланныя руководства. Но какое-же постигло насъ разочарованіе, когда мы тамъ нашли цѣлыя строки и столбцы, наполненные алгебраическими формулами, въ которыхъ ни онъ, ни я ничего не понимали! Чего мы не придумывали, чтобы побѣдить неожиданное затрудненіе, ничего у насъ путнаго не выходило, а потому мы рѣшили, что я пройду къ учителю ариѳметики Семенову попросить совѣта, какъ-бы намъ изучить алгебру. Учитель Семеновъ выслушалъ меня въ передней, и расхохотался мнѣ въ глаза, проговоривъ: „ишь, что выдумалъ — алгебру учить! Иди-ка домой, мнѣ некогда съ тобой разговаривать“.

Эта неудача нашего рвенія однако не остановила. Въ слѣдующій-же праздникъ, я и Рыловъ съ тѣми-же запросами явились къ смотрителю училищъ Неугодникову, который также, какъ и его келлега Семеновъ, выпроводилъ насъ обратно съ нотаціей—не браться за чужое дѣло.

Впослѣдствіи, когда я попривыкъ писать нѣсколько литературно, этотъ случай вызвалъ даже мѣстную полемику въ неофициальной части „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ между мною и смотрителемъ уѣзднаго училища Неугодниковымъ.

Наши учебныя занятія и чтеніе книгъ не могли долго укрываться отъ вниманія нашего хозяина. Какъ-то разъ, откуда-то вернувшись въ наши комнаты, мы нашли нашъ шкафъ откры-

тымъ и книги наши унесенными. Мы догадались, что тутъ ходила хозяйская рука, и что за эти книги будетъ намъ головомойка. Мы ждали ее со страхомъ и нетерпѣніемъ. Въ тотъ-же вечеръ позвали насъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ сидѣла и мать его, старушка Аграфена Ивановна.

— Вы что это, книги завели?—строго заговорилъ хозяинъ— и проводите время за чтеніемъ ихъ, а хозяйскимъ дѣломъ манкируете? Вотъ посмотри-ка маменька, развертывая книгу и показывая ее неграмотной матери, продолжалъ хозяинъ—что у нихъ за книги: физика Писаревского, техническая химія Ходнева, сочиненія Жуковского!

— Я давно говорю — отвѣтила Аграфена Ивановна — къ добру это не поведетъ. Ну читали-бы что божественное, а то нако-ся,—какъ ты, Ванюша, назвалъ книгу то?

— Физика, маменька.

— Господи помилуй! Фезика какая-то. Отъ роду моего не слыхала такой книги. И на что имъ она?

— Намъ хочется узнать, что такое теплота, свѣтъ—заявилъ я запинаясь.

— Да развѣ вы не знаете, что солнышко свѣтитъ, а огонь грѣетъ? Какого вамъ рожна еще нужно?

— А я хочу узнать, какъ корье дѣйствуетъ на кожу — вставилъ мой товарищъ.

— Иди въ заводъ и работай, вотъ и узнаешь — рѣзко и наставительно перебилъ его хозяинъ.

Мы замолчали.

Хозяинъ сердито перелистывалъ Жуковского и снова заговорилъ:

— Корье, какое тамъ корье! Вотъ они учатся, какъ лучше пѣсни сочинять. Въ этой книгѣ, маменька, есть такое, что и прочитать-то срамъ.

— Безстыдники—заклчила Аграфена Ивановна и поднялась сердито съ своего мѣста.

— Возьмите ваши книги—рѣзко заявилъ хозяинъ — и что бы я больше ихъ у васъ не видѣлъ. Занимайтесь лучше дѣломъ.

Мы молча захватили наши книги и вышли вонъ изъ кабинета хозяина, точно пойманные на преступленіи, радуясь въ душѣ, что дешево еще отдѣлались. Съ этихъ поръ, мы удвоили осторожность, и когда читали и учили что-либо, то завѣшивали окна ночью и прятали книги на день гдѣ нибудь подъ ящикъ. Къ учителю

Яковлеву мы ходили только въ праздничные дни, когда хозяинъ уѣзжалъ къ обѣднѣ: я сдавалъ уроки изъ грамматики, а Рыловъ просилъ отвѣта на какіе-нибудь трудные вопросы, какіе представляла научная терминологія технической химіи. Иногда для насъ дѣлался разборъ какого-нибудь литературнаго произведенія. Вообще, учитель Яковлевъ былъ для насъ такой чудный руководитель, что сердечная благодарность ему останется у насъ въ глубинѣ души, какъ говорится, до гробовой доски.

Какъ-то разъ Рыловъ написалъ корреспонденцію въ „Московскія Вѣдомости“, и газета ее напечатала. Это подняло его въ глазахъ у всѣхъ. У меня также зародилось соревнованіе, и я рискнулъ послать мою корреспонденцію о Бобровской ярмаркѣ въ „Казанскій Экономическій Журналъ“. Корреспонденція была тоже напечатана и притомъ съ моей полной подписью. О насъ въ Тюмени заговорили, какъ о чемъ-то, невиданномъ и неслыханномъ въ торговомъ мірѣ. Къ хозяину нашему стали пріѣзжать гости — чиновники города и купцы — и спрашивать его, что у него за прикащики, что „въ газетахъ даже пишутъ“? Это видимо ему польстило и съ этихъ поръ, отношенія его къ намъ и нашимъ литературнымъ занятіямъ стали мягче, и насъ начали удостоивать разговоромъ. Я изъ Николая превратился въ „Николашу“, а товарищъ мой изъ Рылова въ „Мишеля“. Разъ хозяинъ даже позвалъ меня къ себѣ, прося прочесть какое-нибудь мое сочиненіе въ присутствіи его гостя, того самого Рѣшетникова, котораго когда-то въ деревнѣ, называлъ дядя Семенъ „именитымъ“. Я не помню что я имъ прочелъ, но похвалы гостя видимо пріятны были моему хозяину; онъ ликовалъ и какъ-бы говорилъ своимъ видомъ и осанкой, что вотъ-моль, каковы его прикащики — ребята, сочиняютъ и въ газеты даже пишутъ“.

Манія учиться въ то время завладѣла мною сильно. Я написалъ, между прочимъ, самоучитель французскаго языка, какую то книжонку съ Никольскаго рынка въ Москвѣ, по которой будто бы на русскихъ буквахъ можно выучиться — „читать, писать и говорить по французски“. Я возился съ нею нѣсколько недѣль, твердя наизусть: „ломъ—человѣкъ, съѣлъ—небо“, пока какой-то добрый человѣкъ не растолковалъ, что я напрасно трачу время. Потомъ судьба столкнула меня, съ старымъ семинаристомъ, который соблазнилъ меня учиться греческому языку; скоро потомъ долженъ былъ онъ сознаться, что зналъ его давно и теперь ужъ многое забылъ. Мы оставили въ покоѣ греческій языкъ, но часто раз-

суждали о религіозныхъ вопросахъ вообще и старообрядческихъ въ частности. Какъ-то рѣчь зашла объ „Олонецкихъ отвѣтахъ“ Діонисова, которыхъ онъ не зналъ и не видалъ. Я выпросилъ у хозяевъ эту рѣдкую рукопись съ рисунками на поляхъ „перстнаго сложенія“ и далъ ему для прочтенія. Въ одно изъ своихъ посѣщеній онъ похвастался, что умѣетъ писать книги по славянски и копировать рисунки, и что, если я хочу, онъ спишетъ эту книгу „точка въ точку“ только за 5 р. вознагражденія *). Я согласился. Но подсмотрѣлъ-ли кто-нибудь такое преступленіе и донесъ о томъ городничему, самъ-ли мой знакомый гдѣ-нибудь проболтался,—только разъ приходитъ ко мнѣ полицейскій солдатъ съ приказомъ явиться завтра утромъ къ городничему въ квартиру.

Я обомлѣлъ отъ страха, зная его взяточничество и придирки. Бросился-было къ хозяину, прося защиты, но тотъ отвѣтилъ, что городничій и на него за что-то сердится и что онъ слышалъ, что „разстригу моего“ за переписку „Олонецкихъ отвѣтовъ“ упрятали въ кутузку. „Не слѣдовало переписывать, вотъ и вся штука“—укоризненно замѣтилъ мнѣ хозяинъ, но прибавилъ, что завтра надобно идти къ городничему и взять съ собою 25 р. для подарка.

На другой день рано утромъ, я былъ уже въ приѣмной градоправителя.

— Ты что задумалъ? Распространять еретическія книги?—напустился на меня городничій!—Да знаешь-ли ты, что за это полагается? Посадить тебя въ острогъ, а потомъ сослать въ Бerezовъ!..

— Я только изъ любознательности далъ переписать это сочиненіе и вовсе не думалъ распространять его—замѣтилъ я упавшимъ голосомъ.

— Знаю я вашу любознательность—перебилъ меня городничій—сегодня перепишетъ одинъ, завтра дастъ другому, а тамъ и пошло совращеніе въ расколъ...

— Ваше высокоблагородіе, не можете-ли удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ времени наединѣ? Я имѣю вамъ сообщить нѣчто по секрету,—отвѣтилъ я.

— А! хорошо!

Мы перешли въ его кабинетъ и затворили дверь.

Я молча положилъ на столъ 25 р., прибавивъ:

*) 5 расс. = 1 р. 43 к. сер.

— Сдѣлайте милость, прекратите это дѣло.

— Ты просишь прекратить? — сказалъ онъ мягко. — Только жалѣя твою молодость, я не буду производить слѣдствія, но чтобы сегодня-же было мнѣ доставлено еще столько-же, сколько ты тамъ положилъ! Иначе прикажу тебя арестовать и посадить въ острогъ.

Я замиралъ отъ страха и обѣщалъ добавить 25 р., лишь-бы только не сидѣть въ острогѣ, что по тогдашнимъ временамъ, легко могъ сдѣлать городничій.

Въ тоже время, другая меньшая напасть, тоже съ книгой, постигла меня вотъ по какому случаю. Чрезъ Шмурыгина я свелъ знакомство съ однимъ священникомъ, съ которымъ мы иногда, по-долгу бесѣдовали о старообрядцахъ и ихъ отношеніяхъ къ намъ. Священникъ былъ глубоко религіозный, прекрасный человѣкъ и часто жаловался мнѣ, что не можетъ достать книги Симеона Діонисова о паденіи Соловецкаго монастыря, которую ему хотѣлось бы прочесть. Я проговорился, что могу достать, но только книга рѣдкая и цѣнная, а посему — прибавилъ я — онъ долженъ дать мнѣ слово, что книгу только прочитаетъ и сейчасъ-же возвратитъ. Слово было дано и книга ему вручена. Но вышло такъ, что священникъ написалъ объ этомъ въ консисторію, которая потребовала присылки самой книги; мнѣ-же онъ отвѣтилъ, что обязанъ былъ такъ сдѣлать. Я вынужденъ былъ заплатить за книгу 30 р., не говоря уже о томъ, какіе непріятности я вынесъ отъ ея владельцевъ.

* * *

Между тогдашними нашими пріятелями, былъ одинъ оригинальный человѣкъ, кузнецъ Яковъ Удаловъ. Никто лучше его не ковалъ въ городѣ лошадей, никто лучше не оковывалъ „долгушъ“ и „дрожекъ“. Всякая старая машина, ружье, затѣйливый замокъ занимали его и онъ слылъ въ Тюмени чудакомъ-механикомъ. Отецъ его былъ „шваль“, т. е. шилъ кожанныя рукавицы, но сынъ Яковъ, настоялъ отпустить его въ работники къ кузнецу и къ 30-лѣтнему возрасту имѣлъ уже свою кузницу и прославился работой. Яковъ Удаловъ былъ неграмотенъ, но цѣлые вечера, бывало, просиживалъ надъ книгою „Механика“ Писарева, рассматривая рисунки машинъ и оптическихъ приборовъ. Всегда молчаливый и серьезный, съ черными блестящими глазами, сидитъ и слушаетъ, бывало, какъ кто-нибудь изъ насъ читаетъ что-нибудь беллетристическое, а порою не утерпитъ и скажетъ:

— Какую пустяковину читаете вы, господа! Вотъ, если-бы божественное вы читали, или что нибудь про машины, то людямъ была-бы польза, а это что?

— Ахъ, Яковъ Ивановичъ, опять ты за свое принялся—отвѣтимъ мы ему. — А что-же, вѣчное движеніе подвигается у тебя впередъ?

— Что-же вѣчное движеніе.? Это штука поважнѣе вашихъ книжекъ. У меня, вонъ, только не хватаетъ полъ-зубца въ ходу колесика, а то бы и совсѣмъ готово было.

— Да покажи ты намъ хоть разъ твое „перпетуумъ-мобиле,—пристаемъ мы къ нему.

— Ну нѣтъ, не просите, не покажу! Вотъ, Богъ дастъ, когда полъ-зубца послѣдніе осилю, ну, тогда другое дѣло, приходите и смотрите.

Необыкновенно соблазнительнымъ казалось намъ имѣть лодку-самоходъ, съ механическимъ двигателемъ, на которой мы могли-бы плавать по р. Турѣ и вотъ, толкуя съ Удаловымъ какъ-то о машинахъ, мы рѣшили начать строить эту лодку-самоходъ на товарищескихъ началахъ: лодка, желѣзо и рабочіе—наши, а работа механика Удалова. Товарищество наше составляли: я, Рыловъ, Сила и Прохоръ. Мѣсяцъ цѣлый продолжались у насъ оживленные дебаты и работы надъ этой лодкой. И вотъ, какъ-то въ праздникъ, мы встали на разсвѣтъ и отправились на рѣчку Монастырку, чтобы собрать тамъ нашъ самоходъ и, плывя рѣкою, удивить Тюменцевъ новымъ изобрѣтеніемъ. На берегу рѣчки собрали мы нашу лодку. Все готово, колеса съ лопастями по бокамъ, какъ у парохода, внутри колѣнчатая рукоятки съ колесами и шестернями для вращенія. Мы попробовали вертѣть механизмъ и оказалось, что на сушѣ прекрасно работали гребныя колеса! Восторгу нашему не было границъ.

Лодка, наконецъ, спущена на воду. Мы усѣлись внутри, выплыли въ рѣку и понеслись по ея теченію. Рабочіе вертѣли рукоятки; лопасти колесъ легонько загребали воду и лодка наша двигалась исправно. На берегахъ рѣки явилась публика, глядя на невиданное чудо. Намъ неслись оттуда одобрительные крики и мы почти торжествовали. Но, какой-же горестный конецъ ожидалъ насъ! Какъ только повернули лодку противъ теченія рѣки, такъ оказалось, что ея машина совершенно слабосильна, и наша лодка двигалась впередъ едва замѣтно, не смотря на большія усилія рабочихъ, вертѣвшихъ рукоятки.

Таже публика по берегамъ, что насъ одобряла раньше, начала смѣяться надъ нами безпощадно. Мы растерянно смотрѣли другъ на друга и не знали, гдѣ-бы выбрать мѣсто для причала лодки. Кое-какъ мы пристали къ кожевеннымъ плотамъ, но толпа и тутъ насъ окружила, издѣваясь надъ нашей неудачей. Со стыдомъ поспѣшили мы домой, гдѣ дворня дома хохотала „до упаду“ надъ нашимъ пароходомъ. И долго намъ потомъ не давали проходу, смѣясь надъ нами и дѣлая вопросы: „а ну, какъ вашъ пароходъ? Какая такса будетъ за пассажирскіе билеты?“

Яковъ Удаловъ задумалъ потомъ строить въ своей кузницѣ паровую машину, съ какими-то новыми прибавленіями. Безъ устали работалъ онъ надъ этимъ дни и ночи. Машина была уже почти готова. Но въ то-же время, какъ на грѣхъ, гдѣ-то онъ купилъ старое, тяжелое ружье и, пробуя стрѣлать усиленнымъ зарядомъ, попалъ на несчастье: стволъ ружья около казенника разорвало, и Яковъ Удаловъ лишился четырехъ пальцевъ лѣвой руки. Это горе и болѣзнь сломили богатырскую натуру Удалова. День за днемъ, онъ сталъ задумывается больше и больше и наконецъ сошелъ съ ума, сначала буйно и неистово, такъ что нѣкоторое время былъ прикованъ цѣпью у стѣны, а потомъ мало по малу впалъ въ тихое но безвозвратное помѣшательство. Въ этомъ состояніи Яковъ Удаловъ и умеръ.

*
* *
*

Между родственниками моими, проживавшими въ Тюмени, были двѣ замужнія тетки (сестры матери) изъ которыхъ одна, крестная мать моя, Марья Егоровна, жила сравнительно богато, имѣя съ мужемъ постоянный дворъ, а другая, тетка Авдотья Егоровна, была замужемъ за ремесленникомъ и, хотя жила не такъ богато, какъ первая, но все-таки въ довольствѣ и достаткѣ. И та и другая тетка, были замѣчательны по энергіи и дѣловитости, управляли домомъ и промысломъ отъ имени мужей, и были душою своего дѣла. Одна держала въ городѣ постоянный дворъ, замѣнявшій порядочную гостинницу, а другая вела скорняжное ремесло бѣличихъ мѣховъ съ полнымъ и возрастающимъ успѣхомъ. Одинъ, изъ дядей моихъ, (мужъ тетки Авдотьи Егоровны) былъ добрый душевный человекъ, немного временами запивавшій, но отличался тѣмъ, что успѣшно вылѣчивалъ „опасную“ болѣзнь (сибирскую язву) на людяхъ и животныхъ. Оффиціальныя ветеринары много разъ запрещали ему эту его профессію, но каждый разъ, когда

эпидемія возникала и когда они не могли съ ней справиться,— тогда городская администрація, разрѣшала дядѣ практику лѣченія, и онъ тогда не зналъ ни отдыха, ни покоя, помогая каждому человѣку нуждающемуся въ его лѣченіи. Платы за труды онъ ни съ кого не бралъ, исключая копѣчныхъ расходовъ на лѣкарство. Чѣмъ онъ эту болѣзнь лѣчилъ, многіе содержимое лѣкарствъ знали, но никто не зналъ, чему обязанъ дядя своимъ успѣхомъ, потому что тѣ-же лѣкарственные матеріалы, изъ другихъ рукъ, ни кому не помогали. Дядя всегда надъ лѣкарствами молился Богу и что-то долго нашептывалъ. Этому собственно и приписывалась всѣмъ чудодѣйственная сила дядинаго лекарства.

Я часто спрашивалъ его, что такое онъ нашептываетъ, но получалъ одинъ и тотъ-же неизмѣнный отвѣтъ, что это „Божескій секретъ“, который онъ могъ-бы, умирая, передать только кровному лицу, сыну или отцу, а такъ какъ у него ни сына ни отца въ живыхъ не было, то и секретъ вмѣстѣ съ нимъ сойдетъ въ могилу. Я иногда смѣялся надъ „шопотами“ дяди, но результаты представлялись поразительными. Бывало, больное животное едва къ нему приведутъ, ужъ прямо-таки обреченное на то, что оно „подохнетъ“, но животное отъ его лекарствъ неизмѣнно выздоравливало. Позовутъ его порою и къ больному человѣку этой же болѣзью, и я не слыхивалъ примѣра, чтобы больной не оправлялся. Судить и насмѣхаться надъ суевѣріемъ народа можно, сколько угодно, но факты иногда побиваютъ на повалъ насмѣшку и остаются фактами, до сихъ поръ необъяснимыми.

Женщина въ Сибири не раба мужчины; она ему товарищъ. Умираетъ мужъ—не погибаетъ домъ и промыселъ, мужемъ завеленный. Жена—вдова ведетъ его дальше съ тою-же энергіей и знаніемъ, какіе присущи были мужу. Въ Тюмени, въ Гостинномъ Дворѣ, было съ мануфактурными товарами до двухъ десятковъ лавокъ, и половина ихъ велась и управлялась женскимъ персоналомъ не менѣе удачно, чѣмъ другая половина. У меня была истиннымъ другомъ и совѣтникомъ вдова Татьяна Алексѣвна Пенъевская, до самой смерти послѣ мужа торговавшая кожевнымъ товаромъ. Она вела свои дѣла прекрасно и пользовалась общимъ уваженіемъ. На ея прилавкѣ, всегда лежала какая нибудь книга духовнаго или свѣтскаго содержанія. Я также зналъ множество ремесленныхъ семей, потерявшихъ главу семьи—мущину, которыя потомъ руководимы были женой умершаго, а завеленное ремесло продолжалось и развивалось безостановочно.

Крестная мать моя была даже изъ тюменскихъ женщинъ, по ея енергіи и труду, выдающеюся женщиной. Иной разъ казалось даже непонятнымъ, какъ она можетъ справляться съ такимъ сложнымъ управленіемъ торговлею и хозяйствомъ, входить во всѣ детали и въ то-же время, что называется, быть душою дѣла? Меня она любила сильно и часто мнѣ говаривала: „къ стани и Богъ пристанетъ“ (т. е. труду и раннему вставанью Богъ помогаетъ). Уходя отъ нее, я часто получалъ такое наставленіе:

— Ну Миколушка, послужи еще нѣсколько годковъ и потерпи неволю, а тамъ я помогу тебѣ встать на свои ноги.

*
* * *

Не помню хорошенько, у кого изъ насъ зародилась мысль— у меня или товарища моего Рылова—но мы сообща написали Петербургской Обсерваторіи о нашемъ желаніи быть въ Тюмени наблюдателями метеорологическихъ явленій. Предложеніе наше было принято, и Обсерваторія прислала намъ физическіе инструменты и таблицы, бланки для занесенія нашихъ наблюденій цифрами и принятыми терминами, предписавъ, въ то-же время, мѣстному почтамту принимать бесплатно нашу корреспонденцію. Мы устроили эти наблюденія на чердакѣ „отдѣльной“, гдѣ раскрыли нѣкоторую часть тесовой крыши. Каждый день въ 8 ч. утра, въ полдень и въ 9 часовъ вечера, мы лазили туда по лѣстницѣ записывать: высоту барометра, температуру воздуха по Реомюру, осадки воды, силу вѣтра и видимое состояніе неба.

Въ этотъ періодъ времени, умеръ мужъ моей крестной матери, мой дядя Кривошеинъ, и я нѣсколько дней находился около покойника. Послѣ похоронъ, прійдя домой поздно вечеромъ, я, по обыкновенію своему, отправился въ нашу обсерваторію для записи наблюденій. Что-то напѣвая, я весело поднимался по лѣстницѣ и только-что просунулъ голову въ западную чердака и глянулъ къ инструментамъ, какъ увидѣлъ моего дядю, покойника, лежащаго въ гробу, на которомъ колыхалось бѣлое покрывало. Я остановился на ступеняхъ лѣстницы и обмеръ отъ страха. Въ моемъ мозгу блеснуло воспоминаніе о деревенскомъ повѣрьи, что ежели бѣжать назадъ, то покойникъ вскочить, нагонитъ и загрызетъ до смерти, а что лучше идти прямо на него и тогда нечистый духъ исчезнетъ. Творя молитвы, какія только вспомнились, я съ рѣшимостью отчаянія, ринулся впередъ и схватилъ колыхающееся покойническое покрывало. Это оказалась рогожа, нами-же повѣшенная

на стропилахъ. Луна въ отверстіе крыши ее освѣщала, вѣтеръ слегка колыхалъ и она казалась совершенно бѣлою!

Нужно-ли прибавлять, какой смертельный страхъ я испыталъ въ этомъ приключеніи? Сердце мое билось и сжималось такъ, что я вернулся въ приказчицкую, по выраженію Силы, „блѣднѣ мертвеца“.

Другой случай былъ вызванъ слѣдствіемъ суевѣрія и безразсудства моего. Кто-то подстрекнулъ меня къ тому, что можно видѣть чорта, отправившись въ полночь въ баню безъ огня. Раздѣвшись тамъ, необходимо позвать его три раза. Чортъ долженъ явиться въ томъ образѣ, каковъ онъ носить на самомъ дѣлѣ. Только де на это нужна смѣлость и рѣшимость.

Баня наша находилась въ заднемъ углу кожевеннаго двора, какъ разъ на берегу р. Туры и выдавалась задней стороною прямо надъ водою. Дождавшись полночи, я отправился одинъ въ баню, отыскивая ощупью двери изъ темнаго передбанника. Тамъ я раздѣлся, поднялся по ступенькамъ на полокъ, усѣлся въ самый уголъ и три раза произнесъ опредѣленную формулу:

Чортъ, чортъ, явись ко мнѣ показать себя.

Конечно, никто не явился, и я вернулся въ комнаты къ себѣ ничего и никого не видѣвши. Но представляю я себѣ, что если бы въ моментъ вызова чорта, забѣжала въ сѣни бани собака, закричалъ-бы на рѣкѣ рыбакъ, — что было-бы тогда съ моею храбростью? Въ то время я достаточно былъ суевѣренъ и все-таки пошелъ одинъ ночью въ баню вызывать чорта.

* *
*

Нѣчтомъ въ праздничные дни, мы иногда плавали на лодкѣ по р. Турѣ, въ видѣ прогулки. Соберется, бывало, кучка пѣсенниковъ и мы, сидя въ лодкѣ во время плаванья, распѣвали пѣсни; то захватимъ самоваръ, чайную посуду и уплывемъ за городъ, куда-нибудь на бережокъ съ полянкой, гдѣ и устраивалось чаепитіе. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ товарищу моему Рылову надо было перейти изъ лодки на нагорный берегъ р. Туры. Онъ выскочилъ изъ лодки на берегъ и началъ, шутя кидать въ меня комочками земли. Лодка оттолкнута была отъ берега и плыла внизъ по теченію рѣки. Я стоялъ среди нея, уклоняясь на право и налѣво отъ бросаемыхъ въ меня комковъ глины и вдругъ, поскользнувшись, упалъ за бортъ лодки, головою въ низъ, въ воду. Плавать я не умѣлъ, а мѣсто рѣки было глубокое. Люди, бывшіе

на лодкѣ, въ первые моменты растерялись и не знали, какъ мнѣ помогать, ибо я, по ихъ выраженію, „какъ камень скрылся подъ водой и лишь пятки сверкнули возлѣ лодки“. Я живо помню обуявшія меня первыя ощущенія, когда я начиналъ тонуть. Въ глазахъ стоялъ желтый цвѣтъ, въ ушахъ звенѣло, а въ головѣ съ невѣроятной быстротой проносились мысли и картины сознанія, что я утопаю и умираю, что родные будутъ плакать, а мать моя замреть отъ жгучаго страданья. Со страшной быстротой проносились въ головѣ картины видѣнныя въ дѣтствѣ. Какъ могло все это умѣститься въ моемъ сознаніи, въ такое короткое время, пока я шелъ ко дну рѣки, на глубину какихъ нибудь 5 аршинъ, я не могу понять, но отчетливо сознавалъ и видѣлъ ярко, одну картину за другою. Мнѣ вспомнилось даже, что я одѣтъ въ платье и сапоги, которые, намокнувъ, наполнились водою и я не успѣю ихъ снять въ водѣ до момента задушенія. Я успѣлъ даже вспомнить, что надобно руками сильно оттолкнуться отъ дна рѣки, когда я прикоснусь къ нему. Такъ я и сдѣлалъ, и быстро вынырнулъ на поверхность рѣки, гдѣ меня схватили люди и втащили въ лодку. Воды я проглотилъ довольно, и у меня пришлось искусственно вызвать рвоту.

*
* *

Въ кругу моихъ знакомыхъ, былъ еще удивительный субъектъ, гитаристъ, Алексѣй Ивановичъ Васильевъ. Маленькаго роста, тщедушный человѣкъ, съ бритой бородою и стриженными подъ гребенку волосами, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, Васильевъ представлялъ собою типъ, о которомъ говорится: „тише воды и ниже травы“. Онъ всю жизнь свою провелъ писцомъ въ канцеляріи Городской Думы, и славился игрою на гитарѣ. Васильевъ былъ питомцемъ Московскаго Воспитательнаго Дома, за что-то сосланный въ Тюмень; здѣсь онъ женился и всю жизнь находился подъ командой своей дрожайшей половины. Каждый день, придя со службы, онъ увлекательно игралъ на гитарѣ и въ это время забывалъ все окружающее. Порою Васильевъ нилъ запоемъ по нѣсколько дней и въ это время становился храбрымъ, гналъ отъ себя свою жену - злодѣйку и игралъ на своемъ излюбленномъ инструментѣ грустные мотивы пѣсенъ. Въ такіе времена Васильевъ становился полною противоположностью трезваго человѣка, начиная съ одежды и оканчивая характеромъ.

Вотъ съ этимъ человѣкомъ я какъ-то познакомился и началъ

у него учиться игрѣ на гитарѣ... Уроки продолжались нѣсколько недѣль, но видимо ученикъ не обладалъ музыкальными способностями, и Васильевъ какъ-то, въ періодѣ запоя, храбро объявилъ: безъ всякаго стѣсненія:

— Бросьте вы учиться на гитарѣ, изъ васъ не выйдетъ музыканта. Только тотъ артистъ, который любитъ инструментъ, какъ я люблю мою гитару и играю на ней по шести часовъ къ ряду. Вы посмотрите на мои пальцы, какъ ихъ окончности стали широки отъ постоянного соприкосновенія со струнами....

Какъ мнѣ ни казался такой отзывъ непріятнымъ, но я послушался благоразумнаго совѣта и забросилъ ученіе на гитарѣ. И лишь временами сталъ я заходить къ Васильеву слушать его артистическую игру, пока не узналъ, однажды, что мой артистъ во время пристуна запоя отдалъ Богу душу.

*
* *
*

Служа прикащикомъ, мнѣ рѣдко удавалось пріѣзжать въ деревню Кулакову. Но когда я тамъ бывалъ, то всегда заходилъ къ моему старому учителю Скрыпѣ, живо интересовавшемуся все время, какъ я живу, чѣмъ занимаюсь и какія читаю книги. Я рассказывалъ ему въ подробностяхъ многія обстоятельства моей жизни, а по поводу прочитанныхъ книгъ, которыхъ онъ не зналъ, я получалъ отъ него совѣтъ, относиться къ нимъ разсудительно.

— Я этихъ книгъ не знаю—бывало скажетъ Скрыпа—а потому и не могу сказать о нихъ опредѣленнаго мнѣнія. Думаю только, что большая часть пустыхъ книги, а ты самъ уже долженъ разбирать ихъ, которыя вредныя или полезныя.

Мой пріѣздъ теперь въ деревню, вызывалъ уже обо мнѣ большіе толки, между всѣми ея обывателями, какъ о человѣкѣ ускользающемъ изъ ихъ сферы.

— Микола-то, Микола-то нашъ, смотрите-ка, какой сталъ. Его теперь и рукой не достанешь. Вотъ оно, что значить городъ-то!

Пріѣхавъ въ деревню, я, бывало, обойду и навѣщу всѣхъ своихъ родныхъ и непременно съѣзжу въ „Таптагай“ и въ „Лога“, гдѣ въ дѣтствѣ часто приходилось бывать за ягодами—клубникой, малиной и черемухой. Нужно-ли прибавлять, что посѣтишь и осмотришь, бывало, также всѣ тѣ мѣста и закоулки, какіе почему нибудь были дороги по воспоминаніямъ дѣтства? Такъ я непременно побываю на сѣновалѣ, гдѣ часто читалъ моего Еруслана

Лазаревича и училъ „писанную“ ариеметику; потреплю по шеѣ стараго хромаго Гнѣдка въ конюшнѣ; загляну въ гнѣзда ласточекъ и схожу въ напогребникъ посмотрѣть кучу песка, гдѣ печатала свои слѣды бѣлая лапта. Потомъ загляну въ уголь „задворья“ гдѣ я работалъ топоромъ, пилой и рубанкомъ. Сбѣгаю наконецъ въ высокую крапиву, растущую на дворѣ старой часовни и загляну между стеекъ подъ полъ, гдѣ, бывало, мы играли въ прятки, и кончу огородомъ тетки Матрены, гдѣ, срѣзая большимъ ножомъ подсолнечникъ и перелѣзая черезъ заборъ, какъ-то разъ я глубоко ранилъ себѣ ножомъ ногу.

Въ первое время въ нашемъ домѣ самовара не было; онъ считался несомвѣстимымъ со строгостью старообрядческаго режима и порядка въ домѣ. Мать моя, бывало, зная, что я уже привыкъ къ чаю, дипломатично скажетъ:

— Микола, ты-бы шелъ къ теткѣ Оринѣ погостить.

Другими словами, это значило, что у себя дома, какъ-бы грѣхъ имѣть самоваръ, а въ чужомъ домѣ, сыну находящемуся въ гостяхъ, можно и напиться чаю.

Жалованье мое изъ года въ годъ росло: я получалъ уже 300 р., въ годъ, что въ то время считалось значительнымъ окладомъ. Хозяинъ мой, какъ - то предложилъ мнѣ торговать отъ себя какимъ нибудь товаромъ, который-бы не нарушалъ хозяйскихъ интересовъ. Я выбралъ для продажи чай, что и было мнѣ разрѣшено. Когда-же я сообщилъ объ этомъ моей крестной матери, она подарила мнѣ 100 р. на мою торговлю, какъ фондъ, и основаніе для будущей моей торговой карьеры. Съ какою гордостью самостоятельности, обратился я тогда къ чайной фирмѣ Пешуковой, за покупкой цѣлаго цыбика! Вѣдь это превышало всѣ мои мечты, какія когда-либо, приходилось лелѣять! Я развѣсилъ цыбикъ чая въ фунты и полуфунты, продавая ихъ въ той же лавкѣ моихъ хозяевъ, и помню до сихъ поръ, что распродала эта, длившаяся мѣсяцъ времени, дала мнѣ барыша цѣлыхъ „пятнадцать цѣлковыхъ“!..

Изъ жалованья моего, я расходовалъ на свой незатѣйливый костюмъ и книги не больше половины; остальное уходило на расходы по перечисленію нашего семейства въ мѣщане, а потомъ на переходъ мой въ купеческое званіе. Остатки жалованья передавались моему отцу въ помощь по домашнему хозяйству въ деревнѣ. Какъ-то разъ призвалъ меня хозяинъ къ себѣ въ каби-

нетъ, гдѣ находились его мать, Аграфена Ивановна, и старшая сестра, негласная владѣтельница лавки, Наталья Аоанасьевна.

— Вотъ что, Никола—заговорилъ хозяинъ—ты занимаешься „по лавкѣ“ хорошо, и мы рѣшили помочь тебѣ ссудой 200 р. Отвези эти деньги твоимъ родителямъ и скажи имъ, пусть они чѣмъ нибудь приторговываютъ въ деревнѣ.

Я изумленъ былъ неожиданнымъ предложеніемъ и могъ только промолвить:

— Спасибо вамъ за это.

— Откладывать нечего — продолжалъ хозяинъ.—Вотъ тебѣ деньги и завтра-же поѣзжай къ родителямъ въ деревню.

Я такъ и сдѣлалъ. Дома у насъ радости семейной не было границъ. Было между нами рѣшено, что отецъ будетъ закупать ремесленные издѣлія на деревнѣ — сани, телѣги, накладушки—и потомъ поѣдетъ въ ярмарки—въ Устькаменскую, Курганскую и Ишимскую—для продажи ихъ. Я-же буду отъ себя вести торговлю, при лавкѣ Рѣшетниковой, развѣшаннымъ байховымъ чаемъ.

Такъ продолжалось дѣло нашихъ экономическихъ успѣховъ года два. Отецъ и я постепенно и успѣшно увеличивали матеріальный семейный достатокъ. Торговля ремесленными издѣліями велась удачно, и мы рѣшили домъ и дворъ въ деревнѣ продать, что значительно увеличивало нашъ денежный фондъ и давало возможность еще большаго развитія нашихъ торговыхъ операций. Домъ былъ проданъ и семья наша переѣхала на квартиру въ городъ, къ моей крестной матери, теперь вдовѣвшей и закрывшей свой постоялый дворъ.

Я понемногу мужалъ и развивался, мои корреспонденціи печатавшіеся въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, придавали мнѣ въ глазахъ общества вѣсъ и значеніе. Въ качествѣ купца, я бывалъ уже въ думскихъ засѣданіяхъ и помню случай, когда на представленіи общества губернатору, покойному Деспотъ-Зеновичу, онъ предъ всѣми заявилъ городскому головѣ:

— Кто у васъ тутъ авторъ корреспонденцій изъ Тюмени, г. Чукмалдинъ?

Меня представили и я имѣлъ съ нимъ маленькій диспутъ о сломкѣ стараго Гостиного Двора.

Этотъ случай породилъ въ глуши провинціального города большую сенсацию. Одни меня хвалили, а другіе находили, что я какой-то деревенскій „выскачка“, который полѣзъ даже къ губернатору.

Въ это-же время крестная мать моя, видя успѣшность моего дѣла, предложила мнѣ денегъ 1500 р. съ тѣмъ, чтобы я изъ прикащика сталъ компаніономъ моихъ хозяевъ, предъявивъ имъ эту комбинацію. Я долго не рѣшался на такое предложеніе, опасаясь показаться рѣзкимъ и назойливымъ, но перспектива независимости и самостоятельной жизни дѣйствовала неотразимо и я рѣшился наконецъ заявить о томъ хозяевамъ, а если они на то не согласятся, то отказаться отъ должности прикащика и продолжать съ отцомъ моимъ торговлю ремесленными издѣліями. Какъ-то въ праздничный день, усердно помолившись Богу, я пошелъ къ хозяевамъ съ этимъ предложеніемъ и, къ удивленію моему, не встрѣтилъ ни спора, ни отказа. Тутъ-же было и рѣшено, что я вкладываю денегъ, въ общую лавочную торговлю 2000 р. и становлюсь участникомъ въ трети прибылей, не получая жалованья. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, пересчитаны были все товары, внесены въ реестръ благонадежные долги, составленъ общій счетъ актива и пассива, и я превратился изъ прикащика въ компаніона. Семья моя въ то время, жила уже въ Тюмени, и я послѣ семилѣтней службы въ чужихъ людяхъ, снова зажилъ совмѣстно съ моими родными.

Въ первое время я какъ-бы не вѣрилъ въ эту перемѣну жизни, въ это счастливое сочетаніе внѣшнихъ обстоятельствъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ измѣнятся условія, и я опять попаду въ зависимость и снова помѣшусь въ маленькую, съ двумя березовыми стульями и софою, прикащицкую комнатку, въ которой прожилъ столько времени! Я напрягалъ всю мою энергію, чтобы торговля шла какъ можно лучше, чтобы результаты ея, въ смыслѣ прибыли и стройнаго теченія дѣлъ, были безупречны и постепенно достигалъ того и другаго. Я самостоятельно покупалъ въ Ирбитской и Крестовской ярмаркѣ товары и самостоятельно же продавалъ ихъ...

Въ этотъ-же счастливый періодъ моей жизни судьба столкнула меня съ покойнымъ Константиномъ Николаевичемъ Высоцкимъ, бывшимъ учителемъ Тюменскаго уѣзднаго училища. Это былъ человѣкъ съ выдающимися способностями, съ благородной и возвышенной душою! Многимъ я ему обязанъ въ моемъ душевномъ складѣ. Но въ своей личной жизни, онъ былъ несчастливъ и какъ-то трагично угасала его жизнь, среди неустрашимыхъ обстоятельствъ! По уважительнымъ причинамъ, я не могу еще касаться коренныхъ причинъ, заставившихъ его пройти тернистую дорогу жизни и

преждевременно умереть, но не могу отъ всей души моей не скорбѣть объ этомъ человѣкѣ. Когда будетъ возможно, я напишу его біографію, изъ которой будетъ видно, какіе мученики, безъ вины виновные, бываютъ среди нашей повседневной жизни.

*
* * *

Съ каждымъ мѣсяцемъ и годомъ мое матеріальное и умственное состояніе росло и развивалось, а это въ свою очередь давало мнѣ репутацію дѣловаго человѣка съ которымъ начали искать знакомства многіе изъ тѣхъ, которые еще недавно смотрѣли на меня, какъ на выскочку изъ деревни. Въ числѣ первыхъ пріѣхали ко мнѣ въ квартиру познакомиться, покойные теперь, Ф. С. Колмогоровъ и И. В. Канонниковъ. Я бывалъ уже, какъ равный членъ, на купеческихъ собраніяхъ и меня избрали секретаремъ коммисіи по собиранію свѣдѣній и составленію доклада о нуждахъ города, какіе требовались отъ городскихъ думъ, передъ введеніемъ Городоваго положенія. Мало по малу у насъ составилъ кружокъ, въ которомъ интересовались общественными интересами, и устроились даже дни, когда по вечерамъ происходили чтенія, въ квартирѣ то у одного, то у другаго изъ членовъ—товарищей, пока полиція не придала этимъ вечерамъ неподобающаго значенія и не пригрозила намъ отвѣтственности. Понятно, послѣ этого, вечерніе чтенія сообща сами собою прекратились.

Бывало, съ какимъ животрепещущимъ интересомъ, ожидалась новая книжка „Современника“, которая ходила по рукамъ до тѣхъ поръ, пока всѣ знакомые, интересующіеся литературными новинками не прочтутъ ее! Особенно много волновали насъ и порождали безконечные споры и разсужденія: журналъ „Ясная Поляна“ и романъ „Война и миръ“—графа Толстаго. По поводу ихъ спорамъ и толкамъ не было конца, и у кого нибудь вечеръ за чаемъ затягивался далеко за полночь.

*
* * *

Кончаю пока на этомъ мои воспоминанія юност. Когда нибудь, если позволить время и здоровье, я расскажу съ такой же откровенностью, какая положена въ основу этихъ воспоминаній, и дальнѣйшую жизнь мою—взрослага сложившагося человѣка, и обрисую какъ росло мое матеріальное благосостояніе, до переѣзда моего на жительство въ Москву включительно.

По поводу виленскаго тоста г. министра Юстиціи. А. Пороховщикова. Ц. 20 к.
Католическая исповѣдь и женщина. Свящ. Шиники, переводъ съ французскаго. Непогрѣшимаго. Цѣна 1 р.

Земство. школа, приходъ. Иванъ Коссовичъ, съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Цѣна 15 коп.

Приходъ и братство. Константина Одарченко. Цѣна 20 к.

Кедронскій вопросъ. Іоанна Поповича Липоваца съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Цѣна 10 коп.

Вопросъ о валютѣ на Орловскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ, съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Цѣна 1 руб.

Полные экземпляры газеты «Русскій Трудъ» за 1897 и 1898 годы. Цѣна 15 рубл. за годъ безъ приложений.

Гг. выписывающіе непосредственно изъ конторы „Русскаго Труда“ (Захарьевская, д. 3, Спб.) за пересылку не платятъ.

„Русскій Трудъ“.

Открываемъ подписку на третій годъ нашего изданія. Установивъ прочно нашу кассу и создавъ органъ печати всецѣло посвященный жизненнымъ нуждамъ и живому дѣлу родины, мы имѣемъ право желать, чтобы нашъ голосъ раздавался не въ тѣсномъ кружкѣ, но слышался вездѣ въ Россіи, чтобы въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ общественномъ собраніи и библиотекѣ имѣлся хоть одинъ экземпляръ «Русскаго Труда». Да, мы имѣемъ на это право, ибо то, что говорилъ и будетъ говорить «Русскій Трудъ» не праздная болтовня, не шаблонныя писанія ремесленниковъ пера, не городскія сплетни, а строгая, продуманная и выстраданная мысль. Мы не убавляемъ, а будимъ, мы ищемъ выхода для нашей родины изъ тѣхъ злоключеній и бѣдствій, которыя становятся слишкомъ уже невыносимыми. Мы тщательно собираемъ голоса, разбросанныхъ по Россіи честныхъ и независимыхъ людей, способныхъ взглянуть и вдуматься въ нашу современность, мы допрашиваемъ факты и цифры, ищемъ правды, и высказываемъ эту правду, какъ-бы горька она ни была.

Это не фразы, не пустая похвальба. Два первыхъ года «Русскаго Труда» дали. Направленіе и программа нашего изданія, полагаемъ, выяснились достаточно. Мы не принадлежимъ ни къ какой литературной партіи, (хотя и раздѣляемъ воззрѣнія славянофильской школы), а наша программа въ двухъ словахъ: *независимость Россіи*. Независимость духовная, политическая, экономическая, бытовая, борьба со всякими теченіями, стремящимися изуродовать обезличить, или закабалить русскаго человѣка.

На первомъ планѣ въ этой борьбѣ за русскаго человѣка мы пока ставимъ экономическіе и specially финансовые вопросы. Такъ нужно, ибо въ нихъ теперь ключъ ко всему. «Русскій Трудъ», не слагая оружія, боролся все время со вздорными экономическими теоріями, налагавшими столь непосильныя испытанія на нашу родину и, смѣемъ увѣрить, кое что сдѣлалъ. А впереди еще больше работы, ибо кромѣ стороны отрицательной, нужна положительная. Необходимо отыскать выходъ для русскаго земледѣлія, для несчастной сельской Руси, уже впадающей въ отчаяніе. Мы вѣримъ, что этотъ выходъ найдется, ибо къ «Русскому Труду» приливаютъ новыя и новыя силы и, можетъ быть, ему суждено будетъ стать органомъ нашего культурнаго возрожденія

«Русскій Трудъ» состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I. **Передовыя статьи** по различнымъ выдающимся общественнымъ вопросамъ. II. **Общіе вопросы** внутренней жизни Россіи, ея просвѣщенія, управленія, науки, быта. III. **Церковные вопросы**. Религіозная жизнь и бытъ русскаго народа съ точки зрѣнія христіанской любви и свободы. IV. **Иностранный отдѣлъ**. Разборъ выдающихся явленій во внѣшней политикѣ. Письма изъ иностранныхъ земель и статьи V. **Экономическій отдѣлъ**. Статьи по вопросамъ земледѣлія, промышленности финансовъ. VI. **Обмѣнъ мнѣній**. Письма и возраженія редактору и отвѣты редактора. VII. **По душѣ**. Простая и откровенная бесѣда на темы, наиболѣе наболѣвшія въ общественномъ быту (родъ фельетона). VIII. **Литература и искусство**. Оригинальныя и переводныя беллетристическія произведенія. Критика и библиографія. Чужія мысли и недомыслия (обзоръ газетъ и журналовъ). IX. **Шутки ради**. Серьезная политическая и общественная сатира. Шаржи и пародіи X. **За недѣлю: дома и за границую**. Отчетъ о событіяхъ въ сжатомъ видѣ.

На первой страницѣ обыкновенно помѣщаются портреты русскихъ и иностранныхъ выдающихся дѣятелей, художественно выполненныя, а также изображенія важныхъ событій. Статьи технического содержанія иллюстрируются чертежами, картами и пр.

Принимали до сихъ поръ участіе въ „РУССКОМЪ ТРУДѢ“ слѣдующія лица:

Н. П. Аксаковъ, А. А. Башмаковъ Л. Г. Богаевскій (проф.), Г. В. Бутми В. А. Бѣлинскій, Аѳ. В. Васильевъ, Н. Х. Вессель, В. В. Витковскій, (проф.) А. И. Воейковъ (проф.), А. С. Вязигинъ, А. Ѳ. Головинскій, К. Ѳ. Головинъ (Орловскій), А. В. Горскій-Платоновъ (проф.), И. А. Гофштеттеръ, П. Н. Давыдовъ (предв. двор.), С. А. Дедюлинъ, Н. А. Дингельштедтъ, И. С. Дурново, Н. А. Дурново, Н. Н. Дурново, А. В. Евреиновъ (предв. двор.), Н. Е. Зинченко, Е. А. Зеландъ-Дуббельтъ, П. П. Зубовъ (предв. двор.), В. С. Карцевъ, В. Ѳ. Кельинъ, А. А. Кирѣевъ, А. М. Кисель, В. Н. Кораблевъ, С. А. Корбе, И. А. Коссовичъ, К. С. Красильниковъ, В. С. Кривенко, С. П. Леонтовичъ, И. И. Меньшенинъ, И. И. Мешерскій, В. Монигетти, А. Ѳ. Морскинъ, М. П. Мясоѣдова, Н. Нелюбовъ, К. Ф. Одарченко, П. В. Оль, А. В. Пазухинъ, Е. К. Петерсенъ, Н. А. Пановъ, Ѳ. Подоба, А. Пороховщиковъ, А. Д. Полѣновъ, Е. А. Предтеченскій, В. Ѳ. Пуцыковичъ, Е. И. Рагозинъ, Л. А. Рафаловичъ, В. В. Розановъ, И. Ѳ. Романовъ, (Рцы), М. А. Родевичъ, Ѳ. Э. Ромеръ, Я. А. Ростовцевъ о. Влад. Рюриковъ, (свящ.), А. Сабо, М. А. Савельевъ, А. А. Стаховичъ (предв. двор.), К. Смольницкій, А. Н. Соколовская (врачъ), Панта Сретъковичъ, (проф.), А. А. Титовъ, К. К. Толстой, П. С. Толстой, Эдм. Тэри-Д. А. Тимирязевъ, бар. Н. И. Тизенгаузенъ, А. Н. Фроловъ, Н. М. Чукмалдинъ, кн. А. Гр. Шербатовъ и др. липа.

Условія подписки: На годъ (съ 1 янв.) 8 руб., на полъ года 4 руб. на три мѣсяца (съ 1 янв., 1 апр., 1 юля и 1 окт.) 2 руб. съ доставкой и пересылкой. За границу на годъ 10 р. на полгода 5 р. Контора Редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, домъ № 3. Для ознакомленія желающихъ нѣсколько номеровъ высылаются безплатно.

Редакторъ-издатель *Сергій Шароновъ*.

